

Мистер Шерлок Холмс

Выпуск 6

«Мистер Шерлок Холмс»

альманах

Выпуск 6

Мистер Шерлок Холмс

Альманах

Выпуск 6

Паровая типолитографія А.А.Лапудева
Москва
Георгіевскій переулочъ, домъ 19
2014

Мистер Шерлок Холмс. Альманах. Выпуск 6. – Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2014 – 284 с., илл.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п.

Все материалы получены из открытых источников.

Рисунок на обложке — Frederic Dorr Steele

Рисунок на 2-й странице — Richard Gutschmidt

Рисунок на 5-й странице — Alfred Gilbert

Рисунок на 21-й странице — Howard K. Elcock

Рисунок на 40-й странице — Josef Friedrich

Рисунок на 67-й странице — Frederic Dorr Steele

© Паровая типолитография А.А.Лапудева, состав, редактирование, 2014

Раздел первый

Его прощальный поклон

(произведения Артура Конан Дойла)

Артур Конан Дойл

***ПРЕДИСЛОВИЯ*¹**

1

К СБОРНИКУ «ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН»

Друзья мистера Шерлока Холмса будут рады услышать, что он по-прежнему жив и здоров, хотя и подвержен редким приступам ревматизма. Уже много лет он живёт на маленькой ферме в холмах в пяти милях от Истбурна, где равномерно делит своё время между занятиями философией и сельским хозяйством. Находясь на покое, он отказывает на самые великолепные предложения взяться за то или иное дело, заявляя, что вышел в отставку раз и навсегда.

Приближение войны с Германией заставило его, однако, вновь предоставить в распоряжение правительства своё столь примечательное сочетание интеллектуальных способностей и практических навыков. Отчёт об исторических результатах данного расследования представлен в «Его прощальном поклоне» — своеобразном эпилоге приключений Шерлока Холмса.

Чтобы дополнить эту книгу и придать ей законченный вид, я добавил несколько отчётов о прежних делах моего друга, долгое время пролежавших в моём архиве и по разным причинам не опубликованных ранее.

Джон Х. Уотсон, доктор медицины

2

К СБОРНИКУ «АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА»

Я боюсь, что мистер Шерлок Холмс, возможно, стал походить на одного из этих популярных теноров, которые, пережив своё время, не могут удержаться от соблазна долгих прощальных поклонов своей всепрощающей аудитории. Это должно прекратиться, и он должен покинуть мир живых, материальный или воображаемый. Хочется верить, что где-то есть некий лимб для созданных воображением; некое странное, невозможное место, где кавалеры Филдинга всё ещё влюбляются в красавиц Ричардсона; где с важностью шествуют героини Скотта; где по-прежнему вызы-

¹ Перевод М. А. Чумаков, 2009

вают смех простодушные кокни Диккенса, а практичные персонажи Теккерея продолжают свои предосудительные карьеры. Возможно, в каком-нибудь скромном уголке этой Валгаллы Шерлок со своим верным Уотсоном могут найти местечко на время, пока какой-нибудь ещё более хитроумный сыщик со своим ещё менее сообразительным товарищем будут занимать то место на сцене, которое они освободили.

Его карьера была долгой, хотя и не настолько, чтобы престарелые джентльмены подходили ко мне и заявляли, что его приключения сформировали их детский круг чтения. Боюсь, они получили от меня не ту реакцию, которую ожидали. Никому не нравится, когда с датами его жизни обращаются столь вольно. Обратимся к холодным фактам: дебют Холмса состоялся в «Этюде в багровых тонах» и «Знаке четырёх», двух небольших брошюрах, появившихся между 1887 и 1889 годами. В 1891 «Скандал в Богемии», первый из длинной серии рассказов, был напечатан в журнале «Стрэнд». Публика рассказ, казалось, оценила и просила ещё, и вот, начиная с этой даты, тридцать девять лет назад, с перерывами издаётся серия, в которой сейчас не менее пятидесяти шести рассказов, объединённых в «Приключения», «Записки», «Возвращение» и «Его прощальный поклон». Опубликованные за последние несколько лет оставшиеся двенадцать воспроизводятся здесь под названием «Архив Шерлока Холмса». Он начал свои приключения в самый расцвет Викторианской эпохи, продолжал в течение всего, слишком короткого, правления Эдуарда и ухитряется занимать свою маленькую нишу и в наши бурные дни. Поэтому правильнее будет сказать, что те, кто впервые прочитал о нём в своей молодости, дожили до того, чтобы увидеть, как их подростские дети следят за теми же приключениями в том же журнале. Это удивительный пример терпения и лояльности британской публики.

В заключительном рассказе «Записок» я имел однозначное намерение завершить жизненный путь Холмса, так как я полагал, что моя литературная энергия не должна направляться в одно русло. Это бледное, чисто выбритое лицо и долговязая фигура занимали слишком большое место в моём воображении. Я сделал это, но, к счастью, ни один коронер не вынес заключения по поводу останков, и, по прошествии времени, мне было не сложно откликнуться на настойчивые просьбы и дать объяснения своему опрометчивому поступку. Я никогда не жалел об этом, так как в действительности оказалось, что эти мои легковесные скетчи совсем не помешали мне достичь своих пределов в таких

различных областях литературы, как история, поэзия, исторический роман, исследования психики и драматургия. Если бы Холмса никогда не существовало, я бы не смог сделать большего, хотя он, возможно, немного и стоял на пути признания моих более серьёзных литературных работ.

Итак, читатель, простимся с Шерлоком Холмсом! Я благодарю тебя за былую верность и могу только надеяться, что небольшое возвращение в прошлое в виде этого сборника отвлечёт тебя от жизненных проблем и поспособствует развитию умения мыслить, что и является целью волшебной страны Фантазии.

Артур Конан Дойл

3 *К СБОРНИКУ «ПОВЕСТИ», 1929*

В нижеследующих историях деятельность м-ра Шерлока Холмса отображена в более широких рамках, в какой-то степени расширяющих место действия. Это расширение повествования проявляется в тех случаях, когда история персонажа не укладывается в канву расследования. Но так как центром всё же является пронизательность главного героя, добавление к этому чего бы то ни было, по моему мнению, в любом случае ослабит общий эффект. Но, возможно, другие писатели смогут преуспеть там, где я потерпел неудачу.

«Этюд в багровых тонах» был первой законченной повестью, которую я написал вообще, хотя у меня за плечами было десять лет оттачивания пера на коротких рассказах, большая часть которых была анонимной. Он представлял собой реакцию на то, что детективы старой школы, как их изображали в литературе, уж слишком легко получали свои результаты. Испытав на своей шкуре суровый курс обучения постановке медицинского диагноза, я подумал, что если эти строгие методы наблюдения и искусства делать выводы применить к проблемам криминалистики, то можно создать что-то вроде научной системы. Сейчас, после выпущенной мной целой серии книг, моё мнение подтвердилось, так как я вижу, что в некоторых странах происходят изменения в полицейской процедуре именно на основе этих моих рассказов. Можно иронизировать по поводу «детектива из книжек», но принцип есть принцип, неважно, взят он из литературы или из жизни. Многие важные жизненные уроки мы получаем из книг, созданных романистами.

В 1887 году, когда был написан «Этюд в багровых тонах» в Америке не было авторских прав, поэтому книга свободно издавалась в Соединённых Штатах, и привлекла там некоторое внимание. Вследствие этого, м-р Липпикотт прислал представителя, чтобы переговорить о продолжении. Тот привёз заказы на книги для нескольких британских писателей, и пригласил меня и Оскара Уайльда на обед, чтобы обсудить этот вопрос подробнее. В результате появились «Портрет Дориана Грея» и «Знак четырёх».

Затем последовала «Собака Баскервиль». Она родилась из рассказа Флетчера Робинсона, замечательного человека, чья преждевременная смерть явилась потерей для этого мира. Это история о призрачной собаке, которую видели недалеко от его дома в Дартмуре. Его рассказ послужил основой для книги, но я должен добавить, что сюжет и каждое слово повествования придуманы мной.

И, наконец, «Долина страха», появившаяся после того, как я прочёл иллюстрированный отчёт о преступлениях тайного общества «Молли МакГуайр» на угольных шахтах в Пенсильвании, когда молодой детектив, присланный из агентства Пинкертона, действовал так же, как и герой моей повести. Холмс в этой истории играет второстепенную роль.

Я уверен, что молодые читатели найдут эти повести небезынтересными, а люди, принадлежащие старшему поколению, вновь перечитают их с удовольствием.

Артур Конан Дойл

Артур Конан Дойл ²

ДЕЛО О ВЫСОКОМ ЧЕЛОВЕКЕ ³

К Шерлоку Холмсу обращается очень взволнованная девушка. В её деревне произошло убийство: её дядя найден в своей спальне застреленным, очевидно, через раскрытое окно. Арестован её возлюбленный. Он подозревается на следующих основаниях:

(1) У него была сильная ссора со стариком, который угрожал изменить своё завещание, составленное в пользу девушки, если она когда-нибудь ещё заговорит со своим возлюбленным;

(2) В его доме найден револьвер с одним пустым гнездом в барабане и с его инициалами, нацарапанными на рукоятке. Пуля, извлечённая из мёртвого тела, подходит к этому пистолету;

(3) У него есть лёгкая приставная лестница, единственная в деревне, а отпечатки от такой же лестницы найдены на земле под окном спальни, в то время как следы такого же грунта (свежего) обнаружены на основании лестницы.

Его единственный ответ заключается в том, что у него никогда не было револьвера, к тому же он обнаружен в выдвижном ящике комода для шляп в его прихожей, куда его легко мог положить кто угодно. Что касается следов от лестницы (которую он не использовал больше месяца), объяснений нет вообще.

² По мнению ряда авторитетных экспертов, «The Adventure of a Tall Man» не принадлежит перу Конан Дойла. В 1943 году этот синопсис нашёл Хескет Пирсон, которому семья предоставила доступ к части архива АКД. Текст был отпечатан на машинке. Вероятнее всего, это сюжет рассказа, который Дойл приобрёл у стороннего автора. Дело в том, что с начала 1900-х годов многие начинающие литераторы придумывали, как им казалось, замечательные сюжеты для шерлокхолмсовской саги, и обращались к Дойлу с предложением соавторства. Дойл был человеком тактичным, и, не желая обижать небогатых и не слишком талантливых литературных дебютантов, он поступал так: предложение о соавторстве отвергал вежливо, но категорично, а за сюжет рассказа предлагал некую сумму, которая, как правило, вполне удовлетворяла его корреспондента. Про присланный текст он писал, что возможно использует его сюжетные идеи в одном из последующих рассказов, но очевидно, так никогда и не воспользовался ни одним из синопсисов — *прим. Д. Дубишина*.

³ Перевод М. Чумаков.

Не опровергая эти твёрдые доказательства, девушка, тем не менее, настаивает, что её возлюбленный абсолютно невиновен, в то время как она подозревает другого человека, который также влюблён в неё. У неё нет доказательств его вины, кроме того, что она инстинктивно чувствует, что он негодяй, который не остановится ни перед чем.

Шерлок и Уотсон отправляются в деревню и обследуют местность вместе с полицейским детективом, ведущим это дело. Отпечатки лестницы привлекают особое внимание Холмса. Он размышляет. Осматривается. Интересуется, нет ли здесь места, где можно спрятать что-нибудь громоздкое. Оказывается — есть: неиспользуемый колодец, который не обследовали, так как ничего не пропало. Шерлок, однако, настаивает на осмотре колодца. Деревенский мальчик вызывается спуститься туда со свечой. Перед спуском Холмс шепчет что-то ему на ухо — тот кажется удивлённым. Мальчика опускают в колодец и, по его сигналу, поднимают назад. Он вытаскивает на поверхность пару ходулей!

— Великий Боже! — кричит детектив. — Ну, кто, ради всего святого, мог этого ожидать!

— Я, — отвечает Холмс.

— Но почему?

— Потому что следы на газоне оставлены двумя шестью, стоящими перпендикулярно земле, а основание приставной лестницы, которая стоит под наклоном, оставило бы углубления под углом к стене.

(N.B. Газон — это полоска земли за гравийной дорожкой, на которой ходули не оставили следов.)

Это открытие ослабляет силу такой улики, как лестница, но остальные улики остаются.

Следующий шаг был выследить владельца ходулей, если это возможно. Но он очень осторожен, и по прошествии двух дней ничего не обнаружено. На дознании молодого человека признают виновным в убийстве. Но Холмс убеждён в его невиновности. В таких обстоятельствах, в качестве последней надежды, он прибегает к сенсационной стратегии.

Он уезжает в Лондон, и, вернувшись вечером в день похорон старика, он, Уотсон и полицейский детектив направляются в коттедж человека, которого подозревает девушка, захватив с собой человека, привезённого Холмсом из Лондона, который меняет внешность таким образом, что делается живым воплощением убитого: высохшее тело, сморщенное лицо, оскал черепа и всё такое. Они берут с собой также пару ходулей. Достигнув кот-

теджа, загримированный человек становится на ходули и подходит по тропинке прямо к открытому окну спальни хозяина, выкрикивая его имя наводящим ужас, замогильным голосом. Человек, который уже наполовину сошёл с ума от страха перед разоблачением, бросается к окну и видит в лунном свете ужасное зрелище: его жертва направляется прямо к нему. Он с криком отшатывается назад, в то время как видение, приближаясь к окну, взывает тем же потусторонним голосом:

— Как ты пришёл ко мне, так я пришёл к тебе!

Когда детективы взбегают вверх по лестнице в его комнату, он бросается к ним, хватая их за руки, и, задыхаясь, указывает на окно, где освещается лунной лицо мертвеца. От ужаса он визжит:

— Спасите меня! Боже мой! Он пришёл за мной, как я пришёл за ним!

Сломленный после этой драматической сцены, он делает полную признания: он пометил револьвер и спрятал там, где его нашли; он также вымазал основание лестницы землёй из сада старика. Его целью было убрать с дороги соперника в надежде завладеть девушкой и её деньгами.

Роберт А. КАТТЕР

*ШЕРЛОК ХОЛМС И ДЕЛО ВЫСОКОГО ЧЕЛОВЕКА*⁴

Ветреным днём ближе к концу лета 1900 года я возвратился на Бейкер-стрит после небольшой прогулки по Гайд-парку, и обнаружил Шерлока Холмса в той же самой позе, в которой я оставил его, уходя. Он лежал, вытянувшись на кушетке, с полужакрытыми глазами, клубы дыма из прокуренной глиняной трубки, набитой дешёвой крепкой смесью, неспешно всплывали к потолку.

Обнаружив, что мой компаньон слишком погружён в себя, чтобы вести беседу, я освободил своё кресло от скопившихся в нём скомканных газет и устроился в нём, намереваясь посвятить себя последнему номеру «Британского медицинского журнала». Вдруг наше уединение было нарушено звонком у входа и величественной поступью миссис Хадсон, направившейся открывать дверь.

— Холмс, — сказал я, удивлённо взглянув на своего друга. — Кто бы это мог быть?

— Клиент, вне всяких сомнений, — ответил он. — И я бы сказал, что дело срочное, судя по настойчивости звонка.

Его глаза засверкали, и он удовлетворённо потёр руки в предвкушении. Мы услышали поспешные шаги на лестнице, и через мгновение нетерпеливый стук в нашу дверь. Холмс протянул руку и повернул настольную лампу так, чтобы она осветила свободный стул, на который должен был бы сесть наш посетитель.

— Войдите, — произнёс он.

Вошедшая женщина была молода, самое большее лет двадцати двух. Она была одета в опрятное модное платье, но я сразу заметил, что у неё вид человека, испытавшего огромное потрясе-

4 Перевод М. А. Чумаков, 2013, по изданию: «The Tall Adventure of Sherlock Holmes» by Robert A. Cutter. From «Sherlokian Studies», The Baker Street, Jackson Heights, New York, 1947.

Набросок А. К. Дойла, по мотивам которого написан этот рассказ, называется «The Adventure of the Tall Man» («Дело о высоком человеке» или «Дело о долговязом» в переводе Г. Панченко), поэтому русское название этому рассказу дано по аналогии. Правильнее было бы перевести, как «Невероятное дело Шерлока Холмса».

ние. Её взгляд метался по комнате, как у испуганного животного. Она посмотрела на Холмса, потом на меня.

— Я — Шерлок Холмс, а это — мой друг и коллега доктор Уотсон.

— Я должна извиниться, — выпалила она, — за то, что беспокою вас в этот час без предварительной договорённости, но я отчаянно нуждаюсь в вашей помощи.

— Пожалуйста, сядьте и успокойтесь, — сказал Холмс. Он с минуту рассматривал её со свойственным ему отсутствующим видом. — И какая же причина заставила вас сесть в поезд и проделать весь этот долгий путь из Йоркшира для того, чтобы посоветоваться со мной?

— Мистер Холмс! — вскричала она. — Вы меня знаете?

— Совсем нет, это чистая дедукция. Я заметил уголок обратного билета, высовывающийся из вашей перчатки. И грязь, прилипшая к наконечнику вашего зонтика и подолу вашего платья достаточно характерна для Йоркшира.

— Ах, всё оказывается так просто, после того, как вы объяснили!

— Несомненно, — с лёгким раздражением ответил Холмс.

— Теперь я уверена, что вы сможете мне помочь!

— Я могу только попытаться. А теперь, по существу дела, пожалуйста.

С этими словами мой друг откинулся на кушетку, полузакрыв глаза, соединил кончики пальцев и приготовился слушать.

— Моё имя Эмили Прэтт, — начала наша посетительница. — После того, как четыре года назад умер мой отец, я живу — точнее, жила — с моим дядей, сэром Чарльзом Гудлиным, в небольшом коттедже около Шэффилда в Йоркшире. Не могу сказать, что моя жизнь была несчастной, но всё закончилось несколько месяцев назад. В то время я встретила Артура Морли. Он был всего лишь клерком в местном банке, но мы сразу же полюбили друг друга. Мой дядя был этим шокирован. Когда Артур пришёл просить моей руки, последовала бурная ссора. Дядя Чарльз, думая, что Артур всего лишь охотиться за наследством, которое отходило ко мне после дядиной смерти, пригрозил изменить завещание, если мы хотя бы ещё раз заговорим друг с другом, и даже вынудил руководство банка уволить Артура. Затем, прошлой ночью, когда мой дядя находился в постели в своей спальне на третьем этаже, кто-то подобрался к окну и застрелил его. Прибыла полиция, и слуги рассказали о дядиной ссоре с Артуром. Полицейские обыскали его дом. В прихожей в ящике ко-

мода под вешалкой для шляп они нашли револьвер с инициалами «А. М.», нацарапанными на рукоятке. В одном гнезде барабана была разряженная гильза, и пуля, найденная в теле дяди, подходила к этому револьверу.

— Вот оно как... — пробормотал Холмс. — Похоже, дела вашего молодого человека совсем плохи. Что он говорит в свою защиту?

— Артур клянётся, что у него в жизни не было револьвера. Вешалка находилась в прихожей, куда мог зайти любой.

— Вполне возможно. Ещё что-нибудь?

— Да. У Артура есть лёгкая приставная лестница. Полиция обнаружила свежую землю на перекладинах и основании ножек. Прямо под дядиным окном они нашли два углубления на грунте, там, где убийца устанавливал лестницу. Так как Артур уже месяц не пользовался лестницей, он не может дать этому удовлетворительного объяснения.

— Мог ли кто-нибудь забрать лестницу на время, а потом вернуть?

— Нет, мистер Холмс. Она крепится цепью к стене сада.

Сообщив этот убийственный факт, наша клиентка разрыдалась и, всхлипывая, уткнулась в носовой платок. Холмс подался вперёд и положил свою тонкую руку ей на плечо, используя всю присущую ему почти гипнотическую способность к утешению. Выражение отчаяния исчезло с её лица, опущенные плечи медленно распрямились.

— Вы должны собраться с силами, — начал Холмс, — если мы хотим помочь вашему молодому человеку.

— Думаете, вы сможете освободить Артура, мистер Холмс?

— У меня для этого пока недостаточно данных. Не могу вам сказать. Может быть, вы сами подозреваете кого-то, кто мог бы быть убийцей?

— Да-да! Я уверена, что убийца — Джек Морган, также, как и в том, что Артур ни в чём не виноват. У меня пока нет никаких улик против Моргана, я просто инстинктивно чувствую, что он виновен. Я наверняка знаю, что он безответственный человек. Ведь он даже имел наглость уговаривать меня бежать с ним и тайно обвенчаться.

— Ну, арестовать его за это нельзя. Однако нам следует присмотреться к нему повнимательней, когда мы приедем в Шэффилд. На настоящий момент он — наш основной подозреваемый. Это всё, мисс Прэтт?

— Да, мистер Холмс, за исключением того, что я хотела бы поблагодарить вас от всего сердца за всё, что вы для меня делаете.

— Благодарить будете, если я освобожу вашего молодого Морли. Однако учтите, что если я обнаружу новые улики против него, я немедленно сообщу об этом в полицию.

— Я это прекрасно понимаю. Вы едете прямо сейчас?

— Нет, не сейчас. Я сейчас занят одним делом, но как только я получу известие, что преступник схвачен, мы с доктором Уотсоном сразу же поспешим в Шэффилд.

— Хорошо. До свидания, джентльмены.

Эмили Прэтт решительно направилась к двери, казалось, у неё появились новые силы. После того, как она ушла, Холмс повернулся ко мне.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— Для Морли всё складывается очень плохо. А у вас нет ничего, кроме женских подозрений.

— Женской интуиции, — поправил он. — И я убедился, что на неё вполне можно полагаться. Впрочем, увидим.

Остаток вечера Холмс рассуждал о сходстве и различиях между древним корнуоллским диалектом и гаэльским языком. Наконец, появился посыльный с запиской, адресованной моему другу.

— Ага! — удовлетворённо воскликнул он. — Уилсон схвачен. Теперь мы можем уделить внимание делу мисс Прэтт.

Он протянул свою длинную тонкую руку и снял с полки справочник Брэдшоу.

— Если мы поспешим, то успеем на поезд, отправляющийся в 1:30 с вокзала Сент-Панкрас.

Мы сбежали вниз по лестнице и сели в кэб, вызванный Холмсом заранее. Прибыв на вокзал, мы добежали до поезда не более чем за секунду до отправления. Уже прозвучал предупреждающий свисток, и как только мы вошли в вагон, поезд тронулся. Через минуту мы уже с комфортом расположились в купе первого класса и помчались сквозь ночь.

Одним из достоинств Холмса была способность погружаться в сон усилием воли. К сожалению, он мог так же и сопротивляться сну, и мне часто приходилось увещевать его, рассказывая о том вреде, который он причинял своему организму в моменты, когда, будучи полностью захваченным одной из своих странных и ставящих в тупик загадок, он мог по нескольку дней и ночей вообще не смыкать глаз.

Холмс затенил лампы, прислонился спиной к стенке, и менее чем через две минуты его размеренное дыхание подсказало мне, что он уже спит. Не обладая таким же даром, как мой друг, я долго лежал в своём углу, покачиваясь в такт движениям вагона, а экспресс неумоимо мчался сквозь темноту. То и дело, когда мы пролетали мимо ярко освещённых станций или рядов пламенеющих коксовых печей⁵, свет на мгновение вырывал из мрака уютно устроившуюся в дальнем углу фигуру Холмса со склонённой на грудь головой.

Мы прибыли в Шэффилд рано утром и наняли кэб, который должен был отвезти нас в Гудлин-Лодж, расположенный в нескольких милях от города. Мы остановились только, чтобы нанести визит инспектору полиции, ведущему это дело. После упоминания имени Шерлока Холмса, инспектор был готов оказать нам любую услугу, и по просьбе моего друга сопроводил нас к месту трагедии.

Инспектор Бейнс указал нам на полоску земли за гравийной дорожкой, опоясывающей дом.

— Вот тут, — сказал он, — находятся отметины, сделанные лестницей Морли.

Холмс опустился на колени, и (я наблюдал эту процедуру множество раз) извлёк из кармана большую лупу. Он тщательно исследовал грунт и дорожку. Затем, медленно выпрямившись, он бесстрастно обвёл взглядом газон, небо, дом и местность вокруг.

— Есть ли поблизости место, где можно спрятать длинный тонкий предмет? — осведомился он.

— Длинный тонкий предмет? — удивился инспектор. — Я, правда, не вижу здесь никакой связи, но только одно место сразу

⁵ Вершиной технических разработок в развитии коксовых печей в XIX веке являлись печи системы бельгийского изобретателя Эванса Коппе, прообразы современных коксовых печей. Печи этой системы строились во всех промышленно развитых странах по самой распространённой в то время конструкции... Коксовая батарея того времени — это ряд выполненных из огнеупорного кирпича горизонтальных камер, разделенных отопительными простенками, которые в свою очередь вертикальными перегородками делятся на отопительные каналы. Все выделяющиеся при коксовании продукты сгорать не успевали и, выходя нагретыми из дымовой трубы в атмосферу, загорались. Над дымовой трубой батареи системы Коппе всегда горел яркий факел. Отсюда и произошло название «пламенные печи Коппе». Факелы красиво освещали местность...

приходит на ум: с обратной стороны дома есть заброшенный колодец.

— Вы его осматривали?

— А почему мы должны были его осматривать? Из дома ничего не пропало. Я, признаться, не понимаю...

— Видите, вы не один такой, Уотсон. Пойдёмте на него взглянем.

Инспектор показал нам, как обойти дом, и мы вышли к колодцу, частично заколоченному досками. Им определённно не пользовались долгое время. Холмс вынул из кармана полкроны и убедил деревенского мальчишку Томми, нашего заинтересованного зрителя, спуститься в колодец на верёвках. Перед началом спуска Холмс наклонился к его уху и что-то прошептал. Мальчик издал изумлённый возглас, но кивнул головой, подтверждая, что он всё понял. Мы медленно опустили Томми в тёмный колодец и наблюдали, как свет фонаря, который он держал в руке, отражался от дна и стен. Через пару секунд он дёрнул за верёвку — сигнал, что его можно поднимать на поверхность. Мы вытащили его, а вместе с ним два длинных тонких шеста. Это была пара ходуль.

— Господи Боже! — вскричал Бейнс. — Кто, ради всего святого, мог этого ожидать!

— Я, — ответил Холмс. — Отметины в саду сделаны двумя перпендикулярными шестами, а опоры лестницы, прислонённой к стене, оставили бы углубления под углом. А дорожка, если вы помните, покрыта гравием — ходули не оставили на ней следов.

— Хорошо, мистер Холмс, — откликнулся инспектор, — это открытие действительно ослабляет силу такой улики, как лестница, но у нас всё ещё есть мотив и револьвер.

— Верно, мы опровергнем и это в своё время. А сейчас необходимо выяснить, кто же владелец этих ходуль, если это возможно. Это — наш следующий шаг.

Следующие два дня прошли в бесплодных поисках нужной информации. Холмс обнаружил лондонского мастера, изготовившего ходули, но на этом след оборвался — неизвестный покупатель оказался слишком предусмотрительным. Тем временем, на предварительном следствии молодой Морли был официально признан виновным в убийстве.

Холмс мерил шагами наш номер в местной гостинице.

— Я убеждён в невинности Морли, Уотсон. Но как я могу это доказать? Ожидая вестей из Лондона, я навёл справки о подозреваемом мисс Прэтт, Джеке Моргане. Её подозрения обос-

нованы: у него в округе плохая репутация. Но даже если и так, против него ничего нет — в полиции о нём никаких сведений. В глазах полицейских у него даже нет мотива! Единственный факт — я видел его вчера в суде, и это свидетельствует о том, что он сходит с ума от страха перед разоблачением, несмотря на равнодушный вид, который он на себя напустил... Ага! Есть! Наша последняя надежда, Уотсон. Это, конечно, отчаянный план, но если он сработает, молодой Морли выйдет на свободу. Я немедленно еду в Лондон. Вернусь к завтрашнему вечеру.

На следующий день сэра Чарльза похоронили в семейном склепе на местном кладбище. Мисс Прэтт, и так убитая горем, полностью отчаялась, видя, что Холмс не может ей помочь. Однако вечером тот возвратился в приподнятом настроении и в сопровождении некоего мистера Фэйрчайлда. Холмс, Фэйрчайлд, инспектор и я направились к коттеджу Джека Моргана. По просьбе моего друга инспектор захватил ходули, которые мы обнаружили в первый день расследования. Когда мы добрались до коттеджа, Фэйрчайлд покинул нашу компанию.

— Вы знаете, что нужно делать, — напутствовал его Холмс.

— В точности, — ответил тот. — Дайте мне десять минут, и я буду готов.

— Инспектор, отдайте мистеру Фэйрчайлду ходули.

— Хорошо, мистер Холмс. Но вы отвечаете за них, это, знаете ли, улика.

Фэйрчалд забрал ходули и молча скрылся в кустах.

— Идите сюда, отсюда всё действие будет как на ладони, — прошептал Холмс. — И будьте готовы вмешаться, когда это будет необходимо.

— Холмс, — начал я. — Что...

— Терпение, Уотсон, терпение. Следите за верхним окном.

Через несколько минут раздался шорох листьев, и в непроницаемой тени деревьев возник призрачный светящийся силуэт, стоящий на ходулях.

— Холмс! — воскликнул я. — Это сэр Чарльз!

— Привидение! — выкрикнул инспектор.

— Тише, — предостерег Холмс. — Иначе вы разрушите эффект. Это Фэйрчалд. Он очень способный актёр, как вы можете видеть. Он сейчас в гриме, который превратил его в ожившее воплощение сэра Чарльза. Теперь слушайте внимательно...

Фигура остановилась на гравийной дорожке напротив открытого окна спальни Моргана. Затем она стала звать Моргана

по имени глухим замогильным голосом. Морган подбежал к окну и увидел перед собой призрак.

— Как ты приходил ко мне, так и я пришёл к тебе, — стало видение.

В ужасе Морган отшатнулся от окна, и ночь прорезал ужасный крик. Мы рванулись к двери, Холмс мчался впереди. Ворвавшись в дом, мы кинулись вверх по лестнице в спальню Моргана. Тот обернулся и, увидев нас, кинулся к нам навстречу и рухнул к нашим ногам. Крепко вцепившись в руку Холмса, он указывал на мёртвое лицо, глядевшее в окно.

— Спасите меня! Спасите! О мой Бог! Он пришёл за мной, как я приходил за ним!

— Единственный для вас способ спастись — это во всём сознаться! — крикнул Холмс.

— Сознаюсь! Я убил его! Я измазал лестницу Морли землёй, я выцарапал его инициалы на револьвере и спрятал его у него в доме!

— Зачем вы сделали это?

— Чтобы избавиться от Морли. Если бы он не стоял на моём пути, я бы получил Эмили Прэтт и деньги, которые бы она унаследовала после смерти Гудлина.

Сделав это полностью изобличающее его признание, Морган упал в обморок.

— Замечательно! — вскричал инспектор. — Поразительно!

— Вы должны добиться освобождения молодого Морли, как можно скорее, — сказал Холмс. — И мне кажется, вы должны принести ему извинения. Они с мисс Прэтт, возможно, теперь поженятся. Все их неприятности позади. Уотсон, полагаю, после того, как мы закончим все формальности в полицейском участке, мы сможем слегка перекусить в гостинице. А ночной экспресс, отправляющийся в 2:10, позволит нам добраться до Бейкер-стрит как раз к завтраку.

Раздел второй

Знаменитый клиент

(материалы об Артуре Конан Дойле)

Гр. Алексей Н. Толстой

*В ГОСТЯХ У АНГЛИЧАН. Прогулка с Конан-Дойлом*⁶

На одном из банкетов рядом со мной сидел высокий плечистый человек, с большим ртом, полным крепких зубов, с закрученными в стрелку усами и добродушным взглядом светлых глаз. Близко нагнувшись ко мне, он на невероятном французском языке обещал зайти завтра в десять минут одиннадцатого в гостиницу, чтобы со мной и Чуковским сделать часовую прогулку по Лондону. Это был Конан-Дойл, когда-то незаметный врач, пописывающий рассказы, теперь ставший сэром Артуром за историю бурской войны.

Утро было мало пригодное для прогулок. Валила с неба какая-то невероятная гадость в виде снега; по Темзе скользили в желтоватом тумане тени баржей и пароходов. Голубоватые арки и линии мостов пропадали во мгле, где на том берегу едва были различимы готические верхи зданий, на деревьях по широкой набережной, куда выходило моё окно, на верхах автомобилей и трамваев, на зонтиках и шляпах прохожих, — всюду лежал снег, он залепил с одной стороны иглу Клеопатры, и получался пейзаж, мало знакомый англичанам.

Точно, в назначенный час, Конан-Дойл позвонил по телефону из вестибюля, и мы втроём, выйдя на улицу, свернули к реке. Там в узком переулке он указал на почерневший от времени кирпичный дом, где на втором этаже жил когда-то Пётр Великий, а на набережной, на месте теперешней каменной беседки, стояла в то время его лодочка. В наводнение вода доходила до самого парапета; Пётр садился тогда в лодочку и плавал. Мы с Чуковским поверили об этом на слово сэру Артуру.

Затем нам было показано огромное прокопчённое здание военного министерства, где окна подвалов и первого этажа прикрыты железными сетками от воздушных боёв. Мы вошли в гвардейские казармы, выходящие в просторное поле Сент-джемского парка; в воротах стоял рослый солдат с обнажённой шпагой, в шлеме и красном плаще. У других казарм в глубокой нише сидел на коне другой часовой, как памятник, одетый в латы, неподвижно и величественно.

По пути Конан-Дойл говорил о войне, объяснял формы встречных офицеров, вытаскивал из кармана какие-то записочки.

⁶ «Русские ведомости» от 22 марта 1916 г.

По его словам, в 1914 году в Англии было всего 600 тысяч войска. Сейчас на всех фронтах, в маршевых ротах и запасных батальонах — миллионы, и столько же рекрутов. Он сам носит рекрутский значок, и сын его дерётся во Франции солдатом.

Хлюпая по снегу, прикрывшись от дождя воротниками, мы шли к Вестминстерскому аббатству. Невероятно было предположить, что этот добродушный человек в синем пальто, с обмотанной коричневым шарфом бычачьей шеей, в котелке и с зонтом, знал, как по цвету сигарного дыма раскрыть таинственное преступление. Услышав имя Шерлока Холмса, он обернулся и, показав все свои крепчайшие зубы, проговорил: «Однажды я пошёл на Бейкер-стрит посмотреть, кто живёт в тридцать седьмом номере (квартира Шерлока Холмса и доктора Ватсона). Оказалось, там — фотография». Это был единственный литературный разговор за всю прогулку.

Мы зашли в Вестминстерское аббатство. Была служба; молились женщины и солдаты, касаясь лбами Евангелий, иные, закрыв руками лица. Налево в кубовых нишах неподвижно сидели белые фигуры священников. Пели детские голоса. Высоко под готическими коричневато-серыми сводами, опирающимися на мощные колонны, тусклый свет дня лился сквозь силуэты и цветные стёкла розы — круглого окна. Заиграл орган, медленные его звуки наполнили все арки, ниши и дуги храма, и я увидел, что колоннады уходят бесконечно далеко вправо и влево, и храм полон народа. Казалось, не одной человеческой силой сложена из камня и цемента эта красота, но слишком человеческое и небольшое нужно усилие (поворот руки, сбрасывающей бомбу из цепелина), чтобы всё это рухнуло в одно мгновение.

«Англичане религиозны, но не слишком; у нас нет фанатиков, — сказал Конан-Дойл, выходя сквозь маленькую дверь на площадь, — а это место — очень памятное для меня и счастливое, — он указал на небольшую часовню, — здесь восемнадцать лет назад я венчался с моей теперешней женой». И мне показалось, что как тверды и крепки его зубы, как тверды и крепки мысли и решения его, так же твёрдо полюбил он на всю жизнь, и хорошо и уютно иметь другом такого человека. Как настоящий англичанин, он и простодушен, и твёрд. Он верит, что лодочка Петра стояла именно в конце того переулочка, и знает, что если Англия решила выставить столько-то миллионов солдат, — именно такое-то число солдат, а не меньше, будет сидеть в окопах.

Мимоездом он показал простой, кирпичный домик, где в квартире на два окна жил лорд Байрон, и повёз нас на Флит-стрит, — улицу газет и журналистов. Там он внезапно нырнул в узкую дверцу. Мы прошли за ним через ветхий дворик в полутёмный и ещё более ветхий кабачок, поднялись по деревянной лесенке, посыпанной свежими опилками, в низкие комнаты второго этажа, где всё — столы, кресла, утварь, гравюры на кирпичных стенах, — осталось XVIII века. Здесь за дружеской беседой сживали доктор Джонсон и Босвел. В другой комнате от затылка доктора Джонсона осталось на стене жирное пятно. В третьей — под стеклянным колпаком хранился его словарь.

А рядом, в кухне, на вертелех шипело мясо, девушка разносила в оловянных кружках эль, и посетители ели тот самый суп, тот сыр и тот бифштекс, пудинг, которые любил когда-то сам доктор Джонсон.

На Флит-стрит мы расстались. Конан-Дойл, как медведь, боком прыгнул в проходивший омнибус и сверху долго ещё махал нам перчаткой, потом котелком.

П. Бейсов

Артур Конан Дойл и его записки о Шерлоке Холмсе ⁷

Литературная деятельность замечательного английского писателя Артура Конан Дойла (1859-1930) начинается в восьмидесятых годах прошлого века. В это и последующие десятилетия в английской литературе выступала группа выдающихся английских писателей, продолжающих традиции блестящей школы английских романистов первой половины XIX века (Диккенса, Теккерея и др.).

Творческая деятельность таких писателей, как Б. Шоу, Г. Уэллса, Войнич, Д. Голсуорси направлена на разоблачение и осуждение буржуазной действительности.

В творчестве Войнич английская литература достигла значительных успехов. В «Оводе» даны героические характеры, вырастающие и закаляющиеся в революционной борьбе.

В английской литературе XX века выделяется группа писателей, которая непосредственно связана с передовыми общественными движениями своего времени.

Конан Дойл не принадлежал к этим прогрессивным группам писателей. Он является буржуазным писателем, близко стоящим к Киплингу. А. Конан Дойл не поднимается в своём творчестве до разоблачения буржуазной действительности и не бичует её пороки. Но в его произведениях есть образы и картины, которые объективно разоблачают уродливые стороны жизни этого общества.

Артур Конан Дойл родился в Эдинбурге в семье художника. В 1885 году он окончил медицинский факультет Эдинбургского университета.

Ещё будучи студентом Конан Дойл увлекался спортом: был страстным футболистом, любил конькобежный, лыжный и парусный спорт. Эта страсть к спорту, а также детские впечатления от романов Жюль Верна, толкнули его к путешествиям. Он много путешествовал после окончания университета. В качестве врача на китобойном судне он плавал по Ледовитому океану, был в западной Африке. Конан Дойл был военным корреспондентом во время египетского похода, принимал участие в англо-бурской

7 1957 — авт.сб. «Записки о Шерлоке Холмсе», Ульяновск: Ульяновская правда, с. 3-16.

войне, как госпитальный врач и как публицист. Во время этих путешествий начинается его литературная деятельность.

После возвращения из Африки Конан Дойл стал жить в Лондоне, занимаясь частной врачебной практикой, а затем — литературной деятельностью.

Творчество Конан Дойла многогранно. Он писал исторические романы, был публицистом, создал несколько научно-фантастических повестей и романов, а также несколько десятков детективных рассказов и повестей, героем которых является Шерлок Холмс.

Сам писатель считал, что главным в его творчестве являются исторические романы. Его романы «Сэр Нигель», из эпохи Столетней войны между Англией и Францией, «Михей Кларк» (1888), из истории народного восстания пуритан, имеют познавательное значение и в наше время. Но не этими произведениями известен Конан Дойл. Широкую известность он получил как автор приключенческих произведений.

Приключенческий жанр тесно связан с научно-фантастической и детективной литературой. В этих областях успешно выступал Конан Дойл. Он добился значительного успеха в области научно-фантастического жанра. Его перу принадлежат романы «Затерянный мир» (1912), «Отравленный пояс» и «Открытие Рафлза Хоу», фантастическая повесть «Маракотова бездна» (1927) и др.

Особый интерес представляет роман «Затерянный мир». В нём ярко изображено отдалённое прошлое земли. В силу геологических условий в джунглях Южной Америки приподнимается плато, на котором сохраняются допотопные геологические чудовища и первобытные обезьянолюди. В романе показано не только отдалённое прошлое нашей планеты, но дано столкновение доисторической и современной эпох.

Группа бескорыстных и мужественных энтузиастов, во главе с неистовым профессором Челленджером, отправляется на поиски этого затерянного мира. В этом мире они видят фантастические картины жизни животного и растительного мира, испытывают необычайные и разнообразные приключения, как того требует специфика приключенческого жанра. Роман «Затерянный мир» является одним из значительных и интересных произведений, рассказывающих о научно-фантастическом путешествии в доисторическое прошлое нашей земли. В этом романе есть образы и картины, в которых проявляется сатирическое отношение Конан Дойла к некоторым сторонам современной ему

буржуазной действительности. Об этом убедительно свидетельствует образ профессора Саммерли, самодовольного педанта, врага смелой научной мысли.

Но самое интересное, на наш взгляд, это сатирическое изображение представителей буржуазной печати. С ними ведёт неутомимую войну энтузиаст науки профессор Челленджер. Необузданный Челленджер ненавидит «навязчивых негодяев», именующих себя репортёрами, возомнивших себя всемогущими, чтобы возвеличить человека или смешать его с грязью. Эта ненависть так и рвётся наружу. Нахальному корреспонденту «Телеграфа» Челленджер проломил череп, нескольких репортёров выкинул из дома.

Особенно выразительна характеристика буржуазных репортёров в «Ядовитом поясе», в связи с посещением Челленджера лондонским корреспондентом «Нью-Йоркского Вестника» — «Ядовитое отродье! — рычит профессор. Худшие паразиты современной цивилизации, добровольное орудие в руках шарлатанов и помеха для всякого уважающего себя человека».

В таком же духе дана характеристика и американского «Ассошиэйтед Пресс» в фантастической повести «Когда земля вскрикнула».

Следовательно, Конан Дойл проявляет устойчивый интерес к сатирическому изображению представителей буржуазной прессы. Пренебрегать этим при характеристике его творчества не следует.

«Открытие Рафлза Хоу» — фантастический роман о гениальном изобретателе — одиночке, открывшем способ превращения простых металлов в золото. Мечта инженера Рафлза Хоу изменить социальный строй при помощи золота беспочвенна, наивна. В этом романе поставлена, однако, не только эта проблема. В произведении говорится и о растлевающей силе золота. Оно убивает и растлеывает всё то, что подпадает под его власть: старый фабрикант оружия совершает преступление, пытается убить изобретателя, чтобы завладеть богатством и сходит с ума от навязчивых мыслей о богатстве; Лаура, его дочь, ослеплённая силой золота, изменяет своему чувству, расторгает помолвку; её брат Роберт, художник, забрасывает живопись. Благотворительность миллиардера будто пропитала отравой все окрестные поселения.

Подводя итоги своей благотворительной деятельности, изобретатель писал: «...все мои старания приводили к тому, что труженики становились бездельниками, довольные своей судь-

бой, — жадными тунеядцами, и — что хуже всего — чистые, благородные женщины — обманщицами и лицемерками». Да и сам Рафлз Хоу становится жертвой золота, — он погибает.

Таким образом, в этом романе ставятся социальные проблемы, но их острота и сила далеко не соответствуют литературе критического реализма.

Как ни увлекательны некоторые из научно-фантастических произведений («Затерянный мир») Конан Дойла, но не ими знаменит английский писатель. Всемирную известность он приобрёл как создатель детективных произведений.

Его предшественниками в этом жанре приключенческой литературы были Эдгар По и Уилки Коллинз. Американский писатель Эдгар По (1809-1849) — автор «Золотого жука» и автор детективных рассказов: «Убийство в ул. Морг», «Тайна Мари Роже» и «Украденное письмо». Его сыщик Дюпен — литературный отец Шерлока Холмса, хотя последний отрешивается от этого родства («Багровый след»).

Вместе с тем необходимо отметить, что в детективных рассказах По смакуются всякого рода преступления. Он говорит о таинственных сверхъестественных силах, несущих человеку гибель. Всего этого нет у Конан Дойла.

Английский писатель Уилки Коллинз (1824-1889) является одним из зачинателей детективного жанра. Его лучшее произведение — «Лунный камень» (1868). На творчестве этого писателя сказалось благотворное влияние Диккенса; в его романах содержатся элементы сатиры.

Эдгар По и Уилки Коллинз — исторические предшественники и учителя Конан Дойла. Последний, однако, стоит ближе к Коллинзу, чем к Э. По. Конан Дойл является подлинным родоначальником детективного жанра. Его рассказы и романы о Шерлоке Холмсе сыграли большую роль в развитии детективной литературы.

Само название этой литературы происходит от английского слова «детектив», что значит — сыщик. Детективная литература — это авантюрно-приключенческая литература, героем которой является благородный сыщик, преследующий преступника и после многих приключений изобличающий его. Таким благородным героем-сыщиком является Шерлок Холмс, литературный герой, созданный Конан Дойлом.

Первое произведение о нём, — «Этюд в алых тонах», — написанное в 1887 году, прошло незамеченным. Повесть «Знак четырёх», появившаяся в 1889 году, привлекла внимание чита-

телей. С этого момента растёт популярность этого героя, появляются сборники о нём: — «Приключения Шерлока Холмса» (1892), «Мемуары Шерлока Холмса» (1894), затем — «Собака Баскервиль» (1902). Популярность Шерлока Холмса сказочно росла. И когда Конан Дойл написал рассказ «Последнее дело Холмса», в котором шла речь о гибели героя, это вызвало такой протест нетерпеливых читателей, что автор вынужден был выступить с рассказом «Возвращение Шерлока Холмса». Последняя книга о нём вышла в 1927 году. За эти несколько десятилетий Конан Дойл написал четыре романа о Шерлоке Холмсе и пятьдесят шесть рассказов, что составило девять томов. Популярность этого литературного героя велика. В обрисовке Конан Дойла Шерлок Холмс настолько выразителен, что читатель уверовал в его реальное существование.

В 1916 году русские писатели Корней Чуковский и Алексей Толстой побывали в гостях у Конан Дойла. Писатель решил показать русским гостям достопримечательности Лондона.

— Ну, что хотели бы вы видеть, друзья мои? — спросил он писателей.

— Конечно, Бэкер-стрит, — воскликнули они. — Ту улицу, где живёт Шерлок Холмс.

«Пробираясь к Бэкер-стрит, — вспоминает К. Чуковский, — мы могли убедиться в колоссальной популярности Конан Дойла. Извозчики, чистильщики сапог, репортёры, уличные торговцы, мальчишки-газетчики, школьники то и дело узнавали его и приветствовали фамильярным кивком головы.

— Алло, Шерлок Холмс! — сказал ему какой-то подросток, Конан Дойл объяснил нам, что с ним это случается часто: его смешивают с Шерлоком Холмсом. Сам Конан Дойл утверждает, что прототипом для Шерлока Холмса послужил профессор Эдинбургского университета Джозеф Белл, поразивший юного студента своим «дедуктивным методом», своими наблюдениями над больными.

Читатель принимает Шерлока Холмса за реальное лицо. Самым удивительным, пожалуй, является то, что писатели К. Чуковский и А. Толстой, зная литературное происхождение этого героя, обращаются к его создателю с просьбой показать им «ту улицу, где живёт Шерлок Холмс». Лондонские экскурсоводы и до сих пор среди достопримечательностей Лондона показывают улицу Бэкер-стрит, на которой якобы жил Шерлок Холмс. В 1954 году эта литературная легенда получила вещественное подтверждение. К дому № 109 по этой улице была прикреплена

мемориальная доска. Из надписи на ней можно узнать, что в этом доме с 1881 по 1903 год жил и работал Шерлок Холмс.

Слава знаменитого литературного героя вышла далеко за пределы Англии. Он стал любимым героем миллионов юных читателей. Эта слава привлекла внимание «ядовитого отродья» буржуазного общества — буржуазных издателей. В Америке, Турции, Норвегии, России и в других странах появились тысячи бульварных книжонки, героем которых был Шерлок Холмс, а также его подражатели и последователи: Нью-Йоркский король сыщиков Нат Пинкертон, Ник Картер и др. В этой компании Шерлок Холмс, оторвавшийся от своего литературного отца, шагал по городам и весям России.

У Конан Дойла есть намёки на то, что Шерлок Холмс был в России. Его вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова («Скандал в Богемии»). В архиве сыщика хранилось дело о каком-то необычайном происшествии с русской старухой («Обряд дома Месгрейвов»). Эти намёки и были использованы в рассказах о похождениях Холмса в России.

Побывал он и на Волге. В 1908 г. в нашем городе вышла книжка «Шерлок Холмс в Симбирске». В ней рассказывается о том, что Шерлок Холмс в поисках преступника добрался до Симбирска. Действие развивается на Старом Венце и в подгорных садах. Этот рассказ по своему характеру и по своей функции близок к рассказам, помещаемым в бульварной газете «Симбирская жизнь», начавшей издаваться с октября 1910 года. В этой газете печатались обширные, сенсационные отчёты о судебных процессах, загадочных убийствах и преступлениях. Названия произведений, печатавшихся в этой газете, говорят сами за себя: «Загадочная драма гувернантки», «Легенда об отце-убийце», «Похождения и арест беглого каторжника», «Два преступления на кладбище», «Чёрная вуаль» — похождения Чёрной Соньки и пр. Эти произведения, смакующие ужасы преступлений, были рассчитаны на удовлетворение низменных интересов симбирских мещан и реакционной интеллигенции.

Одна из статей, напечатанная в симбирской газете в январе 1911 года, называется «Мы устали». «Тускло и мрачно на горизонте русской общественности вообще, а симбирской в особенности, — говорится в ней. Во всех проявлениях общественной жизни стоит атмосфера чего-то тягучего, липкого, вялого. За всю зиму 1910 г. в городе не было ни одной лекции, ни одного разумного реферата». Вот в этой-то обстановке общественной апатии, как следствия разгрома народной революции, и развива-

лась бульварная литература. Здесь мог появиться и «Шерлок Холмс в Симбирске».

Социальная функция этой литературы для нас понятна. Эта литература уводила читателей от вопросов социальной борьбы. Она оказывала губительное влияние на юных читателей. Шерлок Холмс в этих произведениях превратился в полицейскую ищейку. Он действовал наряду с королём сыщиков — Нат Пинкертоном. О нём стали писать так же, как писали о «Короле сыщиков». «Злодей!» — зарычал великий сыщик и сильным ударом свалил преступника на пол»; «Нат Пинкертон нанёс негру один страшный удар снизу по руке, а в следующий момент вонзил нож до рукоятки в грудь Самми». Шерлок Холмс тоже рычит, «вонзает нож», рубит и душит негров, китайцев, евреев. В угоду мещанскому читателю он превращён в злобную полицейскую ищейку, ревниво оберегающую спокойствие и собственность сытых и богатых. Бульварная литература обманывала и обманывает миллионы читателей.

Шерлок Холмс, созданный Конан Дойлом, не похож на этого героя бульварной литературы. Читатель знакомится с истинным Шерлоком Холмсом в рассказе «Багровый след», открывающем «Записки о Шерлоке Холмсе». В этом рассказе раскрывается разносторонность дарований и необычность характера Шерлока Холмса. Его внешность привлекает внимание. Это был стройный, высокий, выше шести футов, человек. Острые, пронзительные глаза и тонкий ястребиный нос придавали его лицу выражение постоянной бдительности и решимости, а квадратный подбородок выдавал человека с сильной волей. Руки его были постоянно испачканы чернилами, испещрены кусочками пластыря, накладываемого на месте уколов, и пятнами от сильнодействующих кислот. Это были тонкие и чувствительные руки человека, имеющего дело с хрупкими приборами.

Эти свойства характера, выраженные в портретном описании, находят углублённое раскрытие в практической деятельности героя. В момент знакомства с Ватсоном, Холмс с увлечением работал в химической лаборатории госпиталя над определением реактива, осаждающегося только в присутствии гемоглобина. Решение этой проблемы вызвало взрыв восторга. Он не мог сравниться с тем восторгом, какой испытывал бы герой, если бы нашёл золотую россыпь. Это сравнение весьма многозначительно в характеристике Холмса. Оно говорит о его бескорыстии. Шерлок Холмс раскрывается как энтузиаст науки. Установление его метода в определении состава старых коричневых пятен может

привести к тому, что сотни людей, не избалованных в преступлениях при несовершенных методах определения, теперь должны будут расплатиться за свои преступления. Дух исследования проявляется и в занятиях в анатомическом театре. Здесь дело доходит до крайностей: Холмс иногда избивает палкой трупы в анатомическом театре, чтобы проверить, в какой мере возможно после смерти вызвать кровоподтёки. Увлечение Холмса научными исследованиями таково, что он сам с готовностью принял бы яд, чтобы установить действие этого яда. Это увлечение естественными науками проходит через весь многочисленный цикл рассказов о Холмсе. В них упоминается о его научных трудах по химии. Ему принадлежат также исследования о различии между пеплом разных сортов табака, о следах ног, о тайнописи, о влиянии профессии на форму руки. В последней работе идёт речь о кровельщиках, матросах, фрезеровщиках, композиторах, ткачах и гранильщиках бриллиантов. Всё это требовало глубокого знания жизни. С увлечением Холмс занимается изучением и разведением пчёл («Второе пятно»). В рассказе «Багровый след» указаны и другие элементы характеристики. Шерлок Холмс увлекается музыкой. Часами он играет на скрипке. Прервав расследование дела, он спешит на вечер знаменитого испанского скрипача и композитора («Союз рыжих»). Его привлекает немецкая музыка, более глубокая, объясняет он, чем итальянская и французская. Оставив дела, Холмс беседует с Ватсоном о творчестве известного английского писателя Джорджа Мередита, цитирует Флобера («Тайна Боскомбской долины»), в минуты тоски читает сонеты Петрарки.

Словом, перед читателем многосторонне образованный и талантливый человек. Это артистическая натура. Рисуя Холмса как человека, обладающего глубокими знаниями, автор подводит читателя к раскрытию двух других качеств, необходимых, по мнению Шерлока Холмса, для идеального сыщика: это наблюдательность и умение делать выводы. В своей статье «Книга жизни» он обосновывает науку выводов и анализа. «Из наблюдения над каплей воды, — говорится в статье Холмса, — логически мыслящий ум может заключить о возможности существования Атлантического океана или尼亚гары, без предварительного знания о существовании того или другого. Вся жизнь — это великая цепь, природу которой можно познать из отдельного её звена».

Искусство умозаключения может быть освоено путём долгого и упорного труда. В этом искусстве Шерлок Холмс неподражаем. По словам Ватсона, он был «совершенной мыслящей и

наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир». Он обладал сказочной проницательностью. В Шерлоке Холмсе поражает не грубая физическая сила, а великолепная сила человеческого разума, перед которой отступают все другие силы. Это свойство эффектно проявляется при разрешении элементарных проблем, но с разительной силой оно раскрывается при разрешении трудных и сложных проблем.

Проявление обострённой наблюдательности и умение делать выводы Ватсон наблюдает уже при первой встрече. При знакомстве Шерлок Холмс, сердечно пожимая руку, говорит Ватсону:

— Я вижу, вы были в Афганистане.

— Откуда вы это знаете? — спрашивает изумлённый Ватсон, у которого в Англии не было ни родных, ни близких («Багровый след»).

Этот вопрос, — «Откуда вы это знаете?», — сопровождает Шерлока Холмса во всех его действиях, свидетелем которых бывает Ватсон. Это наивный литературный приём. Недогадливый доктор как бы подчёркивает незаурядность своего друга. Но вместе с тем мощь аналитического метода поражает не только Ватсона, влюблённого в своего незаурядного друга, но и читателя.

Опытный наблюдатель по вещи может определить характер её владельца, — утверждает Холмс. Обследовав фамильные часы Ватсона, он излагает потрясённому доктору печальную биографию его старшего брата («Месгрэвский обряд»).

Обыкновенная чёрная шляпа, сильно потёртая, с красной шёлковой подкладкой, ничего не говорит Ватсону, но в руках его талантливого друга она стала источником ряда биографических сведений о преступнике («Голубой карбункул»). Хорошая толстая палка с набалдашником, из тех, что именуются «веским доказательством», забытая посетителем, даёт возможность установить многие элементы биографии будущего клиента, сельского врача. («Собака Баскервилей»). Подобные наблюдения имеются во многих рассказах о Холмсе.

Эти разгадывания относятся к числу элементарных проблем, имеющих отношение к профессии интересующего его человека, к его привычкам и к его прошлому. Разгадывание тайны специфический художественный приём детективного жанра. Полностью этот приём проявляется в раскрытии преступления. Клубок противоречий, необъяснимых, случайных и таинственных событий, фактов постепенно распутывается и объясняется, благодаря строгой системе логического анализа, перед которой

бессильны любые загадки, любые ухищрения умного и расчётливого преступника.

В приключенческом жанре значительна роль случайностей. Герои попадают в невероятные положения и их поступки обусловливаются неожиданными для них явлениями, обстановкой, свойством вещей. Но случайности должны быть мотивированы. С этим мы как раз и встречаемся у Конан Дойла. Разгадывание тайны, объяснение случайных и необъяснимых явлений определяется тем, что холодный и уравновешенный ум героя разбирается в порочных наклонностях человеческого сердца, воспитанного в буржуазном обществе. Он знает те побудительные силы, которые определяют действия преступника.

В рассказе «Голубой карбункул», рассматривая дорогой камень, Холмс говорит Ватсону: «— Славный камешек! Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит... В больших старых драгоценных камнях каждая грань повествует о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет и двадцати лет... Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за этого прозрачного угля было совершено множество ограблений, два убийства, одно самоубийство и кого-то облили серной кислотой. Кто бы мог сказать, что такая красивая безделушка ведёт людей к тюрьмам и виселицам!»

У Холмса, как видим, имеется ключ для разгадывания тайны преступления, для распутывания сложного клубка событий. Он понимает, что преступления в своём большинстве совершаются ради богатства.

При всей сложности и запутанности событий Шерлок Холмс раскрывает побудительные причины, мотивы кровавых злодеяний и преступлений. Рассказ «Пёстрая лента» весьма показателен в этом отношении.

Умный, но бессердечный доктор Ройлотт, стремясь завладеть имуществом падчериц, совершает ужасное, тонко задуманное преступление. Он убивает одну из падчериц при помощи прирученной болотной гадюки. Яд её недоступен химическому анализу, а следы — незаметны следователю. Холмс спасает вторую падчерицу. После посещения девушки Холмс знакомится с завещанием её матери. Из него он узнаёт о прямой заинтересованности отчима в том, чтобы его падчерицы не вступали в брак. После их смерти Ройлотт становится обладателем капитала жены. Холмс находит ключ для понимания мотивов тонко задуман-

ного преступления и, разобравшись в клубке сложных и непонятных событий, спасает девушку, обезвреживает преступника.

В рассказе «Доказательство тождества» бессердечное мошенничество, стоящее на грани преступления, продиктовано теми же соображениями: жестокий эгоист отчим, стремясь сохранить доход от денег падчерицы, изменив свой вид, ухаживает за ней и выступает в роли её жениха. У дверей церкви, куда они поехали для обручения, он исчезает. Невеста приходит к Холмсу с просьбой отыскать исчезнувшего жениха. С помощью того же магического ключа сыщик устанавливает мотивы преступления. Они те же: деньги, богатство.

Та же основа в рассказах «Приключение в пустом доме», «Случай в интернете». Но особенно полно тема кровавого и тонко задуманного преступления ради денег разработана в повести «Собака Баскервилей».

Есть ещё одна особенность, которая помогает Шерлоку Холмсу раскрыть мотивы преступлений. Преступники, с которыми он борется, чаще всего аристократы, представители господствующего класса. В «Лиге красных» ловкий преступник, пытающийся ограбить банк, бывший аристократ, в жилах которого «течёт королевская кровь». В рассказе «Пёстрая лента» — представитель одной из старейших фамилий Англии. Профессор Мориэрти, побивший рекорды преступности, этот Наполеон в области преступлений, также относится к представителям господствующего класса («Последнее дело Холмса»). В новелле «Случай в интернете» рассказывается о похищении маленького лорда из интерната. Это похищение было организовано побочным сыном лорда, стремящимся таким путём заставить своего отца завещать ему земли.

Следовательно, Конан Дойл понимал и показывал, что преступление и богатство органически связаны. В рассказе «Тайна Боскомбской долины» прямо сказано, что источником богатства крупного землевладельца Джона Тернера было преступление. В прошлом он — Чёрный Джон, глава шайки разбойников, отсюда и его богатство. Конан Дойл в своих рассказах даёт односторонний, но значительный материал, раскрывающий язвы буржуазного общества. Можно было думать, что события, участником которых является Шерлок Холмс, бессердечные эгоисты, готовые на любое злодейское преступление ради золота, с которыми приходится иметь дело Холмсу, вызовут чувство омерзения и протесты героя. Но этого нет, Шерлок Холмс не протестует против этого мира собственников. В конечном счете, его усилия направлены

на утверждение буржуазного права собственности. Он не понимает, не задумывается над социальной природой преступления.

Если бы он стал на этот путь, то должен был бы выступить и против тех условий, которые порождали эти преступления, т. е. против буржуазного общества. Только один раз, в рассказе «Последнее дело Холмса», герой говорит о том, что его привлекали загадки, «ответственность за которые несёт несовершенно устройство нашего общества». Но при этом было сказано, что в последнее время его больше привлекает «изучение загадок, поставленных перед нами природой».

Следовательно, Холмс объяснение преступлений видел в несовершенно устройстве буржуазного общества. И только. Социальные проблемы его не волновали, он отдавал предпочтение разрешению научных загадок. Он был удовлетворён этим миром, как был удовлетворён им и создатель образа Конан Дойл.

Холмса увлекает не само преступление, а раскрытие преступления, процесс деятельности, направленный на это раскрытие. Именно в этот момент проявляется необычайный дар наблюдательности и огромные дедуктивные способности героя в поисках нитей к выяснению тайн.

Нельзя, однако, сказать, что Шерлок Холмс равнодушен к тем людям, с которыми ему приходится встречаться. Нет, одних он ненавидит, презирает, борется с ними, а других уважает, помогает им.

Холмс далеко не безразличен к профессору Мориэрти, главе лондонского преступного мира («Последнее дело Холмса»). Этот жестокий и необыкновенно умный человек создал самое мощное объединение преступников во всей Европе, он опутал своими сетями весь Лондон. Холмс считает его страшным противником и заявляет Ватсону: «если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить от него общество, это было бы венцом моей деятельности». Во имя общественного блага Холмс согласен даже погибнуть вместе с Мориэрти. И он действительно гибнет, но вместе с ним гибнет и опаснейший преступник. Опасное объединение преступников было разгромлено.

Далеко не безразличен Холмс и в борьбе с Ку-клукс-клановцами в рассказе «Пять зёрнышек апельсина». С чувством нескрываемого презрения великий сыщик относится к ничтожному королю Богемии, пытающемуся выкрасть фотографию у некогда любимой им женщины («Скандал в Богемии»). В благодарность за помощь король предлагает Холмсу изумрудное кольцо, но сыщик просит в качестве более ценного для него вознаграж-

дения фотографию женщины, которая победила в поединке и короля и сыщика. Изумлённый король, так и не понявший величия души женщины, вручает Холмсу фотографию. Холмс поклонился и, не замечая руки, протянутой ему королём, вышел из комнаты.

То же самое чувство презрения проявляется у него и к герцогу Гольдернесскому, одному из самых богатых и известных людей в Англии. («Случай в интернате»). Установив прикосновенность последнего к преступлению, связанному с похищением маленького герцога, Холмс демонстративно требует получения обещанного чека.

— Я человек небогатый, — сказал он и засунул книжку поглубже во внутренний карман пиджака. Эти слова такая же пощёчина гордому вельможе, как и демонстративное нежелание пожать протянутую руку королю Богемии.

Конечно, все эти поступки не выражают негодования, какого заслуживают представители знати. Но в этих фактах проявляется осуждение титулованных клиентов. Шерлок Холмс, конечно, не безразличен к ним.

Иное отношение у Холмса к простым людям, попавшим в беду. У него проявляется бескорыстие и явная симпатия к ним. Ватсон неспроста заявляет о своём друге: «Он был настолько бескорыстен — или настолько независим, — что нередко отказывал в своей помощи богатым и знатым людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка, если это дело было настолько загадочным и волнующим, что могло зажечь его воображение и давало ему возможность применить своё мастерство» («Чёрный Питер»).

Как видим, Ватсон бескорыстие понимает как своеобразное проявление независимости Холмса. Занимаясь делами какого-нибудь бедняка, Холмс удовлетворял не только своё профессиональное чувство, не и то чувство, которое заставило его сказать сиятельному клиенту: «Я человек небогатый», т. е. чувство известного уважения к бедному человеку. В этом проявляется своеобразный демократизм Холмса. Он выручает паяльщика. Джона Горнера, необоснованно обвинённого полицией в краже голубого карбункула и заключённого в тюрьму. Холмс спасает от каторги или виселицы бедняка Мак-Ферлена, обвинённого в убийстве старика-архитектора.

Популярность Холмса настолько велика, что к нему приходят не только как к консультанту-детективу, но и как к человеку большого ума, знающему жизнь с просьбой научить, дать хоро-

ший совет в затруднительных случаях жизни. Именно с этой просьбой к нему обращается Грант Монро в рассказе «Жёлтое лицо». И Шерлок Холмс помогает раскрыть тайну жёлтого лица и этим установить мир и согласие в семье, что доставляет ему огромное нравственное удовлетворение.

Следовательно, Шерлок Холмс не только человек аналитического ума сказочной силы, но он сердечный и отзывчивый человек. Кроме этого, он деликатен в своих отношениях с людьми и скромен. Обладая большой физической силой, выносливостью, он этим не бравурует. В рассказе «Пёстрая лента» неразоблачённый ещё преступник доктор Ройлотт пытается запугать Холмса. Он бросает последнему такое предупреждение: «— Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите! Он быстро подошёл, взял кочергу и согнул её своими огромными загорелыми руками.

— Постарайтесь не попадаться мне в лапы! — прорычал он, швырнул искривлённую кочергу в камин и вышел из комнаты». Шерлок Холмс поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил её. Обладая такой большой силой, Холмс не афиширует это.

Скромность героя сочетается с незаурядной храбростью. С охотничьим хлыстом, с тростью в руке, а то и так просто он схватывается с опасными вооружёнными противниками.

Для полноты характеристики Шерлока Холмса необходимо сказать несколько слов о его дружбе с доктором Ватсоном. Последний смотрит, на своего талантливого друга влюблёнными глазами, он идеализирует его. Доктор несколько недалёк, но на него можно полностью положиться во всём. Благородное и бескорыстное чувство дружбы не раз заставляло доктора Ватсона разделять опасности с другом и рисковать жизнью. Спасаясь от агентов профессора Мориэрти, Холмс спешит к Ватсону, который, не задумываясь, включается в борьбу с опасным преступником, подвергая себя различным опасностям и случайностям, сопряжёнными с этой борьбой. Он говорит о себе: «Я, старый солдат и старинный друг Холмса, конечно, не счёл возможным покинуть его в такую минуту». Он был с ним до трагического конца. Гибель благородного друга и товарища потрясла Ватсона, оставила пустоту в его жизни, которую он не мог заполнить ничем. Защищая память Холмса от нападков, Ватсон выступает в печати с разоблачительными материалами о профессоре Мориэрти, предполагаемом убийце Холмса («Последнее дело Холмса»).

Чудесное возвращение друга потрясло Ватсона, но он опять готов на любые испытания во имя дружбы. В ответ на при-

глашение Холмса идти ночью на опасное дело, Ватсон пылко восклицает: — «Когда и куда вам угодно». И в первую же ночь возвращения Холмса они схватываются с полковником Мораном, самым опасным человеком в Лондоне после Мориэрти («Пустой дом»).

И в дальнейших событиях имя Ватсона часто упоминается рядом с именем его проницательного друга. Их дружба выдержала испытание временем и многими опасностями. Она постоянна и неизменна.

Таков Шерлок Холмс Конан Дойла, писателя, влюбленного в своего героя.

Рассказы о Шерлоке Холмсе захватывают читателя остротой и напряжённостью сюжета, высоким мастером которого является Конан Дойл. Несмотря на их односторонность, в них имеется значительный познавательный материал, характеризующий буржуазное общество, растлевающую власть собственности и золота. Об этом прямо не говорит писатель, но такой вывод сделает любознательный читатель.

Герои Конан Дойла, бесстрашный и бескорыстный Шерлок Холмс и его самоотверженный друг Ватсон, — вызывают симпатии читателя. У них можно поучиться дисциплине мысли, сосредоточенному вниманию к простым явлениям жизни, наблюдательности. Это отважные люди. Но нужно видеть и ограниченность как этих героев, так и их создателя, не сумевшего подняться до понимания необходимости вести борьбу с буржуазным обществом, безжалостно уродующим человеческую личность.

Раздел третий

Знатный холостяк

(материалы о Шерлоке Холмсе)

Александр Генис

*Закон и порядок. Мой Шерлок Холмс*⁸

Развиваясь, эмбрион повторяет ходы эволюции. Поэтому всякое детство отчасти викторианское. Впрочем, ребёнком я отнёсился к Холмсу прохладно. Мне больше нравился Брэм. С ним хорошо болелось. Могучие фолианты цвета горького шоколада давили на грудь, стесняя восторгом дыхание. Траченный латынью текст был скучным, но казался взрослым. Зато он пестрел (как изюм в булочках, носивших злодейское по нынешним временам имя «калорийные») охотничьими рассказами. «С коровой в пасти лев перепрыгивает пятиметровую стену крааля». (О, это заикающееся эстонское «а», экзотический трофей — от щедрот. Так Аврам стал Авраамом и Сара — Саррой). Но лучше всего были сочные, почти переводные, картинки. Они прикрывались доверчиво льнувшей папиросной бумагой.

Холмса я полюбил вместе с Англией, скитаясь по следам собаки Баскервиллей в холмах Девоншира. Болота мне там увидеть не довелось — мешал туман, плотный, как девонширские же двойные сливки, любимое лакомство эльфов. Несколько шагов от дороги, и уже всё равно, куда идти. Чтобы вернуться к машине, мы придавливали камнями листы непривычно развязной газеты с грудастыми девицами. В сером воздухе они путеводно белели.

В глухом тумане слышен лишь звериный вой, в слепом тумане видна лишь фосфорическая пасть.

Трудно не заблудиться в девонширских пустошах. Особенно — овцам. Ими кормятся одичавшие собаки, небезопасные и для одинокого путника. В этих краях готическая драма превращается в полицейскую с той же естественностью, что и в рассказах Конан Дойла.

Его считали певцом Лондона, но путешествия Холмса покрывают всю Англию. Географические указания так назойливо точны, что ими не пренебречь.

Вычерчивая приключенческую карту своей страны, Конан Дойл исподтишка готовил возрождение мифа, устроенное следующим поколением английских писателей.

Как в исландских сагах, на страницы Холмса попадают только отмеченные преступлениями окрестности.

Преступление — мнемонический знак эпоса. Цепляясь за них, память становится зрячей. Ей есть что рассказать.

Срастаясь с судьбой, география образует историю. Топонимическая поэзия рождает эпическую.

Признание Холмса — «Я ничего не читаю, кроме уголовной хроники и объявлений о розыске пропавших родственников», — неплохо описывает «Илиаду» и «Одиссею».

Главное свойство гомеровского мира — фронтальная нагота изображённой жизни. У эпоса нет окраины. В его сплошной действительности всё равно важно: и щит, и Ахилл, и прялка.

В пронзительном свете эпоса ещё нет тени, скрывающей детали. Мир лишён подробностей, ибо только из них он и состоит. Неопisanного не существует. Всякая деталь — часть организма, субстанциальная, как сердце.

Гомер не умел отделять частное от общего, Холмс — не хотел. Подробности наделяли его гомеровским — пророческим — зрением: он видел изнанку вещей, знал прошлое и предвидел будущее.

Пристальность Холмса делает его беспристрастным. Ему всё равно, что знать, — знание его нечленораздельно, зоркая мудрость безразлична к смыслу. Конан Дойл так и не объяснил, зачем его герой пересчитал ступеньки лестницы на Бейкер-стрит.

Холмс всё знает на всякий случай. Как «Британская энциклопедия», которую переписывает владелец ссудной кассы Джабез Уилсон из рассказа «Союз рыжих».

Я люблю этот рассказ за красочную избыточность аферы. Убогую затею — подкоп к сейфу — маскирует ярмарочный балаган. Чтобы отвлечь рыжего владельца лавки, соседствующей с банком, злоумышленники устраивают цирковой парад: «Флит-стрит была забита рыжеволосым народом, Попс-корт напоминал тележку разносчика апельсинов... Здесь были рыжие всех оттенков — соломы, лимонов, апельсинов, кирпича, ирландского сеттера, желчи, глины...»

Расцветившая унылую лондонскую палитру, Конан Дойл приносит сюжетную логику в жертву эффекту. Длинный ряд вопиюще разнородных предметов — от сеттеров до лимонов — соединён фальшивым условием цвета. Это — энциклопедия рыжих Англии!

Собранная ради одного абзаца, она поражает бессмысленным размахом. Но так и должно быть, ибо полнота — пафос эн-

циклопедии. В ней заперт дух работающего XIX века, который перечислял окружающее в надежде исчерпать тайны мира.

Просветительская мечта энциклопедии — упорядочить мир, связав его узлом перекрёстных ссылок. Её герой — рантье науки, эрудит-накопитель, каталогизатор, коллекционер, классификатор, одним словом — Паганель. Умеющий отличить пепел сорока табаков Холмс приходится Паганелю умным братом. Тот собирает факты, Холмс ими пользуется.

В сущности Конан Дойл — изобретатель компьютера. Человек по Холмсу — это склад знаний. Его мозг — «чердак», чью ограниченную природой площадь нужно использовать с максимальной эффективностью. Повышая её, Конан Дойл с простодушием IBM увеличивает объём памяти: чем умней персонаж, тем больше череп.

Мистер Уилсон — черновик Холмса. Он собирает знания, не умея их употребить. Холмсу информация служит, Уилсон сам служит информации. Он — раб энциклопедии, не смеющий от неё оторваться. Бесцельность навязанной ему эрудиции подчёркнута её ложной системностью. Строя свою утопию, энциклопедия набрасывает на вселенную случайную узду алфавита. Поэтому, переписывая первый том «Британской энциклопедии», Уилсон «приобрёл глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А»: аббатах, артиллерии, архитектуре, Аттике».

Мне трудно представить автора, которого не соблазнит этот список. Беккет закончил бы им рассказ; у Байрона он бы стал батальным сюжетом: аббаты аттического монастыря отстреливаются от турок. Конан Дойл поступает иначе. Он забывает о несчастных аббатах. Союз рыжих распущен, и выстрелившая дельта валяется на полях пустой гильзой.

Жанров без подсознания не существует. У детективов оно разговорчивей других.

Детектив напоминает сон. Те, кто толкует его по Фрейдю, успокаиваются, узнав убийцу. Приверженцам Юнга достаётся целина жизни — правдивые окраины текста.

Постороннее в детективе наливается уверенной ртутной тяжестью. Это — не наблюдения за жизнью, а её следы. Как кляксы борща на страницах любимой книги, они — беспспорная улика действительности.

Велик удельный вес случайного на полях детективного сюжета. Самое интересное в детективе происходит за ойкуменой сюжета. Вопрос в том, сколько постороннего способны удержать силовые линии преступления — радиация трупа.

Мы читаем рассказы о Холмсе, выуживая не относящиеся к делу подробности. В них — вся соль, ради извлечения которой мы не устаём перечитывать Конан Дойла.

Обычные детективы, как туалетная бумага, рассчитаны на разовое употребление. Только Холмс не позволяет с собой так обходиться. У Конан Дойла помимо сюжета всё бесценно, ибо бессознательно. В других книгах эпоха говорит, в этих — проговаривается. У XIX века не было свидетеля лучше Холмса — мы чуем, что за ним стоит время.

Холмс вобрал в себя столько повествовательной энергии, что стал белым карликом цивилизации, её иероглифом, её рецептом, формулой. Пытаясь расшифровать эту скоропись, мы следим за Холмсом с той пристальностью, которой он сам же нас и научил.

Самые истовые из его читателей — как новые масоны. Они назначили деталь реликвией, сюжет — ритуалом, чтение — обрядом, экскурсию — паломничеством. Так уже целый век идёт игра в «священное писание», соединяющее экзегезу с клубным азартом.

В этой аналогии меньше вызова, чем смысла: «Шерлок Холмс» — библия позитивизма. Цивилизация, которая ненароком отразилась в сочинениях Конан Дойла, достигла зенита своего самоуверенного могущества. Её сила, как всемирное тяготение — велика, привычна и незаметна.

О совершенстве этой социальной машины свидетельствует её бесперебойность. Здесь всё работает так, как нам хотелось бы. Отправленное утром письмо к вечеру находит своего адресата с той же неизбежностью, с какой следствие настигает причину, Холмс — Мориарти, разгадка — загадку.

Эпоха Холмса — редкий триумф детерминизма, исторический антракт, счастливый эпизод, затерявшийся между романтической случайностью и хаосом абсурда.

Если преступление — перверсия порядка, то оно говорит о последнем не меньше, чем о первом. Читая Конан Дойла, мы подглядываем за жизнью в тот исключительный момент, который кажется нам нормой.

Криминальная проза — куриный (лечебный) бульон словесности.

Детектив — социальный румянец, признак цветущего здоровья. Он кормится следствием, но живёт причиной. Он последователен, как сказка о репке. В его жизнерадостной системе коор-

динат жертва и преступник скованы каузальной цепью мотива: кому выгодно, тот и виноват.

Если есть злоумышленник, значит, зло умышленно. Что уже не зло, а добро, ибо всякий умысел приближает к Богу и укрывает от пустоты.

В мире, где жертву выбирает случай, детективу делать нечего. Когда преступление — норма, литературе больше удаются абсурдные, а не детективные романы.

Цивилизованный мир — главный, но тайный герой Конан Дойла, о котором он сам не догадывался. Да и мы узнаём о нём только тогда, когда, собрав рассыпанные по тексту приметы, поразимся настойчивости их намёка.

Как Ленин, Конан Дойл торопится захватить всё, что нас связывает: телеграф, почту, вокзалы, мосты, но прежде всего — железную дорогу. Холмс никогда не отходит далеко от станции; Уотсон не расстаётся с расписанием.

Возможно, в авторе говорил цеховой интерес. Рассказы о Холмсе — первая классика вагонной литературы. Они, мерные, как гири, рассчитаны на недолгие пригородные переходы. Единица текста — один перегон. Сочетая стремительность фабулы с уютом повествования, они идеально дополняют меблировку купе.

Детектив — дом на колёсах. Лучше всего читать его на ходу.

Всякая дорога потворствует приключениям. Нанизывая на себя авантюры, она выпускает случай на волю. У Конан Дойла, однако, железная дорога не нуждается в оправдании. Она помогает не сюжету, а героям: в купе они набираются сил.

Железная дорога — кровеносная система цивилизации. Делая перемещение бесперебойным, а остановки предсказуемыми, она покоряет пространство и время, укладывая стихию в колею прогресса. Здесь не может случиться ничего непредвиденного. Сюда запрещён вход случаю, ибо он угрожает главной ценности XIX века — размерности движения.

Железная дорога — перенесённое из истории в географию наглядное пособие по эволюции, страстную любовь к которой Конан Дойл разделял со своим временем.

Холмс — живая цепь умозаключений. Его сила в последовательности рассуждения. Педантично прослеживая путь от мелкой подробности к судьбоносной улике, сыщик подражает природе, превратившей амёбу в венец творения. Как Дарвин, Конан Дойл демонстрирует скрытые от непосвящённых ходы эволюции.

Он устанавливает связь между низшим и высшим — фактом и выводом.

Самому Холмсу важен не результат, а метод: «Всякая жизнь, — пишет он, — это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену».

Знаменитая «дедукция» — квинтэссенция XIX века, боготворившего постепенность. Секрет его завидного достоинства — в отсутствии квантовых скачков, экзистенциальных разрывов, с которыми уже примирился современный человек, выброшенный из лузы своей биографии.

Автор этой бильярдной метафоры толковал эволюцию не по Дарвину, а по Ламарку. Осваивая поэтику разрыва, Мандельштам мыслил «опущенными звеньями». Пафос Конан Дойла — в демонстрации всех ступеней эволюции. Для этого написан «Затерянный мир». В этом викторианском «Парке Юрского периода» Конан Дойл делает естественную историю частью обыкновенной.

Название этой повести напоминает «Диснейлэнд», образы — «Искушение святого Антония», содержание — «Божественную комедию». Спускаясь по эволюционной лестнице, автор приводит нас в доисторическую преисподнюю: «Место было мрачное само по себе, но, глядя на его обитателей, мне невольно вспомнилась сцена из седьмого круга Дантова «Ада». Здесь гнездились птеродактили... Вся эта копошащаяся, бьющая крыльями масса ящеров сотрясала воздух криками и распространяла вокруг себя такое страшное зловоние, что у нас тошнота подступала к горлу».

Важнее, однако, что в затерянном мире герои находят (и истребляют) раздражающее науку недостающее звено — получеловека-полуобезьяну.

С помощью нижних ступеней эволюции Конан Дойл удлинил викторианскую цивилизацию. Спиритизм должен был сделать её вечной. Конан Дойл верил, что избавиться от сверхъестественного можно, лишь превратив его в естественное. Поднимаясь от бездушной молекулы до бесплотной души, он не пропускать ступеней.

Спиритизм — оккультная истерика рационализма; детектив — его разминка.

Лучше других Холмс знает, что загадка — антитеза тайны: она отменяет непознаваемое. Поэтому Холмс не вступает в диалог со сверхъестественным — он отказывается с ним считаться.

Холмс — последняя инстанция в споре рационального с необъяснимым.

Страж порядка, Холмс обладает профессией архангела и темпераментом антихриста — его скрытая цель заменить царство Божье. Тайное призвание Холмса — демистифицировать мир, разоблачив попытки судьбы выдать себя за высший промысел. Защищая честь своего разумного века, Холмс разоблачает чудеса, делает невозможное понятным и странное ясным.

Как всем богоборцам, Холмсу мешает случай. Песчинка в часовом механизме вселенной, случай угрожает её отлаженному ходу. Срывая покров невозмутимости с высокомерного лица цивилизации, случайность выводит мир из себя.

Тут на охоту выходит Холмс. Он кормится неожиданно, как мангусты кобрами. Отказывая провидению в праве на существование, Холмс признаёт случайность либо ложной, либо слепой. В первом случае она уступает преступному расчёту, во втором — математическому.

«Четыре миллиона человек толкуются на площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов». Так начинается построенный на череде совпадений «Голубой карбункул».

В центре рассказа — стадо гусей. Их столько же, сколько букв английского алфавита — 26. Незадачливый преступник спрятал похищенную драгоценность в зоб одной из двух белых птиц с полосатым хвостом. Опечатка зачинает сюжет: похититель зарезал не того гуся. Перепутанные гуси попадают к перепутанным людям — драгоценная птица оказывается у некоего Генри Бейкера. В Лондоне, где «живёт несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров», так же трудно найти нужного Бейкера, как нужную птицу в гусином стаде. В эту призрачную толпу однофамильцев затесались и Холмс с Уотсоном, живущие на Бейкер-стрит. Цель случайностей завершает трапеза, на которой «опять-таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас вальдшнеп».

Череда совпадений помогает Холмсу избавиться от намёков судьбы. «Случай, — добродушно резюмирует он, — столкнул нас со странной и забавной загадкой, и решить её — само по себе награда».

Т. С. Элиот предостерегал толковавших его тёмные стихи критиков от пагубной привычки придумывать загадки ради радости их отгадывать.

Критики, однако, неисправимы. Сторожа подробность, они заставляют её выболтать секрет, в том числе не известный автору. Распуская ткань повествования на нити, критики превращают героя в подсудимого, чернила — в кровь, исписанную страницу — в чистую. Книга для них — не продукт, а сырьё, *tabula rasa* искусственного мироздания. Им должно быть понятно то, что другим не видно, и видно, что другим не понятно.

Выступая в этом качестве, даже презиравший детективы Набоков подражал Холмсу: «Мой курс — своего рода детективное расследование с целью раскрыть тайну литературных структур».

Литература, как и преступление, — частный случай. Она — исключение из правил, потому что учитывает их. (Чего не скажешь о наших буднях.) Художественный замысел равноценен преступному уже потому, что он есть.

Профессиональный читатель — следопыт. С сыщиком его объединяет уверенность в том, что у следов есть автор — писатель или преступник. Мы идём за ним, пока не поймём его, как себя. Повторяя — как нитка за иголкой — его ходы, мы сближаемся с каждым стежком, чтобы, настигнув, обогнать. Предвидя, куда свернёт сюжет или убийца, мы заглядываем в будущее. Пределы этой власти ставит лишь невозможность исправить чужие ошибки.

Представляя Холмса, Конан Дойл выдаёт его за критика: мы знакомимся с ним, как с автором статьи «Книга жизни». То, что в ней написано, Лотман, Барт и Эко назвали бы семиотикой повседневности.

Окружающее для Холмса — текст, который он предлагает читать «по ногтям человека, по его рукавам, обуви и сгибе брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательных пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки...»

Прочсть вселенную — старый соблазн. Новым его делает то, что Холмс читает мир не как книгу, а как газету.

Газета — волшебное зеркало детектива. Склеенное из миада осколков, оно отражает мир с угловатой достоверностью снимков, ещё не усвоенных полиграфией.

Газета — любимица Конан Дойла. Соединяя его с Холмсом и Уотсоном, она предлагает каждому упомянутому свои услуги.

Конан Дойл на газетах экономит — они заменяют ему рассказчика. Излагая обстоятельства преступления, газета даёт всегда подробную, обычно ясную и неизбежно ложную версию событий. Газета отличается поверхностным взглядом, самоуве-

ренным голосом и нездравым смыслом. Принимая очевидное за действительное, она предлагает вульгарное и единственно правдоподобное объяснение происшедшего.

Газета — шарж на Уотсона. На её фоне и он блесит. Как слюда.

Холмса газеты окружают, как воздух, и нужны ему не меньше. Он умеет пользоваться газетами с толком: Холмс «достал свой огромный альбом, куда изо дня в день клеивал вырезанные из лондонских газет объявления о розыске пропавших, о месте встреч и тому подобное. — Боже мой! — воскликнул он, листая страницы. — Какая разноголосица стонов, криков, нытья! Какой короб необычайных происшествий!»

Оказавшись в тупике, Холмс часто обращается к газете, чтобы найти там разгадку. Печатаемая её чёрным по белому, Конан Дойл открывает секрет своего мастерства: ключ к преступлению у всех на виду и никому не виден. Кроме Холмса, назвавшего своей профессией «видеть то, что другие не замечают».

Прошлому веку газеты заменяли Интернет — они были средством публичной связи. Газетные объявления позволяли вести интимную переписку тем, кто не мог воспользоваться почтой. От чужого глаза приватный диалог укрывала ссылка на понятные только своим обстоятельства.

Разбирая птичий язык объявлений, Холмс замыкает преступную цепь на себе. Дальний отпрыск Фауста, он унаследовал от предка дар чернокнижника: Холмс читает газету, как каббалист тору.

Если Холмс — критик гениальный, то Уотсон — добросовестный, как Белинский. Вглядываясь в окружающее, первый отмечает, что видит, второй — что знает.

Уотсон отнюдь не лишён наблюдательности, но он следит не за фактами, а за их культурными отражениями. Холмс подглядывает за голой действительностью, Уотсон приукрашивает её литературной традицией.

Их разделяет поэтика. Холмс поклоняется богу деталей. Его правда кормится сырой эмпирикой. Аскет по призванию, он охватывает мир глазом акмеиста: «Для того чтобы добиться подлинно реалистического эффекта, необходим тщательный отбор, известная сдержанность». В окружающем Холмс ценит вещное, штучное, конкретное.

Для Уотсона частное — полуфабрикат общего. Всё увиденное он подгоняет под образец. Холмс сражается с неведомым, Уотсон защищается от него штампами: «Вошёл джентльмен с

приятными тонкими чертами лица, бледный, с крупным носом, с чуть надменным ртом и твёрдым, открытым взглядом — взглядом человека, которому выпал счастливый жребий повелевать и встречать повиновение».

Уотсон — жертва психологической школы, которая думала, что читает в душе, как в открытой книге. Холмс, как мы знаем, предпочитал газету.

Отдав повествование в руки не слишком к тому способного рассказчика, Конан Дойл обеспечил себе алиби. Холмс не помещается в видоискатель Уотсона. Он крупнее той фигуры, которую может изобразить Уотсон, но мы вынуждены довольствоваться единственно доступным нам свидетельством. О величии оригинала нам приходится догадываться по старательному, но неискусному рисунку.

В манере Уотсона Холмсу не нравились сантименты: «Это всё равно, что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю».

Уотсон, однако, делит любовь к мелодраме не только со своим веком, но и со своим другом. Театральные эффекты, которыми злоупотребляет Холмс, компенсируют ту экономию усилий, что Шопенгауэр называл грацией.

Сворачивая веером свои рассуждения, Холмс страдает от того, что некому оценить алгебру его мысли — цепь уравнений, ставших бесполезными ввиду вывода-ареста.

В Уотсоне Холмс ценит не биографа, а болельщика, который охотно признаётся, что «не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью».

Спортивные достижения Уотсона важнее литературных. Чтобы мы об этом не забыли, Конан Дойл не устаёт напоминать, что Уотсон играл в регби. Для англичанина этим всё сказано.

Спорт — кровная родня закону. У них общий предок — общественный договор. Смысл всяких ограничений в их общепринятости. Спортивный дух учит радостно подчиняться своду чужих правил, не задавая лишних вопросов. Именно так Уотсон относится к Холмсу.

Спортивность Уотсона противостоит артистизму Холмса.

Шерлок Холмс обладает ренессансным темпераментом. Он сам себе устанавливает правила, по которым играет. Даже на скрипке: «Когда он оставался один, редко можно было услышать пьесу или вообще что-либо похожее на мелодию».

Уотсон живёт на краю мира, не задавая ему тех вопросов, на которые Холмс отвечает. Призвание Холмса — истребить хаос, о существовании которого Уотсон не догадывается.

Холмс норовит проникнуть в тайны мироздания — и разоблачить их. Ему нужна правда — Уотсон удовлетворяется истиной: одному надо знать, как было — другому хватает того, что есть.

Беда Холмса в том, что сквозь хаос внешних обстоятельств он различает внутренний порядок, делающий жизнь разумной и скучной.

Восхищаясь Холмсом, Конан Дойл не заблуждается относительно его мотивов. Они своекорыстны и эгоцентричны. Мораль Холмсу заменяет ментальная гигиена: «Вся моя жизнь — сплошное усилие избегнуть тоскливого однообразия будней».

Играя на стороне добра, Холмс не слишком уверен в правильности своего выбора. «Счастье лондонцев, что я не преступник», — зловеще цедит Холмс, и ему трудно не верить. Лишённый нравственного основания, он парит в воздухе логических абстракций, меняющих знаки, как перчатки.

Холмс — отвязавшаяся пушка на корабле. Он — незаконная комета. Ему закон не писан.

Уотсон — дело другое: он — источник закона.

Уотсону свойственна основательность дуба. Он никогда не меняется. Надёжная ограниченность его здравого смысла ничуть не пострадала от соседства с Холмсом. За все проведённые с ним годы Уотсон блеснул, кажется, однажды, обнаружив уличающую опечатку в рекламе артезианских колодцев.

Уотсон сам похож на закон: не слишком проницателен, слегка нелеп, часто неповоротлив и всегда отстаёт от хода времени.

Холмс стоит выше закона, Уотсон — вровень с ним. Ценя это, Холмс, постоянно впутывающийся в нелегальные эскапады, благоразумно обеспечил себя «лучшим присяжным Англии». Уотсон — посредственный литератор, хороший врач и честный свидетель. Само его присутствие — гарантия законности.

Холмс — отмывка правосудия. Уотсон — его армия: он годится на все роли — вплоть до палача.

Холмсу Конан Дойл не доверяет огнестрельного оружия — тот обходится палкой, хлыстом, кулаками. Зато Уотсон не выходит из дома без зубной щётки и револьвера.

Впрочем, у Конан Дойла стреляют редко и только американцы.

Не описанные Уотсоном дела Холмса — блеф Конан Дойла. Они должны нас убедить в том, что Холмс может обойтись без Уотсона. Не может.

Трагедия сверхчеловека Холмса в том, что он во всём превосходит заурядного Уотсона. Безошибочность делает его уязвимым. Оторвавшись от нормы, он тоскует по ней. Уйдя вглубь, он завидует тому, кто остался на поверхности.

«Кроме вас у меня друзей нет», — говорит Холмс, понимая, что без Уотсона он — ноль без палочки.

Холмс — пророческий символ науки, которая может решить любую задачу, не умея поставить ни одной.

Прислонившись к пропущенному вперёд Уотсону, Холмс, как и положено нулю, удесяттеряет его силы. Оставшись один, он годится лишь на то, чтобы пародировать цивилизацию, выращивая пчёл в Сассексе.

Дон-Кихот не изменится, уверял Борхес, если станет героем другого романа. С лёгкостью преодолев эту планку, Холмс и Уотсон выходят из своего сюжета в мир, чтобы воплотить в нём две стороны справедливости.

Иерусалимский дворец правосудия построен на одном архитектурном мотиве — прямой коридор закона замыкает полукруглую арку справедливости.

Это — тот природный дуализм, что сталкивает и объединяет милосердие с разумом, истину с правдой, настоящее с должным, гуманное с абстрактным, искусство с наукой, Уотсона с Холмсом и закон с порядком.

Закон — это порядок, навязанный миру. Порядок — это закон, открытый в нём.

Условность одного и безусловность другого образуют цивилизацию, которая кажется себе единственно возможной. Растворяя искусственное в естественном, она выдаёт культуру за природу, полезное за необходимое, случайное за неизбежное.

Парные, как конечности, устойчивые, как пирамиды, и долговечные, как мумии, Шерлок Холмс и доктор Уотсон караулят могилу того прекрасного мира, что опирался на Закон и Порядок, думая, что это одно и то же.

Нью-Йорк, 1999

М. М. Маевскій.

Конанъ-Дойль

„Приключенія сыщика Шерлока Холмса“.

1904 г.

Печатано по распоряженію директора Виленской Окружной
Лечебницы.

Виленская Губернская Типографія,

1—VI—1904.

Рецензія.

Конанъ—Дойль: «Приключенія сыщика Шерлока Холмса».

Взявшись за эти рассказы о подвигахъ слѣдствія и розыска преступлений, я отнесся къ нимъ сначала съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ; но по мѣрѣ чтенія, все болѣе и болѣе вырисовывались достоинства этого произведенія Конанъ—Дойля, не какъ художественнаго, а какъ горячо, увлекательно и правдиво написаннаго трактата о методахъ наблюденія, артистически проведенныхъ въ жизнь героемъ рассказовъ Шерлокомъ Холмсомъ. Эти рассказы—дифирамбъ въ честь логики, въ честь изощренной человѣческой наблюдательности, воспитанной на богатомъ житейскомъ опытѣ. Въ героѣ этихъ рассказовъ поражаетъ быстрота и поразительная точность выводовъ, богатство индукции и сила анализа явленій. Прочитавъ многія страницы этихъ увлекательныхъ рассказовъ, невольно приходишь къ заключенію, что такъ много въ жизни и окружающей насъ природѣ проходитъ мимо незамѣченнымъ, потому что, къ сожалѣнію, система нашего школьнаго обученія не приучила насъ, въ достаточной степени, къ строгой дисциплинѣ вниманія и не развила всѣхъ богатствъ способности наблюдать, долго держа насъ вдали отъ природы и дѣйствительной жизни. Разносторонняя теоретичность нѣсколько отгѣснила на задній планъ методы и умѣнье непосредственно наблюдать. Самый главный учитель наблюдать и многое видѣть—природа показаны были намъ только издали.

Итакъ, самое главное, что заинтересовываетъ насъ въ указанныхъ рассказахъ Конанъ—Дойля — это ярко обрисованный методъ наблюденія. Въ чемъ же заключается сущность наблюденія? Условіями его должны быть: 1) хорошо развитое вниманіе, способность во всякую данную минуту схватить наибольшее количество явленій, способность ясно, быстро и отчетливо воспринимать ощущенія отъ окружающей насъ природы, быстро комбинировать ихъ въ образы, а затѣмъ въ понятія. Чѣмъ болѣе понятій, тѣмъ больше запасъ нашего ума. 2) Острота запоминанія, а затѣмъ и воспроизведенія явленій въ нашей памяти въ томъ порядкѣ по мѣсту и времени, въ какомъ эти явленія зафиксированы памятью. 3) Быстрота и богатство ассоціаціи, способность быстро проводить черезъ поле апперцепціи длинные ряды образовъ, схватывая конецъ цѣпи ассоціруемыхъ образовъ. Чѣмъ

богаче память, тѣмъ обильнѣе и разностороннѣе выступаютъ въ нашемъ сознаниі образы, вызванные какимъ нибудь явленіемъ путемъ ассоціаці. 4) Способность обобщенія и количество общихъ сужденій, оперируя съ которыми, мы создаемъ богатство выводовъ и въ той или иной степени познаемъ отношеніе явленій въ окружающемъ насъ мірѣ. 5) Наивозможно полное уясненіе причинности явленій. Путемъ накопленія фактовъ, путемъ критической оцѣнки ихъ, мы должны пріобрѣсти наиболѣе изощренное умѣніе видѣть неизбѣжную и органическую зависимость одного явленія отъ другого, руководствуясь правиломъ «ex nihilo nihil fit,—ничто не бываетъ безъ перемѣнъ въ предшествующихъ обстоятельствахъ». Наблюдая рядъ повторяющихся совпаденій, мы ожидаемъ повторенія этихъ совпаденій. Разъ эти совпаденія повторяются, мы устанавливаемъ единообразіе явленій. Если то или другое соединеніе или совпаденіе повторялось въ предѣлахъ нашего опыта, то мы начинаемъ ожидать, что оно будетъ повторяться и впредь, и получаемъ увѣренность, что оно встрѣчалось и внѣ сферы нашего опыта (Минто). Недостаточно внимательное изслѣдованіе причинности явленій могутъ легко повести насъ къ ошибкамъ, когда мы допустимъ себѣ смѣшать простую послѣдовательность съ причинной зависимостью явленій. Иногда мы случайно можемъ впасть въ заблужденіе принимая, что: *post hoc, ergo, propter hoc*. Къ заблужденіямъ можетъ привести изученіе явленій не на личномъ наблюденіи, а на сужденіи съ чужихъ словъ, при недостаткѣ опытомъ провѣренныхъ положеній и т. д. На богатствѣ общихъ сужденій и на широкомъ и точномъ познаніи причинности явленій основывается возможность и богатство умозаключенія, которое есть ничто иное, какъ наиболѣе полное и ясное установленіе связи между причиной и слѣдствіемъ въ рядѣ послѣдовательныхъ явленій, въ подведеніи частнаго подъ общее.

Останавливаясь на слѣдствіяхъ Шерлока Холмса, мы видимъ въ нихъ яркія доказательства прекраснаго умѣнья наблюдать, рѣдкую способность сосредоточиться своимъ вниманіемъ на опредѣленной группѣ явленій, богатство ассоціаці, быстроту и правильность умозаключенія, поразительную остроту соображенія. Его богатая память закрѣпляетъ все то, что освѣщаетъ его вниманіе; онъ подмѣчаетъ и запоминаетъ массу мельчайшихъ явленій, обыкновенно ускользящихъ отъ вниманія. Идя по улицѣ, онъ подмѣчаетъ всѣ подробности улицы, видя предъ собой человѣка, онъ сразу, съ перваго взгляда, изучаетъ подробности фигуры, костюма и старается заключить, по особенностямъ

костюма, цвѣту, кожи и манерѣ держаться, объ общественномъ положеніи, о профессіи даннаго лица. Для увеличенія своего опыта, онъ изучаетъ все, съ чѣмъ ни придется въ соприкосновеніе, изучаетъ тщательно, добиваясь наиболѣе полного выясненія причинъ даннаго явленія. Для сужденія о характерѣ людей, онъ изучаетъ вліяніе челоуѣка на предметы его обихода въ томъ предположеніи, что всякій челоуѣкъ налагаетъ на предметъ повседневнаго обихода свой индивидуальный отпечатокъ. Взглянувъ на вещи, которыми обладаетъ данное лицо, на костюмъ, который онъ носитъ, можно съ нѣкоторой долей вѣроятности говорить о нѣкоторыхъ сторонахъ характера и наклонностей этого лица. Позволю себѣ указать на одинъ изъ хорошихъ примѣровъ, во множествѣ разсѣянныхъ по всѣмъ разсказамъ, на характеристику, сдѣланную Холмсомъ по часамъ. Холмсу было предложено сообщить характеристику г-на N по карманнымъ часамъ. Я приведу отрывокъ разсказа. Холмсъ «взвѣсилъ часы на рукѣ, пристально посмотрѣлъ на циферблатъ, открылъ крышку и осмотрѣлъ механизмъ сперва невооруженнымъ глазомъ, затѣмъ черезъ сильное увеличительное стекло. Когда онъ захлопнулъ, наконецъ, крышку, съ унылой фізіономіей и передалъ ихъ мнѣ (д-ръ Ватсонъ), я съ трудомъ удержался отъ улыбки.

— Здѣсь мало исходныхъ пунктовъ, — замѣтилъ онъ. — Часы были недавно въ чисткѣ, что меня лишаетъ наиболѣе характерныхъ признаковъ.

— Совершенно вѣрно, — замѣтилъ я, — они были вычищены, прежде чѣмъ ихъ прислали мнѣ.

Холмсу, какъ мнѣ тогда показалось, нуженъ былъ этотъ пустячный предлогъ, чтобы скрыть свое пораженіе, потому что какіе же исходные пункты онъ могъ найти у невычищенныхъ часовъ?

— Изслѣдованіе хотя и неудовлетворительное, но всетаки не бесплодное, — продолжалъ онъ, уставившись тусклыми мечтательными глазами въ уголъ комнаты.

— Не ошибусь-ли я, если скажу, что эти часы принадлежатъ вашему старшему брату, который унаслѣдовалъ ихъ отъ отца?

— Вы заключаете это безъ сомнѣнія изъ инициаловъ Г. В. на крышкѣ.

— Совершенно вѣрно. В. — это инициалъ вашей фамиліи. Судя по цифровой датѣ, монограммѣ почти пятьдесятъ лѣтъ, такъ что она также стара, какъ и часы. Слѣдовательно, послѣдніе были сдѣланы для прошлаго поколѣнія. Цѣнныя вещи

обыкновенно переходили къ старшему сыну, который большею частью носилъ имя отца. Такъ какъ вашъ отецъ, насколько мнѣ извѣстно, умеръ много лѣтъ тому назадъ, то вашъ старшій братъ и имѣлъ съ тѣхъ поръ эти часы.

— Пока все вѣрно, сказалъ я. — А что Вы, кромѣ того, можете сказать?

— Онъ былъ очень распущенъ въ своихъ привычкахъ — распущенъ и небреженъ. Онъ получилъ хорошее состояніе, но скоро, однако, все растратилъ и жилъ въ бѣдности. Иногда его положеніе улучшалось на нѣкоторое время, пока онъ, наконецъ, не запилъ. Вотъ все, что я могъ узнать», (стр. 172—174).

Нѣсколькими строками далѣе приводится и разъясненіе того какимъ путемъ Холмсъ пришелъ къ подобному выводу. «Я вообще никогда не загадываю. Это отвратительная привычка, которая разрушаетъ способность къ логическому мышленію. Этотъ результатъ кажется Вамъ такимъ удивительнымъ потому, что Вы не слѣдили за ходомъ моихъ мыслей и не замѣтили незначительныхъ признаковъ, которые могутъ привести къ важнымъ выводамъ. Какимъ путемъ я пришелъ, напримѣръ, къ заключенію, что вашъ брата былъ небреженъ? — Разсмотрите хорошенько крышку отъ часовъ. Вы замѣтите, что она не только сдавлена въ двухъ мѣстахъ, но вся въ шрамахъ и царапинахъ, — это является слѣдствіемъ привычки носить въ одномъ карманѣ вмѣстѣ съ часами другіе твердые предметы, какъ-то монеты, ключи и т. п. Но тотъ, кто обращается такимъ образомъ съ дорогими часами, долженъ быть небрежнымъ человѣкомъ. Для того, чтобы это узнать, не нужно большого остроумія. Точно также не нужно быть особенно сообразительнымъ, чтобы вывести заключение, что наслѣдникъ такой драгоценной вещи былъ вообще хорошо обезпеченъ. — Содержатели ссудныхъ кассъ въ Англии обыкновенно, какъ извѣстно, выцарапываютъ на внутренней сторонѣ крышки заложенныхъ часовъ нумера залоговыхъ квитанцій, — продолжалъ Холмсъ. И вотъ на этихъ часахъ я черезъ увеличительное стекло увидѣлъ не болѣе, не менѣе какъ четыре такихъ нумера, — доказательство, что вашъ братъ часто бывалъ въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, но всетаки дѣла его временами поправлялись, иначе онъ не могъ-бы нѣсколько разъ выкупать свои часы. Посмотрите теперь еще разъ на внутреннюю крышку. Вы видите вокругъ отверстія для ключа множество царапинъ—это слѣдствіе того, что ключикъ выскальзывалъ изъ рукъ. На часахъ трезваго человѣка Вы никогда не замѣтите такихъ царапинъ, но у пьяницы ихъ находятъ сплошь и рядомъ.

Онъ заводитъ часы иногда и ночью, оставляя на нихъ доказательство неувѣренности своей руки. Гдѣ-же во всемъ этомъ тайна?» (стр. 175—176).

Только что приведенный отрывокъ вполне ясно характеризуетъ методъ наблюденія и тотъ даръ наблюдательности, которыми владѣетъ Шерлокъ Холмсъ. Въ этомъ отрывкѣ вполне ясно раскрывается та точная послѣдовательность мыслей, подчиненная строгой причинной зависимости, послѣдовательность, которая черезъ цѣпь поразительно быстро ассоциируемыхъ образовъ скоро приводитъ къ вѣрному конечному заключенію. Здѣсь передъ вами поразительная быстрота ассоціацій. Подобные только что приведенному примѣры обильно разсыпаны по всѣмъ рассказамъ. На страницахъ 10-й 1-й серіи рассказовъ и на 100-й и 165-й 2-й серіи представлены примѣры такой-же силы и яркости, какъ и вышеприведенный. Во всѣхъ рассказахъ мы постоянно наталкиваемся на прекрасные примѣры индукціи, основанной на тщательнѣйшемъ изученіи мельчайшихъ фактовъ, въ обычной жизни обыкновенно ускользающихъ отъ нашего вниманія только потому, что они мелки и слабо затрагиваютъ наше вниманіе. Выше я мелькомъ коснулся способовъ изученія явленій, съ которыми Шерлоку Холмсу приходилось имѣть дѣло. Всякое заинтересовавшее его обстоятельство или явленіе подвергалось всестороннему изученію, тщательно изслѣдовались всѣ побочныя явленія даннаго событія, строго устанавливались сходства отношеній явленій, исключалось все невозможное, случайное. У Холмса существуетъ странное правило «послѣ того, какъ отбросишь все невозможное, ищи истину въ томъ, что осталось, какъ бы невѣроятнымъ это тебѣ ни казалось». Принимая, что «жизнь представляетъ собою громадную цѣпь причинъ и слѣдствій, что по каждому звѣну можно узнать суть цѣлаго», Холмсъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе, всѣ силы своего ума на тщательномъ изученіи отдѣльныхъ звѣньевъ великой цѣпи и рассуждаетъ, вооруженный строго провѣренными фактами. Онъ никогда не гадаетъ, не угадываетъ, не судитъ по впечатлѣнію, такъ какъ способы угадыванія и сужденія по впечатлѣнію приучаютъ насъ къ поверхностности, отучаютъ отъ вдумчивости и сплошь и рядомъ наталкиваютъ на ложные и излишне поверхностные выводы. Угадываніе и ссылка на свидѣтельство той или иной эмоціи безъ точнаго и глубокаго познанія факта вредно отзываются на логическомъ мышленіи. Повседневная жизнь указываетъ намъ, что громадное большинство людей сильно склонны къ сужденію по впечатлѣнію. Часто отношенія между той или иной категоріей

людей устанавливаются только на основании „первого впечатлѣнія“, подогрѣтаго случайнымъ состояніемъ и характеромъ эмоцій въ данную минуту. Съ каждой страницы на насъ смотритъ правило—не разсуждать подъ вліяніемъ предвзятыхъ идей и предразсудковъ. Предвзятая идея могутъ заставитьъ насъ искать наличность причинной зависимости явленій тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Холмсъ, изслѣдуя извѣстное явленіе, анализируетъ массу предшествующихъ ему явленій и, если хотя одно изъ нихъ, даже самое незначительное, самое, повидимому невѣроятное не уничтожаетъ даннаго явленія, когда всѣ другіе ингредиенты отброшены, то это одно, хотя бы и невѣроятное явленіе, считается причиною изслѣдуемаго. Всякое сложное явленіе, гдѣ сосуществуютъ нѣсколько причинъ, онъ упрощаетъ, выдѣляя изъ этого явленія все то, что могло получиться отъ уже ранѣе извѣстныхъ ему причинъ; послѣ этого уже изслѣдуетъ получившійся неизвестный остатокъ. *Шерлокъ Холмсъ* нигдѣ и никогда не разбрасывается, никогда и ни подъ какимъ видомъ не оставляетъ нерасчлененнымъ данное обстоятельство, въ разнообразіи старается видѣть единообразіе.

Вооруженный богатствомъ наблюдавшихся и тщательно изученныхъ фактовъ и умѣющій быстро и точно разбираться въ причинной зависимости ихъ, *Холмсъ* въ состояніи проявить богатство и разнообразіе анализа. Онъ быстро и точно идетъ отъ общаго къ частностямъ. Зная только результаты извѣстнаго ряда явленій, онъ путемъ анализа этого результата въ состояніи представить себѣ послѣдовательную смѣну явленій, приведшихъ къ изслѣдуемому результату. *Холмсъ*, прошедшій стадію синтеза явленій, является блестящимъ представителемъ анализа.

Читая увлекательные рассказы *Конанъ-Дойля*, нельзя не остановить вниманія на томъ, какъ обрисована тщательность работы *Холмса*. Онъ—не ремесленникъ, онъ—одушевленный любовью, вдохновеннымъ влеченіемъ творецъ въ своей области. Къ своему дѣлу онъ основательно научно подготовленъ. Въ своей области онъ ученый экспериментаторъ. Отъ cadaго его шага вѣетъ глубокой опытностью въ наблюденіи и хорошо подобранными прикладными познаніями. Любитель въ своей профессии, онъ отнюдь не дилетантъ, а глубокой ученый. Прекрасно владѣетъ химіей, изучаетъ свойства разныхъ сортовъ табака, изыскиваетъ вѣрнѣйшія реакціи на кровь, работаетъ для судебной химіи, изучаетъ яды; занимается психологіей. Занимается изученіемъ вопроса о вліяніи окружающей обстановки и профес-

сії на внѣшность человѣка настолько успѣшно, что внѣшній видъ даннаго субъекта даетъ ему возможность почти безошибочно судить о профессіи и привычкахъ и нѣкоторыхъ чертахъ характера его. Для цѣлей своей специальности онъ тщательно изучаетъ характеръ слѣдовъ, оставляемыхъ разнообразной обувью. По величинѣ слѣдовъ, ширинѣ шага *Холмса* имѣетъ возможность судить приблизительно о возрастѣ и силѣ владѣльца шаговъ. Въ этомъ отношеніи очень демонстративенъ рассказъ „Домъ № 3 по Брикстонской улицѣ“. Въ этомъ рассказѣ изученіе и людей и экипажа, характеръ чередованія слѣдовъ даютъ поразительное заключеніе о характеристикѣ убійцы.

Холмса подробно изучаетъ казуистику преступлений, такъ какъ точное знаніе казуистики даетъ возможность болѣе успѣшно ориентироваться во всякомъ новомъ преступленіи, ибо изобрѣтательность преступниковъ не настолько велика, что бы обстановка и способы совершенія преступленій отъ времени до времени не повторялись. Онъ выдающійся экспертъ письма—ни одна буква, ни одна писаная строчка не остается неизученной. Ничтожный клочекъ бумаги даетъ ему иногда возможность дѣлать важные выводы и т. д.

Во всякомъ случаѣ, какъ я уже въ началѣ упомянулъ, самое главное достоинство разбираемыхъ рассказовъ—это ясное, точное и увлекательно изложенное собраніе методовъ наблюденія, тонкихъ и остроумныхъ умозаключеній.

Эти рассказы—излишнее средство напомнить намъ о важности развитія и изошренія вниманія, умѣнья продолжительно сосредоточиться. Прочитавъ эти рассказы, можно лишній разъ воздержаться судить по впечатлѣнію и отъ угадыванья. Угадыванье—безплодная и вредная затрата силъ. Эти рассказы — дѣла любви и преданности дѣлу, образецъ полного проникновенія въ разъ избранную область знаній. *Холмса* не одинъ разъ говорить, что геній и талантъ есть ничто иное какъ упорный трудъ; только крайне добросовѣстная и тщательная подготовка къ извѣстной работѣ дѣлаетъ эту работу геніальной „Геній есть неутомимая выдержка“.

М. Маевскій.

Михаил ЮГОВ,
кандидат психологических наук

ЭЛЕМЕНТАРНО, ВАТСОН?

9

Пожалуй, не найдётся в истории литературы другого персонажа, который был бы рождён воображением одного писателя, но привлекал столь повышенное внимание других авторов. И столько лет оставался бы притягательной загадкой для читателей всех возрастов.

Об этом феномене рассуждает М. Югов, не раз выступавший на страницах печати с психологическим портретом литературных героев.

Когда мне предложили порассуждать о феномене Шерлока Холмса с точки зрения специалиста-психолога, я согласился легко и с энтузиазмом, поскольку являюсь благодарным поклонником Артура Конана Дойла. Ответ на вопрос, почему столь живуч и притягателен этот образ для миллионов читателей разных стран (и часто совершенно несхожих культурных традиций), а кроме того, и для десятков писателей, казался очень простым. Ну как же, мы любим Холмса за то, что...

А действительно — за что?

Первое впечатление часто бывает обманчивым. Стоило задуматься о прочитанном ещё в раннем детстве цикле Артура Конана Дойла, тогда ещё известного нам под «неправильной» двойной фамилией Конан-Дойль, вспомнить о том, как те же рассказы были перечитаны и восприняты уже в зрелом возрасте, о многочисленных экранизациях и исследованиях, посвящённых этому на удивление притягательному литературному персонажу, и видимая «элементарность» улетучилась, как дым. Всё стало куда сложнее, загадочнее и парадоксальнее...

Обзор данных

Давайте, прежде чем строить гипотезы, оценим имеющийся в наличии «экспериментальный материал». То есть эпистемоло-

⁹ Журнал «Если», 1998, № 10.

гии (объяснению, ответу на вопрос «почему») должна предшествовать феноменология (описание, ответ на вопрос «как»).

Полный обзор литературной и квазинаучной (объект-то — чистейшая фикция!) «шерлокианы» не уместить ни в какую статью; боюсь, не хватит и целой монографии. Вероятно, это самый популярный герой во всей мировой литературе, если под популярностью понимать количество «биографий», «исследований» (читателю, надеюсь, ясен смысл кавычек?) и всевозможных литературных и кинематографических продолжений и ремейков.

К образу гениального детектива обращались писатели самых разных направлений, жанров и школ. Не обошли его своим вниманием и фантасты.

Только несколько примеров. Знаменитому английскому сказочнику, фантасту и теологу К.С.Льюису присутствие сыщика в его квартире на Бейкер-стрит, 221-В понадобилось для датирования времени действия в романе «Племянник волшебника» (1955) — как будто мало в ту эпоху жило в Лондоне реальных личностей. Мэнли Уэллман в романе «Война миров Шерлока Холмса» (1975) и К.У. Джетер в романе «Ночь морлоков» (1979) свели великого сыщика, как нетрудно догадаться, с его не менее великим современником и соотечественником — Гербертом Уэллсом. Современный американский писатель-фантаст Филип Хозе Фармер в серии произведений создал фиктивное генеалогическое древо Тарзана, и один роман в этой серии, где действует и Холмс, написан будто бы Джоном Ватсоном, доктором медицины. Наконец, это рассказ Фреда Саберхагена, с которым только что познакомился читатель.

После этого не удивительно, что среди тематических антологий, собранных покойным Айзеком Азимовым, значится и такая: «Шерлок Холмс в пространстве и времени»!

О том, что слава Холмса в значительной степени мифическая, свидетельствует сама пресловутая лондонская квартирка, где расположен, без сомнения, один из самых знаменитых лондонских «маленьких» музеев, где экскурсоводом служит дама по имени миссис Хадсон и куда по сей день ежедневно приходят письма со всего света, адресованные Шерлоку Холмсу.

Бейкер-стрит в Лондоне есть, это факт. Кстати, не такая уж маленькая улочка — она расположена на фешенебельном северо-западе и тянется от Риджент-парк почти до пересечения с одной из самых знаменитых городских улиц, Оксфорд-стрит. А вот дома под номером 221-В никогда в реальности не существовало! И скромное здание, на котором значится известный чита-

телям всего мира номер, в реальности втиснуто между домами с номерами 237 и 239. Дело в том, что это единственное здание Викторианской эпохи, сохранившееся на Бейкер-стрит — где же, как не в нём, устраивать подобный музей?

Впрочем, многочисленные туристы, посещающие эту лондонскую достопримечательность, догадываются о том, что их дурачат. Но с радостью подыгрывают пожилой женщине-экскурсоводу. Потому что перспектива лишиться одного из самых живучих и притягательных мифов, созданных писателями XX века, вероятно, кажется поклонникам Шерлока Холмса невыносимой. Как в своё время другие поклонники не разрешили автору убить своего героя руками профессора Мориарти...

Это лишь считанные примеры, позволяющие сделать единственный и неопровержимый вывод о том, что Шерлок Холмс — фигура необычайно притягательная. Причём, остаётся таковой на протяжении длительного времени, за которое человечество сумело «разойтись» со многими некогда бесспорными кумирами.

И вот тут начинаются загадки, одна парадоксальнее другой.

Обсуждение результатов

Читателя не должно удивлять, что психологи изучают и такие, казалось бы, не поверяемые алгеброй «гармонии», как привлекательность, симпатичность — даже любовь. Причём, изучают экспериментально, стараясь по возможности исключить всякую субъективность, эмоции, обыденный опыт.

Так вот, все известные исследования аттракции (привлекательности) свидетельствуют, казалось бы, против Холмса. Ну не может быть симпатичным и привлекательным подобный тип личности! Тому свидетельство — результаты многих корректно проведённых экспериментов.

Мы, как правило, испытываем симпатию к умным, компетентным людям, мастерам своего дела, но — до поры до времени. Как только они начинают слишком задаваться, относиться к нам с холодным презрением, а себя превозносить без всякой меры, наше отношение меняется на противоположное — к раздражению и антипатии.

Правда, выводы социальной психологии не распространяются автоматически на любую культурную среду, на любой тип национального самосознания. Например, в Америке, где социокультурные условия сформировали устойчивый психологический стереотип — культ победителя, чемпиона, — «умники» находятся в более выигрышном положении, чем, скажем, у нас в России.

Вспомните, с каким оттенком у нас произносится сакраментальное «больно умный нашёлся», — и многие результаты, полученные американскими социальными психологами, рушатся, как карточный домик! А ведь по популярности образ Холмса в России если какой стране и уступает, так, вероятно, только родине великого сыщика.

Поэтому давайте на время забудем обаятельнейшего Василия Ливанова из превосходного отечественного телесериала и, по возможности, объективно и бесстрастно вспомним реального Шерлока Холмса, каким его изобразил Артур Конан Дойл.

Да, умница и наблюдательнейший человек, это бесспорно. Хотя ум его всё-таки несколько односторонний, и правильнее было бы говорить не о могучем интеллекте, который предполагает более широкий спектр качеств, а о гипертрофированном «рацио». Холмс — это гениальный логик, его наблюдательность и умение выстроить безукоризненную дедуктивную цепочку поражает. Но остальные его личностные качества...

Высокомерен. Порой сварлив и мелочен. Склонен к депрессии и мизантропии. Абсолютно нелюбопытен ко всему, что не касается профессиональной деятельности (если не считать увлечения кокаином и музыкой). Интроверт и крайний эгоист, напрочь лишённый чувства юмора и эмпатии (способности к сочувствию, сопереживанию) и на редкость несенситивен (иначе говоря — эмоционально туп). Наконец, нужно добавить ещё и отсутствие практически всех естественных человеческих связей, без которых не может сформироваться полноценная личность. Даже Ватсон не столько друг, сколько «тень» великого сыщика, живая декорация, на фоне которой ярче высвечивается талант Холмса. А уж подчёркнутое и демонстративное безразличие великого сыщика к прекрасному полу вызвало у исследователей такое количество самых разнообразных и нелицеприятных интерпретаций, что даже не хочется их здесь обсуждать...

Спору нет, у Холмса есть и достоинства, кроме уже упомянутого интеллекта. Он являет собой тип истинно британского джентльмена — с присущими тому кодексом чести, патриотизмом (читай: монархизмом и имперским сознанием) и консерватизмом. Он может проявить бескорыстие, помогая обездоленным, и жёстко потребовать плату с высокородного ничтожества, которому помогает по необходимости. Он вежлив, подтянут, сдержан.

И всё-таки, подытожив, получим портрет, во всяком случае, малосимпатичный. Даже безусловное единственное достоинство Холмса — его отточенный ум, — как уже говорилось выше,

может вызывать не столько восхищение, сколько отчуждение и нарастающее раздражение. Рядом с подобным холодным и интеллектуальным совершенством, сверхчеловеком поневоле чувствуешь себя круглым дураком.

Так откуда же тогда берётся эта всепобеждающая народная любовь?

Гипотеза

Есть один социально-психологический эксперимент, открывший весьма любопытный феномен — не из тех, что легко приходят на ум из повседневных обыденных наблюдений. Он позволяет дать если и не полную, всеобъемлющую разгадку «феномена Холмса», то хотя бы указать на одну из возможных причин.

Мне кажется, образ Холмса значительно поблёл бы, во всяком случае, не пользовался бы столь безоговорочной и стойкой популярностью, если бы... Если бы Холмс был выведен и впрямь абсолютным победителем, личностью «без сучка и задоринки». Но для всех, читавших рассказы Дойла, памятен, как минимум, один случай, когда великого сыщика провели. И кто — женщина! Помните? Ирэн Адлер, которая для женоненавистника Шерлока Холмса на всю жизнь осталась этой женщиной...

И как только мы становимся свидетелями редкой промашки «совершенства», наше сочувствие и симпатия к герою возрастают неимоверно!

Эффект этот получил сленговое название «сесть в лужу» (Pratfall effect — буквально «приземлиться на задницу», «вляпаться»), и открыл его профессор американского университета в Санта-Крузе, Элиот Аронсон, автор популярного введения в социальную психологию «Общественное животное».

Итак, как вы думаете, в какой из четырёх экспериментальных ситуаций человек, которого мы должны оценить по шкале аттрактивности, покажется нам наиболее привлекательным:

а) личность, близкая к совершенству, не допускающая ошибок и просчётов;

б) та же личность, но допустившая оплошность (в эксперименте подставной участник во время собеседования всего-то случайно пролил кофе на костюм);

в) во всех отношениях середнячок и посредственность;

г) та же посредственность, но ещё и допускающая грубую ошибку?

Теперь, благодаря моей подсказке, вы уже знаете, что наибольшей симпатией мы расположимся не к «абсолютному со-

вершенству», а к «совершенству с червоточинкой» (второй вариант). Что впечатляюще продемонстрировал эксперимент, проведённый с группой студентов Мичиганского университета.

Между прочим, сам автор признаётся, что на изучение этого неочевидного феномена его натолкнуло любопытное и не совсем понятное (хотя и подтверждённое опросами Института Гэллага) резкое увеличение популярности президента Кеннеди сразу же после сокрушительного фиаско последнего — неудачной высадки американских солдат в Заливе Свиней на Кубе. До этого провала Кеннеди находился в зените славы, у него всё было идеально, всё складывалось на редкость удачно, что и вызывало бессознательное раздражение избирателей...

Вот и Холмс со временем неизбежно вызвал бы у читателей отторжение. Но гениальный психолог Артур Конан Дойл (а таким и должен быть настоящий писатель) интуитивно «посадил героя в лужу», тем самым обеспечив ему поистине неумирающую популярность.

Можно указать и другие её причины — в частности, нескрываемую ностальгию многих англоязычных авторов к Викторианской эпохе доброй старой Англии. Своего рода «уходящей натуре», когда мир был ещё стабилен и ясен, нравственные критерии не размыты, и подлецам, какие бы посты они ни занимали, в приличном обществе руки не подавали...

Наверное, и это обеспечивает успех образу Холмса — по крайней мере, в России, где аналогичные настроения владеют многими, если не большинством. Жаль только, что второе наблюдение: о том, что публичным политикам следовало бы взять на заметку описанный социально-психологический феномен — у нас, увы, не срабатывает, поскольку из лужи они по большей части просто не выбираютя...

Время от времени нам рассказывают и о неудачах Шерлока Холмса, хотя чаще всего лишь упоминают о них, и эти рассказы не просто нацелены на утверждение достоверности. В них при желании можно прочитать и более важную мысль о том, что жизнь изобретательнее всяких самых искусных выдумок.

Юлий Кагарлицкий (1991)

Раздел четвёртый

Пляшущие человечки

(шерлокианские прозаемы)

Бэзил Рэтбоун

*Сон наяву*¹⁰

Я всегда любил графство Сассекс. С ним связаны самые мои счастливые воспоминания — воспоминания о моём детстве. И вот, в начале июля, когда мне просто были необходимы не-

сколько дней отдыха, я сбежал в маленькую деревушку Хетфилд, чтобы снова, хотя бы на короткое время, в грёзах о прошлом отрешиться от настоящего и будущего.

В последний день моего отпуска, когда я прогуливался, любуясь тихими деревенскими пейзажами, меня сильно ужалила пчела. Удивленный, я набрал пригоршню мягкой влажной земли и приложил к месту укуса — старинное средство, которому я научился, когда был ребёнком. Тут я заметил, что воз-

дух вокруг меня кишит пчёлами. Именно тогда я увидел тот небольшой домик с тростниковой крышей и аккуратным садиком с ульями, о котором так часто говорила моя квартирная хозяйка м-с Мессенджер. Она рассказывала мне, что Он много лет назад переехал в этот коттедж с тростниковой крышей. И так как он ни с кем не общался, по старому Британскому обычаю и его никто не беспокоил. Теперь, в 1946, он был уже почти легендой.

Теперь и я увидел его, сидящего этим летним днём в своём саду с пледом на коленях, читающим книгу. Несмотря на свой преклонный возраст, он не пользовался для чтения очками, и что удивительно: хотя он не шевелился, его внешне неподвижное тело казалось исполненным жизни. Он был удивительно красив, как бывает красивым очень старое дерево; острые черты лица подчёркивал действительно выдающийся нос. Он курил пеньковую трубку, что явно доставляло ему немалое удовольствие. Внезапно он оторвался от книги, и наши глаза встретились.

¹⁰ Перевод М. А. Чумаков, 2009. Иллюстрация автора.

— Не хотите ли зайти? — обратился он ко мне на удивленные твёрдым голосом.

— Спасибо, сэр, — ответил я. — Но я не хотел бы вторгаться в вашу частную жизнь.

— Если бы это было вторжением, я бы вас не пригласил, — последовал ответ. — Берите стул и присаживайтесь.

Он окинул меня пронизывающим взглядом. Я сел. Меня преследовало странное чувство, что всё это сон.

— Прошу прощения, я вижу, вас ужалила одна из моих пчёл?

Я улыбнулся. Улыбка должна была означать, что я не придаю этому значения.

— Вы должны простить малютку, — продолжил он. — Она заплатила за это своей жизнью.

— Мне это кажется несправедливым, — сказал я.

— Нет, — задумчиво произнес старик, — это закон природы. «Неявно действует Господь, творящий чудеса»¹¹. Могу я предложить вам чаю?

— Спасибо, нет, — сказал я.

— Я и сам был убеждённым сторонником кофе. Всегда считал, что, по сравнению с ним, чай не имеет вкуса. — Он улыбнулся. — Вы здесь живёте?

— Нет, сэр. У меня небольшой отпуск. Но я родом из этих мест.

— Верно! — в его глазах заискрилась улыбка. — Это местечко действует успокаивающе, не так ли? Особенно в такие времена.

— Вы прожили здесь всю войну, сэр? — спросил я.

— Да.

Улыбка исчезла. Он медленно извлёк старый револьвер «Уэбли» из-под пледа, покрывавшего его колени.

— Если бы они пришли, шестеро из них уже никогда бы не смогли об этом рассказать... Я научился пользоваться этой штукой много лет назад. Я никогда не промахивался.

Он качал рукой с револьвером, на какое-то время погружившись в тот мир воспоминаний, который живёт в каждом из нас.

После довольно продолжительного молчания я набрался мужества и спросил:

— Вы участвовали в первой мировой войне, сэр?

11 строчка из гимна английского поэта Уильяма Каупера

— Косвенно.

Он положил револьвер на колени.

— А вы...

— Я — инспектор Скотланд-Ярда.

— Я так и думал.

Во время ответа книга с его коленей упала на землю. Я нагнулся, поднял её и вручил ему обратно.

— Спасибо. Ну, и как сейчас обстоят дела в Скотланд-Ярде?

— Современная наука и оборудование — для нас большое подспорье, — ответил я.

— Да-а-а...

Его рука погрузилась в карман и извлекла наружу старое увеличительное стекло.

— Когда я был молодым, они использовали штуковины, вроде этой. Современные изобретения, конечно, сильно экономят время, но они притупляют наши природные инстинкты и делают нас ленивыми. По крайней мере, большинство из нас.

— Возможно, вы правы, сэр. Но двигаться можно либо вперёд, либо назад.

Он упрятал лупу и револьвер во вместительные карманы своего старого пиджака спортивного покроя с кожаными заплатками на локтях, затем сильно втянул в себя воздух и выдохнул с глубоким вздохом.

— Я очень внимательно следил за вашей карьерой, инспектор. Скотланд-Ярду с вами повезло.

— Вы очень добры, сэр.

— Не за что. Когда-то я довольно хорошо знал вашего отца.

— Вы знали моего отца? — слова застряли у меня в горле.

— Да-а. Он был выдающимся человеком, ваш отец. Он меня сильно интересовал. Его ум отчаянно балансировал на тонкой линии между здравым смыслом и безумием. Он ещё жив?

— Нет, сэр. Он умер в 1936.

Старик задумчиво покачал головой.

— Эти ребята со своими новомодными идеями нашли бы его исключительно интересным объектом для наблюдений. Как вы их там называете? Психо... Психоаналитики!

— Психоаналитики могут быть очень полезны. Вы так не думаете, сэр?

— Нет, не думаю. Это — полная чушь, психоанализ! Обычный процесс дедукции путём исключения — и ничего более.

Мы говорили о преступлениях и различных способах ведения расследования до тех пор, пока прохладный бриз не пронёсся по саду, предупреждая об уходе дня.

Он медленно поднялся, выпрямившись во весь свой шестифутовый рост, и протянул мне руку.

— Мне пора идти в дом. Приятно было поговорить с вами.

— Я вам очень обязан, сэръ, — я хотел сказать ему так много, но у меня почему-то не хватило слов.

Он протянул мне книгу — «Приключения Шерлока Холмса».

— Вы читали эти рассказы? Они излишне драматизированы, но это хорошая книга.

В его глазах снова заплесала улыбка.

Я заверил его, что знаком со всеми произведениями, о которых он упомянул, и, кажется, ему особенно понравилось моё упоминание о «Мастере». Он не спеша проводил меня до дороги, и мы кратко переговорили о С.Ч. Робертсе¹², Кристофере Морли¹³ и Винсенте Старретте¹⁴.

— «Приключения», так как они написаны моим дорогим другом доктором Уотсоном, значат для меня сейчас очень много, — произнес он. — Кто-то когда-то сказал: «Память — это единственное бессмертие, о котором мы знаем наверняка».

Когда я вернулся, м-с Мессенджер передала мне срочную телеграмму из Скотланд-Ярда, требующую моего немедленного возвращения. Я так и не рассказал ей о моей встрече с Ним. Я побоялся, что она решит, что я такой же ребёнок, как и те дети Хетфилда, которые до сих пор верят, что Он — это великий Шерлок Холмс.

И будут верить, пока не достигнут возраста, когда вера в Него уйдет, вместе с верой в Санта-Клауса и других достойных персонажей, которые в короткую, но прекрасную пору их детства были более реальными, чем сама реальность.

¹² Английский литературовед и редактор. Автор книг: "Holmes & Watson: A Miscellany", "Doctor Watson, prolegomena to the study of a biographical problem".

¹³ Американский юморист, драматург, поэт, эссеист и редактор. Основатель общества "Baker Street Irregulars".

¹⁴ Американский писатель и журналист. Автор книг: "The Adventure of the Unique Hamlet", "The Private Life of Sherlock Holmes", "221 B: Studies in Sherlock Holmes". Основатель общества "The Hounds of the Baskerville".

Владимир КОЛЫШКИН
ЗОЛОТОЙ ДЯДЮШКА

Колышкин Владимир Евгеньевич

ЗОЛОТОЙ ДЯДЮШКА
*(неоготический рассказ)*¹⁵

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...
А.С. Пушкин.

С утра ветер гнал ненастье с континента, как насос гонит воду. К полудню, отяжелев от влаги, тучи придавили Лондон. Туман пал на мрачные дома, и Великий город стал задыхаться в собственных испарениях. Когда Биг-Бен пробил 3 часа дня, на улицах зажгли фонари.

Вильям Каммингс подтянул потуже завязки плаща и раскрыл зонт, чтобы укрыться от нудно морозящего дождя. Молодой человек шёл по набережной Темзы, заглядывая в глаза встречным молодым женщинам, если, конечно, они отвечали его изыс-

¹⁵ Иллюстрация автора.

канному вкусу. Иных прохожих Вильям Каммингс игнорировал. Со стороны реки истерично прогудел сигнал. Небольшой баркас, борясь с течением, выбрасывая из длинной трубы чёрные маслянистые клубы дыма, таранил воду тупым, как у бульдога, носом. Вильям остановился, опёрся на чугунный парапет. Тёмная вода с цветистыми пятнами нефтяной плёнки и с каким-то мелким мусором тяжело колыхалась у гранитного берега. Баркас растаял в тумане, как Летучий голландец, и Вильям неторопливо пошёл дальше. У него была масса времени. Честно сказать, он не знал, куда его девать. Время. Надо как-нибудь убить два часа, чтобы явиться к дядюшке под благовидным предлогом и попросить денег. Заявляться среди дня к родственнику и просить денег — это дурной тон. Другое дело, зайти на чашечку чая и занять денег как бы между прочим, попутно. Лучше всего это сделать в 5 часов, когда всякий уважающий себя англичанин пьёт чай. Ти фэйв о'клок! Чай в пять часов. Святое дело! Что бы ни случилось — война, землетрясение или конец света, англичанин пьёт свой чай. Таков обычай. И нет ничего предосудительного, если заботливый племянник именно в это время навестит своего двоюродного дядюшку, поинтересоваться здоровьем старичка. Естественно, Вильяма пригласят к столу. И тогда хозяин, настроенный угощать гостя, по инерции мышления раскошелится на несколько шиллингов, а если здорово повезёт, то и фунтов. Впрочем, и чай будет кстати. Для Вильяма это будет завтрак. Он только что проснулся после тяжёлой ночи, проведённой за ломберным столиком в «Парнас клубе». К утру он продулся в пух и прах. В кармане не осталось ни фартинга. Не на что было даже нанять извозчика. Домой пришлось идти пешком. Сейчас он вышел на прогулку с тем, чтобы в конце её зайти с визитом к дяде — Тревору Дарлингтону. Этим богатым родственникам, выжившим из ума дядюшкам, надо постоянно напоминать о себе; иначе, когда Господь призовет к себе старичка, он, чего доброго, завещает своё состояние какому-нибудь сиротскому дому. И вы, молодой и красивый, которому жить да жить, останетесь без гроша.

Сэр Тревор Дарлингтон, в отличие от своего двоюродного брата, отца Вильяма, умершего довольно рано от грудной жабы, — напротив, был человеком физически крепким, с практическим умом и здоровым эгоизмом, позволившим ему накопить приличный капитал и не растратить его попусту. Поэтому дядюшка Тревор никогда не был женат, не имел детей и, надо полагать, по-своему любил племянника Уилла, как собственного, никогда

не рождавшегося сына. Как человек свободный, дядюшка объездил чуть ли не полмира, потакая своей страсти к путешествиям и коллекционированию разного рода древностей. Вильям помнил, как он впечатлительным ребёнком входил в дом дяди, словно в некий экзотический храм. С благоговением Уилл взирал на пистолеты и сабли, развешанные на стенах кабинета. Древние статуэтки загадочно улыбались или пугали ужасными гримасами. Старинные книги, пыльные рулоны манускриптов и другие непонятного назначения вещи загромождали комнаты до потолка. Мать Уилла говорила, что жилище дядюшки нуждается в хорошей метле. Но всё это было позже, а сначала Тревор как потомственный дворянин и истинный английский гражданин, знающий, что такое долг, пошёл служить в армию Её Величества. Вильям помнит далёкий солнечный день прекрасного прошлого, когда они с матерью в первый раз были в доме дядюшки. Их встретил молодой военный в красном мундире с золотыми галунами, с огромной саблей на боку и пистолетом на поясе. Дядя уезжал служить в отдалённый край Империи — жаркую, цветущую Индию. После смерти отца, Уилл изредка стал навещать дядю, уже будучи длинноногим, худым подростком. Красивый костюм военного, увенчанный наградами, висел в застеклённом шкафу, как экспонат в Лондонском музее. Пистолеты и сабли развешаны были на стенах, на фоне пёстрых восточных ковров. Молодой красавиц офицер превратился в грузного мужчину с красным носом и скверным характером. Как медведь расхаживал он по кабинету, уставленному хрупкими старинными вазами. Когда дядюшка склонялся над манускриптом с лупой в руке, разглядывая какие-то закорючки, Уилл тихонько открывал дверцу одного из шкафов и легонько щёлкал ногтем по какой-нибудь чашке тончайшего китайского фарфора. Чашка вздрагивала и вскрикивала нежнейшим голоском: «Дзинь!»

— Уилл, — говорил дядя треснувшим голосом, — ты уже приготовил все уроки, которые тебе задали? Имей в виду, теперь я ответственен за твоё образование.

Своё слово дядюшка сдержал. Худо-бедно Вильям закончил университет, и дядя, используя свои связи в колониальном департаменте, пристроил племянника по архивной части. Правда, вдыхать запах пыли, а не пороха не так почётно, зато безопасно. Попав в число золотой молодёжи, Вильям Каммингс, однако, никак не мог по-настоящему расправить крылья для свободного полёта, имея весьма скудный личный бюджет. Мать к тому времени удачно вышла замуж и, бросив едва оперившееся дитя на

произвол судьбы и опеку дяди, уехала в Соединённые Штаты. И если бы не дядюшкин кошелёк, который иногда милостиво раскрывался перед племянником, то, право же, впору было податься в тёмные аллеи «Парламент Хилла». Но нет, Вильям никогда не пойдёт на преступление, тем более в местах, где любили прогуливаться знаменитые поэты: Китс, Шелли и другие. Уж лучше прихватить с собой лопату. Говорят, что в северной части парка могут быть зарыты сокровища. Семь лет назад, в 1892 году, дети случайно нашли предметы из серебра. «Холм предателей» хранит много тайн.

С набережной Вильям свернул в узкие коридоры древних улиц. Шёл без цели и направления. Оказавшись на Кэннон-стрит, повернул налево. В конце улицы возвышался серый, едва проявляющийся силуэт — громадные стены и купол собора Святого Павла. Вскользь подумал о вечном, но мелочные заботы с прежней силой поглотили его внимание. Вновь он осознал реальность лишь на аллее, когда под ногами зашуршали опавшие листья. Озабоченный наш прохожий миновал Памятник и оказался перед Лондонским музеем восковых фигур. Музей — прекрасный убийца времени. Но в кармане лежала лишь долговая расписка на 27 фунтов, данная Вильямом Гарри Циммерману, давно ждущая погашения. Вильям с сожалением глянул на парадный вход и лестницу, ведущую к нему, и побрёл дальше. Поход в музей отложим до лучших времён, сказал себе молодой человек. А жаль, хотя бы потому, что в одной из комнат музея, обшитой красным бархатом, с недавнего времени находится восковая фигура дядюшки Тревора — знаменитого путешественника, открывателя чего-то в каких-то гробницах... к тому же богат... Ну чем не образец для нации. Хотелось бы взглянуть, как он там устроился. Наверняка, не хуже, чем в этой жизни.

Это была правда. Сэр Тревор Дарлингтон был на редкость удачлив. Можно сказать, денежки так и липли к его рукам. Подобно мифическому царю Мидасу, к чему бы он ни прикасался, всё превращалось в золото. Или в ценные бумаги. Смотря по обстоятельствам. При таком-то везении, казалось бы, можно было прославиться ещё и щедростью. Но, увы!

Два часа пройдя кругами по Вест-Энду, Вильям остановился возле двухэтажного здания, добротной викторианской постройки. Вытащил часы-луковицу, было около пяти. С робостью оглядел логово дяди. Дядя жил в старинном аристократическом доме с узкими окнами-бойницами, с красно-кирпичными нештукатуренными стенами, низкими антресолями, каменными лестни-

цами и узкими тёмными коридорами, которые, казалось, ведут в некое тайное подземелье с сундуками, доверху наполненными драгоценностями, вывезенными из Индии.

Помпезный вход сторожил бронзовый лев с косматой, позеленевшей от старости гривой. На звон колокольчика дверь открыл старый дядин камердинер Биггс. Знатные его бакенбарды были с той же зеленоватой проседью, что и у льва.

— А что, Биггс, дома ли нынче дядюшка? — поздоровавшись, спросил молодой Каммингс.

— С неделю уж как приехал из Африки, — прошамкал камердинер беззубым ртом. — А вчера прихворнул немного. Был доктор Стэнсфилд, велел поставить пиявки, чтобы отсосали дурную кровь...

Эге, подумал Вильям, вот случай показать свою заботливость, посижу-ка я сегодня с дядей подольше. В клуб, пожалуй, не поеду... разве что попозже...

Дядюшка Тревор выглядел ужасно. Кроме того, что он сильно похудел, кожа его приобрела нездоровый желтоватый оттенок, с подозрительным гнилостным налётом то ли плесени, то ли сыпи. Восседавая в викторианском кресле, обложившись подушками, он весь как-то скособочился. Речь его была заторможена и неразборчива. Движения скованы, словно внутри его старого организма что-то заедало или зацеплялось...

А дядюшку-то, пожалуй, скоро паралич хватит, без всякой жалости к старику подумал молодой Каммингс, а там, глядишь, и дуба даст! Вовремя Тревор Дарлингтон вернулся домой, как раз к своим похоронам. Что-то щемяще-сладостное сжало сердце Вильяма. Чувство было столь приятным, что Вильяму стоило больших усилий сдержать улыбку и бешеную энергию, рвущуюся из груди. Это было всепоглощающее чувство радости жизни. Наконец, Вильям на время придавил в себе беса. Придал лицу скорбно-лимонное выражение, подражая отцу Говарду Трэнси из католической апостольской церкви, и, поскольку дядя почти не мог говорить, стал распространяться о своих успехах на поприще архивного дела. Дядюшка остановившимся взглядом смотрел на почерневшие от времени потолочные балки, являя собой образ идеального слушателя.

К утру дядя умер. После ночной суматохи в доме стояла тишина, пропитанная аптечным запахом. Тяжёлое горе ещё сильнее пригнуло к земле старика Биггса. Молодой же Каммингс, напротив, готов был взлететь к потолку, подобно воздушному шару, переполненному горячим воздухом. Какие-то незна-

комые Вильяму джентльмены весьма важного вида, несомненно имевшие власть и влияние в обществе, взяли на себя хлопоты, связанные с похоронами. Явился дядин душеприказчик и, при собравшихся людях, зачитал завещание, о котором новопреставленный позаботился заблаговременно. Биггсу, бессменному камердинеру, щедрой рукой Тревора Дарлингтона было положено на старость тысяча фунтов стерлингов! Церкви святого апостола Такого-то завещано столько-то; сиротскому дому имени Чарльза Диккенса отстёгивалось — столько-то; ценные коллекции, старинные книги и манускрипты передавались в дар Лондонскому музею истории. И вот наконец-то! Дом передавался во владение двоюродному племяннику Вильяму Каммингсу, при условии, что последний заплатит налог на наследство в размере... Была названа умопомрачительная сумма, которой молодой Каммингс никогда не обладал и вряд ли когда-либо будет обладать.

Слёзы, потёкшие из глаз Вильяма, гротескно исказили комнату и присутствующих в ней людей. Рушились, его поэтические мечты, погибали изысканные фантазии, как цветы — нежные и гордые, сломанные безжалостной рукой. Как хрупкая ваза разбивается о каменный пол, так разбился на мелкие кусочки выпестованный им образ независимого, богатого человека, который вращается в самых верхних слоях светского общества. В его помутнённом от обиды сознании всё дальше отодвигалась лопата романтика, и на передний план выдвинулся злодейский нож. Он возненавидел всех, кто столпился в комнате, их мерзкие, лилейно-ханжеские рожи. Он готов был убить всех, кто так или иначе посягнул на его богатство.

Ближе к вечеру, когда ушла прислуга, а камердинер Биггс залёг в своей каморке, Вильям решил обследовать недвижимость на правах наследника. Ясно, что без денег дом уплывёт у него из рук. От отчаяния Вильяму вдруг пришла в голову мысль, что основную часть своего богатства дядюшка где-то прячет, чтобы не платить налоги. Бросив хладный труп старика в его мёртвом одиночестве, Вильям учинил в доме обыск. Перевернул содержимое всех комодов и шкафов, обшарил все комнаты: от подвала до чердака и обратно. Осторожно, чтобы не разбудить Биггса, пытался простучивать стены — тщетно! Не было тайных сундуков с золотом, не было пачек банковских билетов. Ничего!

Был уже поздний вечер, когда молодой Каммингс вернулся в комнату дяди, чтобы ещё раз просмотреть ящики комодов. Дядюшка лежал, сцепив на груди руки, окоченевший, странного какого-то жёлтого цвета, даже как бы с металлическим отливом.

Подойдя ближе и приглядевшись, Вильям застыл в задумчивом оцепенении. После того, как столбняк его прошёл, он протянул руку и коснулся лба покойника. Пальцы ощутили холод металла. Не было сомнений — дядюшка превратился в статую из жёлтого металла!!! Племянник судорожно схватил со стола нож для разрезки книг и ткнул лезвием в руку идола. Нож с характерным звоном отскочил от руки покойника. На поверхности металла появился и заблестел след от удара. Металл был мягким и походил на червонное золото 999-й пробы! Чтобы проверить догадку, Каммингс слетал в комнату, где дядюшка хранил кое-какие химические реактивы и принёс склянку с серной кислотой. Быстроногий племянник открыл притёртую стеклянную пробку и, отворотив свой чувствительный нос, накапал едкой жидкости в глазную впадину мёртвого дядюшки. Никакой реакции! Жгучая кислота невинной слезой покатила по височной части черепа, затекая в ухо. На том всё и кончилось. Тогда аналогичный опыт был проделан с железным ножом. Жидкость на поверхности лезвия вскипела, забурлила, выделяя смрадные газы. Все сомнения отпали. Невероятно, но факт — дядюшка превратился в золотую статую!

Возникла сложная этическая дилемма. Что делать с телом покойного, которое теперь стало вовсе и не телом, а вещью, платёжным средством, короче, золотом? Первой мыслью племянника было распилить дядюшку, то есть статую дядюшки и рассовать куски по тайникам. Однако, как же он, племянник, в таком случае предъявит труп обществу или объявит об его отсутствии? Боже, какая глупая, безумная ситуация! Ясно, что хоронить дядюшку нельзя. С другой стороны, не хоронить его было невозможно. Главная трудность заключалась в том, что факт смерти дядюшки стал достоянием гласности. Уже в дневном выпуске все городские газеты поместили портрет сэра Тревора Дарлингтона, разные хвалебные о нём отзывы и слезливые некрологи. Как ни крути, а почивший старик был одним из столпов общества. Завтра похороны. Явятся первые люди города, дабы выразить соболезнования бедному (вот уж точно!) племяннику и почтить память примерного христианина. И тогда обязательно обнаружится эта странная метаморфоза, произошедшая с телом Тревора Дарлингтона.

Часы в гостиной тяжело пробили полночь, и в доме снова воцарилось жуткое безмолвие. В душу племянника стал закрадываться страх перед покойником. Кто знает, какой ценой куплено дядюшкино финансовое благополучие? Может, старик продал

душу дьяволу, халдейским магам или африканским колдунам. Иначе, чем объяснить теперешнюю чертовщину, это загадочное превращение? Уж не расплата ли это за прежние финансовые удачи? Страх заставил молодого Каммингса вспомнить о друзьях. Поехать что ли к кому-нибудь? Всё равно к кому, лишь бы подальше отсюда. Но как же он бросит тело, золото! Эх, посоветоваться бы с кем-нибудь. Сейчас любая помощь друзей ему бы не помешала. Но нет, тайну никому нельзя доверять. О чёрт! Ведь хоронить-то всё равно придётся. Ладно, раз похорон не избежать, пусть хоронят, а мы потом его выкопаем... Идея! Загримировать его надо! Загримировать так, чтобы никто не догадался о золотой сущности покойника.

Вильям наконец осознал, что ему самому с этой задачей не справиться. Тут нужен профессиональный гримёр. Но обращаться в контору значило... Он шёл по замкнутому кругу. Вдруг его сумрачный разум озарился лучом света. Поль Брюже! Вот кто станет его компаньоном. Как же он мог забыть о своём довольно близком приятеле? Поль работал художником-декоратором в фани-театре. Театральные художники — на все руки мастера. И столяры они, и маляры, и живописцы, и скульпторы, и, если надо, загримируют вас так, что родная мать не признает. К тому же — о счастье! — именно Полю Вильям подкинул одну денежную работёнку, когда тот сидел на мели. Дядюшке поступило лестное предложение от музея восковых фигур: пополнить их экспозицию копией его персоны. Вильям убедил дядюшку, чтобы он передал заказ на фигуру Полю Брюже. Племянник уверил прижимистого старика, что, раскошелившись на платную копию, выполненную известным скульптором, дядюшка увековечит для потомков истинный свой образ. В таком деле нельзя доверять музейным лепилам. И дядюшка расщедрился. Когда дело касается Вечности и вашего в ней пребывания, редкий человек станет скупиться. Потом Вильям с Полем прокутили эти деньги в «Империале». Вот уж полгода Вильям вспоминал этот кутёж, как кот вспоминает съеденную у хозяина сметану, и ровно столько же он не видел Поля. Но найти Брюже вовсе не сложно, когда знаешь, где искать.

Вильям накинул на плечи плащ и бросился на улицу, даже не покрыв голову. Выскочив из парадного, он чуть не попал под колёса запоздалого экипажа.

— Стой! — крикнул потерявший голову наследник, падая на сиденье кэба. — Гони, братец, на угол Фридон-стрит и Раф-роуд.

— Я домой еду, сударь, — ответил кэбмен равнодушно с высоты своего места.

— Получишь полфунта, если довезёшь туда и обратно! — щедро пообещал Вильям, проверяя пустые карманы.

— Господи! — зарычал кэбмен, оглаживая кнутом свою клячу. — Да за такие деньжищи я вас к самому чёрту в ад домчу на собственном горбу.

Пробивая туннель в вязком тумане, экипаж понёсся по пустынным улицам. Доехали быстро. Каммингс велел кэбмену ждать, а сам отправился на поиски квартиры художника, в точности не зная её номера. На улице было темно, точно в могиле. Покосившийся газовый фонарь шипел, как рассерженная змея, своим тусклым светом делая мрак ещё непрогляднее. Промочив ноги в сточной канаве, Вильям через боковой вход поднялся на второй этаж и наугад забарабанил в какую-то дверь. Хозяин жилища вышел на стук. Им оказался Поль Брюже собственной персоной. Персона была на удивление трезвой, но в дурном расположении духа.

— Какой подлец смеет беспокоить честных граждан среди ночи! — гаркнул он и схватил Вильяма за грудки. — О! Да это Уилл! Вот так гость пожаловал... Сто лет тебя не видал, архивная ты крыса! Проходи в мои апартаменты, вина принёс?

Гость ступил в комнату, она же мастерская хозяйина, где царил свойственный всем художникам живописный беспорядок. Кругом громоздились холсты с законченными работами и ещё не тронутые кистью; там и сям торчали разнокалиберные треножки мольбертов, красовалось бесчисленное множество дешёвых вазочек разных форм, оцетинившихся кистями; по всем углам валялись горы раздавленных тюбиков из-под красок и ещё бог знает что. Под потолком на полках стояли, покрытые пылью, гипсовые головы и торсы.

— Из театра меня турнули, в запое был, — виновато сказал Поль. — Перешёл на вольные пастбища...

Скудость пастбищ сразу бросалась в глаза. Посадив гостя в продавленное и пыльное кресло, хозяин терпеливо выслушал невероятную историю. Темноглазый, небольшого роста, вспыльчивый как все французы-южане, он тем не менее проявил потрясающую невозмутимость.

— Э! Да я смотрю, ты мне не веришь, — с обидой в голосе сказал Вильям. — Тогда едем же немедленно. У меня экипаж. Сам всё увидишь!

— Остынь, денди, — сказал Поль, наливая себе и другу вина, оставшегося с какой-то попойки и случайно обнаруженного только что. — У меня нет оснований считать тебя лгуном. Однако действия твои плохо продуманы. Ты, словно начинающий шахматист, — просчитываешь партию на один ход вперёд. Ну загримируем мы твоего дядюшку, а что дальше? Хоронить-то его всё равно придётся. А это значит — прощай тело золотое! Или ты намерен после похорон, ночью, как разбойник, раскопать могилу... Но, я полагаю, до похорон дело не дойдёт.

— Это почему же? — Вильям озадаченно воззрился на друга.

— Знаешь ли ты, каков удельный вес золота? — преподавательским тоном сказал Поль и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Дядюшку твоего просто не смогут сдвинуть с места и дюжина грузчиков с ковентгарденского рынка, даже если тело окажется полым изнутри. Сначала это всех удивит. Кое-кто отпустит шутку насчёт тяжести некоторых грехов покойного... Но потом они займутся этим обстоятельством всерьёз, и тогда всё вскрыется.

— Да, брат, — почесав затылок, согласился Вильям. — Я об этом как-то не подумал. Однако, что же делать?

— А делать будем вот что... — Поль с тоской посмотрел на свою пустую рюмку и на полную рюмку друга.

— Пожалуйста, пей, — сказал Вильям, — я к ней не прикасался. Сегодня мне не до этого...

Опрокинув в рот порцию друга, художник вскочил с места, взъерошил кудрявые свои волосы и деловито стал излагать свой план. По его мнению, тело дядюшки следует подменить муляжом. Подходящий по размеру и весу гипсовый торс у него найдётся. Если торс будет лёгок, набьём его свинцовой дробью. Главная трудность — руки и голова. Их гипсом не заменишь, заметят.

Поль схватил друга и потащил в какой-то чулан, который оказался просто ещё одной комнатой. Тут стояли и валялись какие-то железные каркасы, напоминающие скелеты. Вильям вздрогнул, увидев голову дядюшки, отделённую от тела. Словно живая, она стояла на подоконнике, как болванка для парика.

— Это один из вариантов, — сказал Поль, беря в руки восковую голову и хлопая ладонью по её лысой макушке. — Твой дядя забраковал. Сказал, что в чертах лица не отражены благородство и мужественность бывшего солдата Её Величества. А разве я виноват, если его физиономия похожа на Брута, убивающего Цезаря.

Поль сноровисто выковырял стеклянные глаза и залепил дырки мягким воском телесного цвета. Получилась голова с закрытыми глазами.

— Детали доработаем на месте, — сказал художник и деловито оглядел захламлённую комнату. Тут были даже статуи целиком, но для замысла Поля они не годились, ибо имели позы вычурные, с напряжёнными поворотами, а не покойные. Пришлось собирать муляж по частям: отдельно ноги, руки и торс. Всё это грудой сложили в холщовый мешок. Отдельно, чтобы не сломать, завернули восковую голову и кисти рук, позаимствованные у какой-то негодной восковой фигуры. Прихватив восковые краски и кое-какой художественный и прочий инструмент, поспешили к золотому телу.

«Только бы не столкнуться с фараонами!» — молил Господа племянник, озираясь по сторонам. Крадучись, словно воры, вошли они с мешком на плечах и свёртками под мышкой в дверь дядюшкиного дома. Кэбмен укатил вне себя от счастья, а Поль, которому пришлось отдать последние деньги, отругал Вильяма за мотовство. «Ты знаешь, сколько бутылок «Клебана» я мог бы купить на эти деньги?» — гундел художник, когда они поднимались по лестнице в покои усопшего. Вильям шикнул на друга, чтобы тот заткнулся. В доме по-прежнему стояла зловещая тишина. Дверь в спальню, где лежал труп дядюшки, отворилась со злобным скипом, и Вильям облился холодным потом. У него дрожали колени. Поль Брюже, напротив, был сама деловитость и холодность.

— Ну и каково твоё мнение? — сказал Вильям, нервно грызя ногти, в то время пока друг рассматривал дядюшку как заправский врач.

— Откуда, ты говоришь, он приехал? Из Африки?.. Что ж, ничего удивительного. Я всегда говорил: Африка не для белого человека. Этот чёрный континент — рассадник болезней, многие из которых ещё неизвестны науке. — Поль опять принял важный вид учёного. — Я полагаю, что именно в тех, Богом проклятых, краях, в какой-нибудь древней карфагенской гробнице, он подхватил некий микроскопический грибок, размножение которого в теле человека приводит к... э-э... металломорфозе, назовём этот процесс так.

— Ты хочешь сказать, он заразный?! — Вильям попытался от покойного, плюясь и вытирая руки об одежду.

— Мы не знаем, каким путём передаётся эта болезнь... при условии, что это болезнь, а не редкая аномалия дядюшкиного

организма. Если он и был заражен, то теперь это просто кусок золота. А я не слышал, чтобы золото было заразным, разве что в фигуральном смысле... Биггс с ним уже целую неделю, и ничего...

— Синдром царя Мидаса, только обращённый в другую сторону... — изрёк Вильям, вспомнив, что он тоже человек обработанный.

— Ладно, хватит болтать, помоги-ка мне его раздеть, — сказал Поль недовольным голосом, беря на себя роль старшего в задуманном деле.

Надо сказать, что раздевать (и, по-видимому, одевать тоже) статую оказалось делом далеко не лёгким, к тому же, когда у вас дрожат руки от страха. Стащить одежду с трупа стало возможным только после того, как её разрезали ножницами. Голый дядюшка предстал перед ними во всём своём золотом блеске. Чем-то он напоминал статую спящего Будды.

— Ну-с, — сказал Брюже, надевая резиновые перчатки и поднимая руки на манер хирурга перед операцией, — начнём пожалуй. Пилу!

Услышав приказ, Вильям бросился к инструментам, схватил ножовку по металлу и протянул её товарищу. Челюсть Вильяма мелко дрожала. Брюже снял перчатку, пальцем попробовал зубья, снова натянул перчатку и склонился над дядюшкой. Примерился, приложил узкое полотно ножовки к правой руке покойника в районе локтевого сгиба и начал пилить. Едва только пила чиркнула зубьями раз-другой по металлу с характерным взвизгиваньем, как стены дома огласились нечеловеческим воплем. Поль Брюже выронил ножовку и упал назад себя. Вильям рухнул возле стола, зажав руками уши и выпучив от ужаса глаза.

Внизу хлопнула дверь. Послышался возглас камердинера и его шаркающие шаги. Сейчас он войдёт сюда и увидит!.. Брюже действовал хладнокровно. Быстро убрал разрезанную одежду покойного и бросил её под кровать. Тело накрыли простынёй. Мешок с гипсовыми частями и инструменты Вильям схватил в последний момент и отволок в кабинет. Друзья поспешили в полутёмную малую гостиную. Камердинера встретили во всеоружии фальшивой скорби.

Он вбежал, приседая на подагрических ногах, запыхавшийся, с горящими дикими глазами и всклокоченными волосами. Впрочем, и вид молодых людей тоже не отличался опрятностью. Двумя руками Биггс поднял над головой тяжёлый бронзовый подсвечник. Пламя свечей разогнало по углам пугливые тени.

— Боже! — вскричал камердинер. — Что случилось? Кто кричал?

— Успокойтесь, — сказал Брюже, беря за локоть слугу. — Это был вопль отчаяния безутешного племянника... Горячо им любимый дядюшка скончался так внезапно...

Художник оставил камердинера и подошёл к Вильяму.

— Бедный, несчастный сирота... Я очень сочувствую тебе. Но крепись, друг. Жизнь продолжается, несмотря на потери...

Он мастерски всхлипнул и похлопал по плечу бедного сироту, который, обхватив голову руками, скорчился в кресле у камина в позе утробного младенца. Дворецкий заглянул в спальню своего бывшего хозяина, где горел яркий свет газовых ламп, перекрестился, постоял скорбно, сделал движение руками, должно быть означавшее сочувствие молодому человеку, и, шаркая, удалился восвояси. Когда дверь за дворецким закрылась и шаги, кашель и прочие сопровождавшие его удаление звуки затихли, Поль подошёл к Вильяму и сказал:

— Ну и дурак же ты, братец! Какого чёрта ты заорал?

— Клянусь святым распятым! — взмахнул рукой и осенил себя крестным знаменем Вильям. — Рта не раскрывал, что я враг себе?..

— Не хочешь ли ты сказать, что кричал дя... дядюшка! — последнее слово было сказано Полем истерическим шёпотом. Художник рассмеялся нервным смехом.

— Занятно, — говорил он, снуя из угла в угол гостиной, хотя ничего занятного, кроме ужаса, Вильям не видел в создавшейся ситуации. — Мистика... Только я в мистику не верю. Впрочем... — засомневался он, — кто его знает... Всё равно отступать некуда. Будем продолжать, раз начали...

— Может, ему рот завязать? — предложил Вильям, начиная проявлять деловитость, после того как оправился от шока.

— А что... это мысль, — согласился Поль. — Только завязывать не будем. Тащи подушки!

Вильям навалил подушек на голову дядюшке и прижал их руками.

— Держи крепче, — приказал Поль и взялся за пилу.

Снова зубья со скрежетом вонзились в руку статуи, и вновь вопль боли раздался в помещении. Однако на этот раз крики звучали придушенно — подушки изрядно глушили звук.

— Давай быстрее! — зашипел Вильям, прибавляя ещё пару подушек.

Дядюшка выл от боли, но они не останавливались. Один держал, другой пилил. Всю ночь они распиливали дядюшку на куски. Это была кошмарная ночь. Молодой Камминг постарел лет на десять.

* * *

Через месяц лондонские газеты за 1899 год запестрели заголовками с эсхатологической окраской, которые повергли в шок обывателей. «Конец века — конец света?!», «Неизвестная болезнь угрожает жителям Англии!», «Жертвы «золотой лихорадки», «Золотая чума!» Среди этих истерических воплей трезвостью отличались лишь корреспонденции «Таймс». В частности она попыталась непредвзято разобраться в загадочной смерти двух молодых людей, недавно появившихся в высшем свете и заблиставших в лучших светских салонах звёздами первой величины. Но краток был их звёздный час. Внезапно разбогатев, они так же внезапно скончались от загадочной болезни, которая превратила их тела в золотые статуи. Но если происхождение богатства у одного из них — Вильяма Каммингса — ещё можно объяснить получением тайного наследства от его дядюшки, сэра Тренора Дарлингтона, то богатство безродного французского художника Поля Брюже, пьяницы и кутилы, объяснению не поддаётся. Кое-кто предполагает, что Вильям Каммингс вместе с домом унаследовал от дяди, известного ориентолога, секрет философского камня.

Между тем скандальное дело Каммингса-Брюже уже приобрело гротесково-фантастические черты. Верховный суд решает: признать ли их тела, которые сейчас находятся в Лондонском национальном банке, прахом, требующим захоронения, или объявить Каммингса и Брюже национальными самородками и пополнить ими золотой запас Великобритании. Претензии на тела также предъявила католическая апостольская церковь, утверждая, что мёртвые принадлежат Богу, а стало быть, церкви как Его полномочному представителю на Земле. Тем более что усопшие были ревностными католиками. По этому поводу уже разгорелись нешуточные дебаты в Парламенте, ведь, судя по всему, будут и другие тела.

В связи с событиями, наверное, заслуживает внимание рассказ ночного уборщика музея восковых фигур некоего мистера Джозефа Боуэра. Он уверял полицию, что недавно, во время его смены, с подиума экспозиции сошёл один из экспонатов музея, а

именно — восковая фигура сэра Тренора Дарлингтона. Подойдя к ночному работнику, фигура якобы сказала утробным голосом: «Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твоё, за это ты давно заслуживаешь прибавки к жалованию; знаю также, что ты не можешь сносить развратных, поэтому обращаюсь к тебе: сообщи в полицию, что меня распилил на кусочки и продал Вильям Каммингс, двоюродный мой племянник».

Затем фигура вернулась на своё место в экспозиции. Папаша Боуэр уверил, что в тот вечер принял совсем немного, «вот они и заявились». На вопрос «Кто они?» мистер Боуэр ответил: «Черти» и пояснил, что они вселяются в фигуры и устраивают по ночам такие шабаши, музей ходуном ходит!.. Единственно, что их отпугивает, как ни странно, запах спиртного, они его на дух не переносят. «При нашей работе, — пояснил уборщик, — никак нельзя без того, чтобы как следует не заправиться перед сменой — не то обязательно явятся черти». По словам мистера Боуэра, своё заявление он сделал единственно потому, что не хочет неприятностей, «потому как они шибко обидчивы, ежели не уважить их просьбу».

По началу заявление этого Иоанна со шваброй оставили без внимания, сочтя его религиозно-алкогольным бредом. Теперь же, в свете новых фактов, у Скотланд-Ярда имеются веские причины поднять вопрос об эксгумации тела сэра Тренора Дарлингтона. Но когда дело дошло до исполнения, оказалось, что могила Дарлингтона разрыта, а тело бесследно исчезло вместе с гробом. Поговаривают, что это дело рук криминального авторитета, известного негодяя, профессора Мориарти и членов его банды.

Инспектор Лестрейд из Скотланд-Ярда считает, что «это дело явственно пахнет злодейским преступлением», нити которого он, Лестрейд, обязательно распутает с помощью своих лучших друзей — знаменитого сыщика Шерлока Холмса и его помощника доктора Ватсона, якобы заинтересовавшихся этим происшествием. Но если великого частного сыщика Холмса занимает криминальная сторона этого дела, то доктора Ватсона поверг в ужас его медицинский аспект. Однако, чтобы не пугать читателей, «Таймс» уверяет, будто приняты все необходимые меры к локализации очагов «золотой чумы». В районах, где проживали больные, установлены карантинные зоны. Проверяются связи Вильяма Каммингса и Поля Брюже, выявляются люди, контактировавшие с ними. Кое-кого уже отправили в клинику для профилактического наблюдения. В основном это дамы высшего света и проститутки с Флирт-стрит, которых любил навещать Поль

Брюже. Но, сказать честно, чёрный этот список чудовищно огромен. Не случится ли так, дорогой читатель, пишет другая газета, что зарю нового века мы встретим бесчувственными идолами, улыбающимися идиотскими золотыми улыбками, среди мёртвого безмолвия городов?

Август — сентябрь 1999 г.

Майкл ДИБДИН

*ПОСЛЕДНЯЯ ПОВЕСТЬ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ*¹⁶

Предисловие

Многие любят истории сэра Артура Конан Дойля о знаменитом детективе, Шерлоке Холмсе, и его друге, докторе Уотсоне. Но кто помнит о том, что Холмс и Уотсон действительно существовали? Что они жили и до того, как Конан Дойль подарил им вторую жизнь в своих книгах? Все забыли об этом.

Доктор Уотсон умер в 1926 году в возрасте семидесяти трёх лет. Он оставил после себя запёртый ящик с указанием, что он должен быть вскрыт не раньше, чем через пятьдесят лет после его смерти.

Полвека этот ящик был укрыт от людей во мраке банковского хранилища. Годы шли, и мир неузнаваемо изменился.

В 1976 году ящик был открыт. В нём оказался пакет с рукописью. Там была изложена ужасающая история. Многие считают, что ЭТО не может быть правдой. Они говорят, что Уотсон солгал. Что он был не в себе, когда писал ЭТО. По прошествии стольких лет мы ни в чём не можем быть уверены. Мы проверили все факты, которые можно было проверить. Всё, что мы можем сказать, это то, что эта история **МОГЛА** быть правдой. Она **МОГЛА** случиться. Мы думаем, что она **БЫЛА ВОЗМОЖНА**. Вам остаётся только прочесть её и решить для себя самим.

Издатели

Пролог

Как бы мой друг, Артур Конан Дойль, рассказал бы эту историю! Какая захватывающая и интересная она бы была! Я так не могу. Я не писатель. Я только врач и солдат. Данный отчёт — это всё, на что я способен.

Кто будет читать эти строки? Каким будет мир в 1976 году? Возможно, к тому времени имена Шерлока Холмса и Джека Потрошителя будут уже забыты. И никто не вспомнит замеча-

¹⁶ THE LAST SHERLOCK HOLMES STORY

Original edition: Michael Dibdin 1978

Перевод выполнен по изданию: Simplification by Rosalie Kerr, Oxford Bookrooms 1995, The simplified edition: Oxford University Press 2000

Перевод: М. А. Чумаков 2005

тельных рассказов сэра Конан Дойля. Мне столько нужно объяснить... Я вынужден просить читателя быть терпеливым.

* * *

Я уже года четыре был знаком и работал с Шерлоком Холмсом, когда впервые встретился с Артуром Конан Дойлем. «АКД», как я его всегда называл. Как и я, он был врачом, и мы быстро стали хорошими друзьями. Он рассказывал мне забавные истории из жизни больницы, я поведал ему о своей бытности армейским хирургом в Афганистане.

Я часто рассказывал ему о Шерлоке Холмсе. В то время большинство людей о нём и не слышало. Только полиция, ну, и некоторые преступники знали, каким великим детективом он был. Казалось, АКД мои рассказы откровенно нравились. Он всегда был готов выслушать очередной отчёт о расследованиях Холмса.

Мы много раз встречались и поглотили немало великолепных обедов, прежде чем я понял, что АКД проявляет особый интерес к Шерлоку Холмсу. Он хотел стать писателем и уже пользовался определённым успехом. Теперь он захотел написать о Холмсе, используя факты из реального дела, и добавить в рассказ кое-какие свои идеи. Я нашёл, что это отличная мысль. Я был счастлив при мысли, что мой дорогой друг может стать знаменитым.

Я изложил свой план Холмсу. Тот выслушал меня в молчании, попыхивая трубкой. Потом он сказал:

— А он умеет писать, этот ваш друг? Сможет ли он рассказать настоящую историю? Понимает ли он разницу между фактом и вымыслом?

— Думаю, да, — ответил я. — Он только начал писать, но уже становится модным.

— Модным! — фыркнул Холмс. — Какое мне дело до того, что он модный! Сможет ли модный писатель проявить серьёзный интерес к какому-нибудь из моих расследований?

Я не нашёлся, что ответить. Холмс сидел в молчании, глядя в пламя камина. Наконец, он пробурчал:

— Ладно, попытка — не пытка. Пусть делает, что сможет. Отправьте ему заметки о деле Хоупа, Уотсон.

Я написал АКД на следующий день, и он приступил к работе над повестью. Он назвал её «Этюд в багровых тонах». Когда она появилась в магазинах, я поспешил её купить, и затем просидел несколько часов в парке за чтением. Повесть была великолепна! Динамичная, захватывающая, умная! Я поспешил на

Бейкер-стрит. Я не мог дожидаться момента, когда вручу книгу Холмсу.

Когда я ворвался в комнату, он быстро глянул в мою сторону.

— Вы опоздали, Уотсон, — произнёс он. — Вам не стыдно было идти сюда с этой книгой в руках?

— Стыдно, Холмс? — воскликнул я. — Конечно, нет! АКД всё сделал великолепно! Я вижу, вы уже прочли её. Как вы её нашли?

Вскоре я пожалел, что заговорил об этом.

— Как я её нашёл? Я нашёл, что это чушь! Дикая и фантастическая чушь! Он небрежно обходится с фактами, добавляет всю возможную ложь, которую только можно добавить, и допускает наиглупейшие ошибки!

— Но Холмс...

— Интересно, какой из него врач? Мне жаль его пациентов! Я не удивился бы, если б услышал, что он отрезал человеку ногу, потому что у того болел желудок. Он абсолютно не обращает внимания на факты.

— Холмс, — сказал я так спокойно, как только мог, — писатель не обязан строго придерживаться фактов. Он должен быть уверен, что его повесть будет интересно читать. Я думаю, вы это понимаете.

Холмс ехидно мне улыбнулся.

— Мой дорогой друг, я забыл. Вы же всё знаете о художественной литературе. Как глупо с моей стороны беспокоиться о нескольких небрежных ошибках! Но ваш друг Конан Дойль показал, что он не понимает, насколько важна моя работа. Он думает, что преступники, с которыми я борюсь, тупые и несчастные создания. Это не так. Я сражаюсь с самим Злом. Он не способен этого понять. Книга бесполезна! Убирайтесь отсюда с ней и с вашим другом-писателем!

Я гадал, что мне сказать АКД, но оказалось, что напрасно. «Этюд в багровых тонах» не имел успеха, и он обратился к другим сюжетам. Спустя несколько лет он снова решил написать о Холмсе, но в этот раз голова моя была забита другими вещами. Я влюбился в мисс Мэри Морстен. Когда она согласилась стать моей женой, я поспешил рассказать об этом Холмсу. Я был переполнен счастьем.

Я всё ещё слышу холодное изумление в его голосе, когда он произнёс:

— Я не буду притворяться, что счастлив по поводу всего этого.

Это меня ужасно задело, но я попытался рассмеяться.

— Ну, Холмс, — сказал я, — я надеюсь, вы не будете так уж одиноки, когда я уйду домой к жене.

Тень прошла по его лицу.

— О, нет, Уотсон, — ответил он. — У меня всё ещё есть бутылочка с кокаином.

Просил ли он о помощи? Было ли ещё возможно, тогда, спасти его? Может быть. Я только знаю, в глубине своего сердца, что мой дорогой друг нуждался во мне, а я его предал.

Глава 1

Первые убийства

Шерлок Холмс стал детективом в 1877 году, за четыре года до нашей встречи. Сначала он наслаждался каждым делом, но вскоре стал находить свою работу слишком лёгкой. Десять лет спустя он был знаменит, но несчастен — ему было скучно.

— Современные преступники до боли медлительны и глупы, — часто говорил он. — Мне нужно интересное дело, Уотсон. Дело, которое заставит меня думать. Неужели в наши дни в мире нет умных воров или убийц?

Для такого человека, как Холмс, скука представляет большую опасность. В такие дни он становился неуправляемым, а однажды даже выпустил несколько пуль в стены комнаты. А ещё он начинал употреблять кокаин.

Интересно, знает ли мой читатель, что такое кокаин? Может, в мире 1976 года его больше нет? Это полезное лекарство, и врачи часто назначают его пациентам, которые страдают от боли. Но тело Холмса было в абсолютном здравии. Он использовал кокаин как наркотик, потому что наслаждался им. Он делал долгие дни более волнующими. Вскоре он каждый день нуждался в очередной дозе кокаина — он не мог без него жить.

Я говорил ему, что надо остановиться, но он только смеялся в ответ на мои слова:

— Мой дорогой друг! Я сам бы этого хотел. Дайте мне интересное дело, сложную задачу, и я забуду про свой кокаин.

В один из дней 1888 года из Скотланд-Ярда пришла записка. Холмс распечатал её, рассмеялся и вскочил на ноги одним прыжком.

— Инспектор Лестрейд желает меня видеть, — сказал он. — Полиции нужна моя помощь. Вы знаете, конечно, что кто-то убивает женщин в Уайтчэпле?

— Конечно, — ответил я. — Это есть во всех газетах. Три женщины убиты, и, судя по всему, полиция неспособна найти убийцу. Все это знают. Для женщин такого сорта жизнь на улицах Уайтчэпла — дешёвая штука. Что может заинтересовать вас в смерти этих несчастных?

— Это экстраординарное дело, Уотсон! — вскричал Холмс. — Я уже им занимаюсь. Я знал, что полиции понадобится моя помощь. Изложить вам факты?

— Разумеется, — ответил я. Могло ли это стать одним из великих расследований Шерлока Холмса? Я надеялся, что, по крайней мере, он нашёл что-то, что его заинтересовало.

— Убитые женщины были бедны, и они не были ни молодыми, ни красивыми, — начал он. — Следовательно, их не могли убить из-за денег или страсти. Почему же их убили? Это одна загадка. Вот другая. Все убийства совершены ножом. Слово «убийство», Уотсон, не может описать тот жестокий и ужасающий способ, которым их лишили жизни. Они были разрезаны как мясо. У одной был вспорот живот, голова другой отделена от тела. Но это не самое худшее. Вот то, что даже дешёвая газетёнка не позволит себе описать ради сенсации.

Он протянул мне заключение полицейского врача по одному из тел. Я пробежал его глазами, и мне стало дурно.

— Кто же мог сделать такое? — пробормотал я. — По какой же причине можно сотворить ЭТО с женщиной? Почему, Холмс? За что?

Он холодно улыбнулся мне.

— Действительно, почему? Вот что представляет настоящий интерес в этом деле. Сами по себе эти смерти не важны. Женщин, таких как эти, убивают каждую неделю. Но почему убийца потрошит их? Зачем резать тела на куски? Вот вопрос, который делает этот случай таким захватывающим.

Если кто и сможет положить конец этим ужасным убийствам, то только Холмс, подумалось мне. Это дело могло бы стать его величайшим триумфом.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— А! Заходите, инспектор, — сказал Холмс. — Я так понимаю, вы, наконец, решили обратиться ко мне с просьбой помочь вам схватить этого убийцу из Уайтчэпла.

Инспектор Лестрейд выглядел не слишком довольным таким приветствием.

— Не совсем так, мистер Холмс, — промямлил он. — Я как раз проходил по Бейкер-стрит, и, зная, что вы любите такие дела...

— Как мило с вашей стороны, — с улыбкой прервал его Холмс. — Пожалуйста, расскажите нам всё. Когда вы арестовали убийцу? Я немного огорчён, должен сказать, что вы распутали это без меня...

— Мы ещё никого не арестовали, — угрюмо сказал Лестрейд. — Но у меня есть надежда, мистер Холмс. Видите ли, у меня в кармане письмо, написанное самим убийцей!

Холмс перестал улыбаться и сразу стал очень серьёзным.

— Могу я взглянуть на письмо? — проговорил он.

Письмо было написано красным, внизу стояла подпись: «Джек-Потрошитель». Я как сейчас помню, что там было написано:

«Я люблю своё дело. Мой нож остёр и готов к работе. Я не могу дожидаться, когда выпотрошу кого-нибудь снова».

Холмс повернулся к Лестреиду:

— Что вы предприняли, чтобы остановить убийцу? — резко спросил он. — Он даёт понять, что следующее убийство случится очень скоро.

— Все свободные полицейские, что у нас есть, будут в Уайтчэпле этой ночью, — ответил Лестрейд. — И у нас есть маленький сюрприз для Джека-Потрошителя.

Он с важностью поглядел на нас:

— Некоторые из наших самых лучших и отважных полисменов будут в женской одежде. Мы не перед чем не остановимся, чтобы задержать этого негодяя.

С минуту стояла тишина. Потом мы с Холмсом воззрились друг на друга и начали хохотать. Мы хохотали и не могли остановиться.

Лестрейд стал свекольного цвета.

— Я вижу, эти убийства вас забавляют, — сказал он. — Вы не хотите работать с нами. Ну, что ж, я занятой человек. Я, пожалуй, покину вас. До свидания, мистер Холмс! До свидания, доктор.

Холмс немедленно оборвал смех.

— Инспектор, — торжественно произнёс он. — Для меня большая честь работать с вами. Предлагаю ещё раз встретиться сегодня днём и обсудить наши дальнейшие планы.

От этих слов Лестрейд заметно повеселел.

Когда он, наконец, ушёл, я повернулся к Холмсу:

— Вы смеялись над полицией, а что вы сами думаете по поводу этих убийств? Как вы полагаете, кто этот убийца?

— Я не знаю, кто он, Уотсон, — ответил Холмс, — но я могу предположить, что он за человек. Он слишком умён и необычен для нашего друга Лестрейда и его полисменов в женских платьях. Нет! Он будет моим! Это преступник, которого я ждал. Уничтожить его будет величайшим успехом моей жизни. Я мечтаю об этом, Уотсон! Я уничтожу его! Я не могу потерпеть неудачи!

Я был потрясён его горячностью. Никогда прежде я не видел Холмса в таком состоянии.

Днём он отправился в Скотланд-Ярд. Когда он вернулся, он был погружён в задумчивость. Назавтра он спустился в гостиную, одетый в потрёпанную грязную одежду.

— Я отправляюсь в Уайтчэпл, — сказал он мне. — Как вы знаете, у меня есть комнатки в разных концах Лондона. Следующие три дня я проживу среди бедняков Уайтчэпла. Никто не будет знать, кто я. Я буду говорить с ними и выслушаю всё, что они смогут мне рассказать.

— Могу я пойти с вами? — осведомился я, но он твёрдо сказал:

— Нет, Уотсон, не можете. Если случится убийство, я пришлю за вами. Мне обязательно потребуется ваша помощь, дорогой друг. Можете не волноваться по этому поводу.

В одиночестве я провёл вечер в нашей квартире на Бейкер-стрит. Я уже спал, когда в половине третьего ночи появился кеб, чтобы отвезти меня в Уайтчэпл. Ещё одна женщина встретила свою ужасную смерть.

Я ехал по тёмным пустынным улицам. Лондон казался загадочным местом, полным призраков прошлого. Он лежал, как тело гигантского животного, скованного сном смерти.

Возница доставил меня в восточную, беднейшую часть города. Он остановился на узкой аллее у Лиденхолл-стрит. Я увидел группу полисменов, стоявших под фонарём, и пошёл к ним. Холмса там не было, но я был в своё время представлен полицейскому врачу. Он спросил, не хочу ли я взглянуть на тело.

— Я знаю, что вы врач, — сказал он, — но я должен вас предупредить. Такого вы никогда раньше не видели.

Он провёл меня в тёмный закоулок, где на земле лежало нечто, прикрытое тканью. Он поднял фонарь, чтобы я мог видеть, и отбросил покрывало.

У меня нет слов, чтобы описать тот ужас, который я увидел. На какое-то мгновение у меня закружилась голова, меня пробил дрожь, и я испугался, что сейчас упаду. То, что я увидел на земле, когда-то было женщиной, но теперь это больше не было человеком. Это было не более чем кровь и мясо, вскрытое и распотрошённое с ужасающе неестественной жестокостью. Я понял, почему убийца называл себя Джеком-Потрошителем.

Доктор прикрыл тело, и я на ослабевших ногах двинулся обратно к группе полицейских.

— Вы не видели мистера Холмса? — спросил я одного из них.

— Да, сэр, — отозвался он. — Он был здесь вместе с инспектором Лестрейдом. Они поехали напрямик на место другого убийства.

— Ещё одно убийство?! — вскричал я. — Сегодня ночью произошло ещё одно убийство?

— Ну, да, сэр. Вы что, не знали?

В этот момент я услышал цокот подков на въезде в аллею, и появился кеб.

— Садитесь, Уотсон, — прокричал знакомый голос, и Холмс помог мне забраться в кеб.

— Он сбежал. Мы гнались за ним, но упустили, — голос его был печален, чувствовалось, как он устал. — Я хочу показать вам кое-что интересное. Потом можно ехать домой.

Кеб доставил нас на тёмный и грязный двор.

— Первая жертва погибла здесь, — сказал Холмс.

Во дворе стоял полисмен. Холмс взял у него фонарь и направил свет на стену.

— Взгляните на это, Уотсон, — произнёс он.

На стене большими буквами было написано:

«НЕ БЫЛО ВРЕМЕНИ ВЫПОТРОШИТЬ!»

— Почерк убийцы, — устало сказал Холмс. — Такой же, как в письме, что показывал нам Лестрейд.

— Что же это происходит! — не выдержал я. — Чего он добивается? Не могу этого понять!

— Он хочет, чтобы его боялись, — пожал плечами Холмс. — Он хочет стать самым известным убийцей в мире. Во-

площением зла. Ему пришлось убить двоих, потому что ему не хватило времени разрезать и выпотрошить первую жертву. Я думаю, он услышал, что кто-то идёт, и был вынужден бросить тело и скрыться. Потом он убил второй раз и порезал тело женщины на куски способом, который мы видели.

Весь путь в кебе до Бейкер-стрит, такой далёкой от узких грязных улочек восточного Лондона, мы провели в молчании.

Той ночью я так и не смог заснуть. Только я закрывал глаза, передо мною представало покрытое кровью тело несчастной женщины, лежащее в тёмной грязной подворотне.

Глава 2

Профессор Мориарти

Следующие три недели Шерлок Холмс был занят другими делами. Больше убийств в Уайчэпле не было, но люди были напуганы и злились на полицию, которая ни на шаг не приблизилась к поимке убийцы.

Моя личная жизнь была довольно счастливой. Я навещал мою дорогую Мэри Морстен и держал эти визиты в тайне от Холмса — что делало меня необычайно умным в своих глазах.

Однажды, когда мы только закончили завтрак, Холмс в задумчивости стоял у окна. Вдруг он негромко вскрикнул.

— В чём дело, Холмс? — спросил я. — Что случилось?

Он повернулся ко мне. Лицо его было бледным, в глазах был ужас.

— Могу я попросить вас уделить мне час вашего времени, Уотсон? — спросил он тихим голосом.

— Конечно, но...

— Тогда надевайте пальто и шляпу.

Он выбежал из дома. Я последовал за ним, и следующие два часа представляли собой сумасшедшую погоню по всему Лондону. Мы вскочили в кеб, потом бросили его. Сели в поезд. Бежали по узким улочкам. Зашли в какой-то большой отель, потом так же быстро вышли из него. Наконец мы остановились передохнуть в Лондонском парке.

— Вы настоящий друг, Уотсон, — промолвил Холмс. — Вы идёте за мной, не задавая вопросов. Вы поняли, что нас кое-кто преследовал?

— Я так и подумал. Но кто?

— Вы не догадываетесь?

— Нет.

— Он называет себя Джеком-Потрошителем.

— Холмс! — на какое-то время я потерял дар речи. Потом меня осенило. — Вы видели его через окно! Но где он мог прятаться?

— В пустом доме напротив. Он следил за нашими окнами, Уотсон. Он знает, что я выслеживаю его. Мы должны быть очень осторожны! Это один из самых опасных преступников в Европе.

— Но кто он? — вскричал я.

— Вы когда-нибудь слышали о профессоре Мориарти?

— Никогда.

— Это самое странное и самое ужасное в том, что касается него, — зло рассмеялся Холмс. — Он вездесущ, но никто о нём не знает. Это фантастично, как и его преступления.

Я в изумлении молчал, а Холмс рассказывал мне о Мориарти.

— Он исключительно умный человек. В двадцать один год он стал профессором математики. Долгие годы он был самой заметной фигурой в этой области. Затем вдруг исчез из поля зрения университетов. Вскоре после этого я заметил, что преступный мир Лондона изменился. Кто-то указывал преступникам, которые сами по себе обычно глупы и не представляют интереса, что и как делать. Они выполняли приказы мастера. Гения! Им мог быть только Мориарти. Но я никак не мог схватить его. Я ненавижу его за его преступления, но я не могу не признавать его ум. Он — единственный преступник, который меня интересует, потому что он — единственный из них, кто равен мне по интеллекту.

Он помолчал и продолжил:

— Внезапно, в августе, всё изменилось. Преступники опять поглупели. На вершине своего успеха Мориарти пропал. Вопрос: почему?

— Холмс! — вскричал я. — Причина ясна! Уайтчэпльские убийства начались в августе. Должно быть...

— Нет, Уотсон, — возразил Холмс. — Не ясна! Человек вроде Мориарти не взламывает замков и не влезает в окна к мирно спящим лондонцам самостоятельно. Он отдаёт приказы другим. Он был главнокомандующим преступного мира, а не рядовым солдатом.

— Тогда почему... Я имею в виду, как...

— Успех стал слишком легко достижимым. Ему нужны перемены и опасность, как другим нужны наркотики. Он стал лучшим сначала в математике, потом в планировании преступлений. Теперь он выбрал убийства.

— Вы хотите сказать, что он убивает лишь для своей забавы? — изумился я.

— Именно. Он наслаждается опасностью. Но есть и другая причина. Он желает сразиться со мной — самый удачливый преступник против самого лучшего детектива. Это будет схватка не на жизнь, а на смерть.

— Тогда получается, что эти женщины, которых он убил...

— Они для него ничего не значат. Он просто использует их, потому что они необходимы ему для осуществления его плана.

— Его плана?

— Да, Уотсон. Я уже сказал вам, что он убивает, потому что ему скучно и потому что он хочет сразиться со мной насмерть. Есть и третья причина: он хочет уничтожить мир, каким мы его знаем.

— Да он просто сумасшедший!

— Нет, дорогой друг. Он не сумасшедший. Он — само зло. Он хочет принести страх в нашу жизнь, чтобы лондонцы боялись выходить ночью на улицу, боялись каждого звука, каждой тени. Лондон превратится в город призраков. В каждом прохожем, знакомом, соседе люди будут видеть опасность. Как смогут они так жить?

Он помолчал минуту, а потом произнёс:

— Я один могу остановить его. И остановить его — моя обязанность.

* * *

Несколько дней спустя инспектор Лестрейд снова зашёл к нам.

— Ну, вы уже готовы арестовать Уайтчэпльского убийцу? — спросил его Холмс.

— Мы продолжаем делать всё возможное...

— Хватит, Лестрейд! Вы вышли на его след?

— В таком трудном деле, как это...

— Да или нет?

— Нет, — вздохнул Лестрейд, — но мы надеемся...

— Конечно, мы надеемся. Мы всегда должны надеяться. Но лондонцы не будут ждать вечно, пока полиция не арестует Джека-Потрошителя. Как вы думаете, вам бы понравилась жизнь полицейского в Канаде, Лестрейд?

Лестрейд попытался улыбнуться.

— Я думаю, мы сможем поймать его только в одном случае, — сказал он. — Если нам посчастливится наткнуться на не-

го в тот момент, когда он будет убивать какую-нибудь очередную женщину.

Какой же у него был изумлённый вид, когда Холмс ответил:

— Это первая разумная вещь, которую я слышал от полиции по поводу этих убийств. Мы должны застать его на месте преступления! Что-нибудь выпьете, инспектор?

— Да, спасибо, мистер Холмс. Но кто может сказать, где и когда он убьёт снова?

— Я! — холодно сказал Холмс. — Давайте посмотрим на даты убийств. Он убивает, выжидает неделю, убивает снова и ждёт три недели до следующего убийства. Этот график меняется лишь однажды, когда, по его собственным словам, у него «не было времени выпотрошить», и ему пришлось убить дважды за одну ночь. На следующей неделе убийства не было. Говорю вам, Лестрейд, это не сумасшедший убийца. Это человек, который следует определённом плану. Он действует только в Уайтчэпле и только на исходе ночи.

Лестрейд беспомощно посмотрел на него.

— И что же нам делать? — спросил он.

Холмс резко вскочил на ноги.

— Я полагаю, он попытается совершить следующее убийство в ночь на понедельник. Предыдущие произошли в пятницу, субботу и воскресенье. Каждый раз он сдвигается на день вперёд. Мы должны захлопнуть Уайтчэпл, как мышеловку, из которой он не сможет выбраться. Нам понадобятся все полицейские, которые имеются в вашем распоряжении.

Лестрейд выглядел слегка обеспокоенным.

— Я сделаю всё, что смогу, мистер Холмс. Но я не знаю, как это понравится моему начальству...

— Ваше начальство, — сказал Холмс, — выделит вам столько людей, сколько вам понадобится. Я полагаю, вам будет небезынтересно узнать, что ваш непосредственный начальник лично попросил меня сделать всё возможное для поимки этого убийцы. У меня есть право отдавать вам приказы, Лестрейд, а вы будьте любезны им подчиняться.

Когда Лестрейд ушёл, Холмс удовлетворённо сказал:

— Ну, вот. Теперь мне нужна ванна, обед и хороший сон. Мориарти хочет уничтожить меня. Он уже, мой дорогой Уотсон, трижды пытался меня убить. Он страшный враг, и я должен быть готов к битве.

Я в ужасе уставился на него. Он говорил абсолютно серьёзно. Тогда я решил, что никогда не покину моего друга, пока он в такой опасности.

Глава 3

Джек-Потрошитель убивает опять

В ночь на понедельник Уайтчэпл был полон полицейских, все были готовы к поимке Джека-Потрошителя. Но ничего не произошло. Только Лестрейд откровенно наслаждался этим.

— Вы проиграли, мистер Холмс, — сказал он. — Ваша идея была великолепна, но вы сделали одну ошибку — вы не поставили в известность убийцу!

Мы с Холмсом взяли кеб и вернулись на Бейкер-стрит. В тот момент мы были слишком измотаны для разговора, но позже днём я спросил:

— Что случилось, Холмс? Что-то пошло не так?

— В действительности, это не неудача, Уотсон. Мориарти не смог никого убить, потому что там были мы. Но я очень хотел застать его за работой, и тут я промахнулся.

— Тогда... Он был там?

— Он был там. Он увидел, что я предпринял, и понял, что не сможет убить очередную жертву этой ночью.

— Тогда вы не проиграли! Мы победили его!

Холмс медленно покачал головой:

— Нет, Уотсон. Мы ещё его не победили. Думаю, теперь он ужасно зол. Я уже остановил его один раз, и теперь он с удвоенной силой попытается убить меня. Он будет продолжать свои убийства по плану, но теперь сделает всё возможное, чтобы ему сопутствовал успех.

— Но, Холмс, как же мы сейчас...

— Вспомните: он убивает, выжидает неделю, убивает снова и потом выжидает три недели. Таким образом, он убьёт снова на следующий уикенд. Я должен поговорить с Лестрейдом. А сегодня вечером, Уотсон, мы пойдём в театр.

Больше он ничего не сказал, но вечером, когда мы были в театре, он тихо встал со своего места и исчез. Я даже не видел, как он ушёл. Следующие несколько дней я его не видел и ничего о нём не слышал. Вдруг, вечером, когда я сидел за обеденным столом (а это был именно тот вечер, в который, как мы надеялись, нам удастся схватить Джека-Потрошителя за работой), он неожиданно появился на Бейкер-стрит.

— Холмс! — вскричал я. — Где вы пропадали?

— Не волнуйтесь, старина. — Он сел к камину. — Я отвлекал Мориарти и вёл с ним свою игру. Он выслеживал меня по всей стране, но, как вы видите, я всё ещё жив. Я расскажу вам о своих приключениях как-нибудь в другой раз. Лестрейд будет здесь с минуты на минуту. Нам необходимо обсудить наши планы на сегодняшнюю ночь.

Казалось, Лестрейд совсем не рад видеть нас снова.

— Итак, ещё один из ваших гениальных планов, мистер Холмс, — язвительно сказал он. — Вы действительно думаете, что мы увидим убийцу сегодня ночью?

— Он будет там сегодня, — ответил Холмс. — Единственный вопрос: готовы ли мы к этому? Я полагаю, вы сделали всё, о чём я вас просил?

— Мы готовы.

— Тогда пошли. Не будем заставлять Джека-Потрошителя ждать.

Стояла холодная ветреная ночь, и я возносил хвалу небесам за то, что догадался надеть тёплое пальто, пока мы ехали в кебе. Мы подъехали к большому полицейскому участку на Коммершиал-стрит. Сотни полисменов ожидали там начала ночной работы. Мы с Холмсом также сели в ожидании.

Через какое-то время я сказал Холмсу:

— Это ожидание невыносимо. Если бы мы смогли что-нибудь сделать.

— Мы сможем, — ответил он.

— Только когда о преступлении сообщат. А до этого мы можем только ждать. Убийца может быть где угодно!

Холмс вынул клочок бумаги и карандаш.

— Мог бы. Но я думаю, что знаю, где он. Взгляните на это. Вот рисунок, что он мне тогда показал:

(X) Ч

М

Э С Н

— Буквы Э, С, Ч и Н означают: Эддоуз, Страйд, Чэпмен и Николл — имена последних четырёх убитых женщин, — объяснил Холмс. — На диаграмме показано место, где умерла каждая из них.

— А (X), я полагаю, это какая-то неизвестная женщина, которую он планирует убить сегодня, — сказал я. — Но как вы узнали, куда поместить (X) на вашей диаграмме?

— Взгляните на неё ещё раз, Уотсон, — с улыбкой сказал Холмс.

Внезапно я понял:

— М! Это же буква М!

— Да, Уотсон! «М» как в слове «убийство»¹⁷, «М» как в имени...

— Мориарти! Холмс, вы хотите сказать...

— Именно! Он пишет своё имя кровью на карте Уайтчэпла.

Так что, как вы видите, я знаю, где он попытается совершить убийство сегодняшней ночью, и куда мне следует отправиться, чтобы встретить его.

— Но не в одиночку, — сказал я. — Я пойду с вами.

Мы вышли из полицейского участка сразу после полуночи.

Первый раз я шёл пешком по узким улочкам восточного Лондона; улочкам, которые я раньше видел только из окна кеба. Люди считают, что убийства происходят на тёмных пустых улицах. Это не всегда соответствует действительности. Самое необычное и ужасное было в том, что Джек-Потрошитель убивал женщин на улицах, которые были даже более людными и лучше освещёнными, чем другие улицы в Лондоне. На каждом углу здесь были пивные и дешёвые отели. Улицы были полны людьми, которые были слишком бедны, чтобы заплатить за ночлег; пьянчугами, бродящими в поисках бара, который открыт всю ночь; и преступниками всех мастей. Наконец, здесь были женщины того сорта, что работают только ночью, когда их более порядочные сёстры уже спят.

Я изучал медицину в Лондоне, и, пока я был студентом, я повидал кое-что из жизни лондонского дна. В конце концов, я был здоровым молодым человеком, а молодые люди должны развлекаться. Но я никогда не видел женщин наподобие этих. Холмс несколько раз останавливался, чтобы задать вопрос или предупредить их, и я хорошо их рассмотрел. В двадцать лет они уже были старухами, грязными, больными, потерявшими всякую надежду. Мне было ясно одно: они не похожи на других женщин. Мне подумалось, имеет ли значение, что Джек-Потрошитель убивает именно таких? Смерть от его ножа быстрая.

Она не может быть хуже медленного и мучительного умирания от болезни, которой обычно заканчивается их короткая жизнь.

Мы вернулись в полицейский участок после часу ночи. Я устал и чувствовал боль в области сердца. Лестрейд говорил, не

17 англ.: a murder

преставая, убеждая нас, что мы не поймаем никаких убийц этой ночью.

Вдруг Холмс вскочил на ноги и вышел на улицу. Я последовал за ним.

— Оставайтесь внутри, Уотсон, — сказал он мне. — Вы устали, дружище, и не сможете мне помочь.

— Я иду с вами, — твёрдо ответил я. — Меня ничто не остановит.

— Ну, тогда пошли. Мы должны спешить. Мориарти близко. Я чувствую это.

Начался дождь. Холмс шёл быстро, и мне приходилось почти бежать, чтобы не отстать от него. Его взгляд без остановки перебегал с одной стороны улицы на другую. Внезапно он остановился как вкопанный, уставившись куда-то в темноту.

— Дважды, Уотсон, — тихо сказал он. — Он убьёт дважды сегодня ночью. В прошлый раз мы его остановили, поэтому сегодня он должен убить двоих.

Мимо нас прошёл человек и свернул на другую улицу. Я не смог разглядеть его лица.

— Бегите в участок и предупредите Лестрейда. Он знает, что делать, — быстро проговорил Холмс. — Я последую за Мориарти. Скорее, старина, скорее!

И он исчез в темноте. Не могу объяснить, почему я не выполнил его указаний. Но факт есть факт — вместо того, чтобы отправиться в полицейский участок, я последовал за Холмсом. Наверное, я боялся, что мой друг не справится с Мориарти в одиночку.

Я добежал до угла. Улица была пустынна, и я ещё мог ясно видеть Мориарти, уверенно идущего вперёд. К моему удивлению, Холмс свернул налево и скрылся в каком-то доме, в то время как Мориарти дошёл до конца улицы и повернул за угол. Я не мог понять, что происходит, и что мне делать дальше. Что, если Холмс, обнаружив, что кто-то идёт за ним, принял меня за одного из людей Мориарти? Несколько долгих минут я мучительно гадал, что мне предпринять, как вдруг хлопнула дверь. Из дома на улицу вышел какой-то человек. Это был Холмс. Теперь он был богато одет, в цилиндре и длинном тёмном пальто. Он переменял свою внешность несколькими точными, хотя, казалось бы, незначительными штрихами, как только он умел делать, но я его узнал.

Я хотел было окликнуть его, но подумал, что ему это не понравится. Поэтому я решил вместо этого тайно последовать

за ним, чтобы быть готовым прийти на помощь, когда она ему понадобится.

Мы шли довольно долго. Дождь усилился, и улицы опустели. Мимо меня прошёл только какой-то толстый коротышка, а за ним девушка. Она выглядела уличной женщиной, но была моложе и симпатичнее, чем большинство её товарок, которых я видел этой ночью. Она казалось немного подвыпившей, так как не могла идти по прямой. Когда она поравнялась с Холмсом, тот остановился и заговорил с ней. Через какое-то время оба они засмеялись. Дальше по улице я видел того низенького толстяка, что обогнал меня несколькими минутами раньше. Теперь он стоял у входа в пивную, рассматривая их. Потом Холмс и девушка пошли вместе, а через несколько секунд коротышка последовал за ними. Тут я действительно испугался за Холмса. Я был уверен, что этот толстяк и эта девушка работают на Мориарти. У них был какой-то план, угрожающий моему другу! Только я мог спасти его!

Холмс с девушкой продолжали свой путь, толстяк шёл за ними, а я преследовал всех троих. Наконец, Холмс и девушка остановились у входа в какой-то двор. Я услышал голос женщины. Я не мог слышать слов Холмса, но, к своему изумлению, ясно видел, как он поцеловал её лицо. Затем они вошли во двор, а толстяк перешёл через улицу и вошёл в дом, стоящий немного дальше. Пошёл ли он предупредить Мориарти, который с минуты на минуту появится, чтобы убить моего друга?

Медленно и осторожно я прокрался во двор. Там было темно, но в окне горел свет. Потом я услышал голос Холмса. Он находился в той комнате!

Как можно тише, я подобрался к окну. Занавески были коротковаты, и я смог заглянуть внутрь. Женщина лежала на кровати, прихлёбывая из бутылки. Холмс сидел спиной к окну, вертя в руках маленькую серебряную табакерку. Казалось, он вне опасности, но кто мог точно сказать, когда объявится Мориарти?

Во дворе было холодно и сыро, но я снова успокоился. Если Мориарти появится, то я буду наготове и спасу моего друга. Я сел, привалившись спиной к стене, и стал ждать.

Как мне ни стыдно рассказывать о том, что было дальше, но я должен.

Я заснул! Я спал около двух часов. Когда я проснулся, замёрзший, скорчившись в неудобной позе, в моей голове колоколом вновь прозвучали слова Холмса: «Сегодняшней ночью он убьёт дважды».

Я подбежал к окну, страшась того, что я мог увидеть. Сперва я не мог понять, что за ужас произошёл там. Возможно ли, чтобы человек как бы взорвался изнутри? Везде, куда падал взгляд, была кровь. Потом я узнал жертву — это была та женщина, которая пила из бутылки и разговаривала с Шерлоком Холмсом. Он всё ещё находился рядом с ней. Но, в отличие от неё, он не был мёртв. Это было гораздо ужаснее, чем, если бы он погиб. Он был жив! В руке у него был нож, и им он наносил разрезы на её лице и теле. В момент, когда я его увидел, он аккуратно срезал мясо с кости ноги, удерживая длинную его полосу другою рукой.

И, увлечённый своей страшной работой, он пел!

Глава 4

Мориарти мертв!

Как врач и солдат, я знаю, что человек, которого тяжело ранило в бою, часто не чувствует боли. Если он выживает, он не помнит ничего из того, что с ним произошло. После той ужасной ночи в Уайтчэпле со мной случилось то же самое. На следующее утро я пришёл в себя в парке. Мои деньги и часы пропали, я замёрз и был весь в грязи. Я смутно помнил, что пил много часов подряд, но не мог припомнить ни место, где я был, ни то, что со мной произошло.

Я не хотел возвращаться на Бейкер-стрит — я боялся, что там будет Холмс. Но мне нужна была горячая ванна и сухая одежда. В конце концов, я заплатил кебмену, чтобы он постучал в дверь. Дом был пуст, и я отважился зайти внутрь.

На столе лежала телеграмма от Холмса: «М. ускользнул от нас, — прочёл я. — Он пытается покинуть страну, но я преследую его».

Я не знал, что и думать. Может, я сошёл с ума? Мог ли мой друг, человек, с которым я работал столько лет, быть убийцей?

Вечером об убийстве в Уайтчэпле молодой женщины по имени Мэри Келли сообщили в газетах. Это убийство было более кровавым и ужасающим, чем произошедшие ранее. Было ясно, что это работа Джека-Потрошителя.

Я всё ещё читал репортаж об убийстве, когда появился Лестрейд.

— Добрый вечер, доктор, — поздоровался он. — Можно перемолвиться словечком с мистером Холмсом?

Я не знал, что ответить. Знает ли уже полиция о том, что он сделал?

Тут Лестрейд заметил телеграмму, взял её со стола и пробежал глазами.

— Устраиваем себе небольшой отдых, а? — язвительно пробормотал он. — Ну, а кому-то надо зарабатывать на жизнь. Хватит с нас мистера Холмса и той помощи, что он оказывает полиции в этом деле.

— Признайте, — сказал я, — Холмс был прав. Убийство случилось именно той ночью, когда он и говорил, оно может случиться.

— О, да! — рассмеялся Лестрейд. — С убийством всё в порядке! У нас сотни полицейских на улицах, а мы так и не смогли предотвратить убийство или, хотя бы, схватить преступника. Полиция была везде, кроме того уголка Уайтчэпла, где умерла эта девушка!

Понизив голос, он продолжил:

— Я никогда не видел ничего подобного. Пройдёт много дней, прежде чем я снова смогу есть мясо. Вам повезло, что вы её не видели, доктор. Мы скрыли самые ужасные подробности от газет, но вам я могу сказать. Девушка была беременна. Он выпотрошил и её, и её ребёнка.

Холодная рука сжала моё сердце: «Сегодняшней ночью он убьёт дважды».

— Что вы сказали?

— Так, ничего. Что вы делаете для его поимки?

— А что мы можем сделать? Никто не слышал криков, никто ничего не видел, — он снова взглянул на телеграмму. — А кто этот М.?

— О, он просто имеет в виду убийцу¹⁸, — поспешно ответил я.

После ухода Лестрейда я долго размышлял о том, есть ли другое объяснение тому, чему я был свидетелем прошлой ночью. Я видел Холмса, разрезающего тело, но я не видел, как он убивал девушку. Да и вообще, возможно ли, чтобы мой дорогой друг был этим кошмарным убийцей? Может, это часть какого-то хитроумного плана, которого мне понять пока не дано?

Несколько дней я считал, что нашёл решение проблемы, но затем пришла телеграмма от Холмса, который на данный момент был в Швейцарии. Она гласила: «М. больше нет. Возвращаюсь в субботу. Холмс».

18 см. комм. к гл. 3

Внезапно я понял, что боюсь встречи с ним, и моя тревога вернулась, сильнее, чем когда либо. Убийца он или нет? Мне нужно было узнать правду, и быстро. Чтобы привести мысли в порядок, я записал всё, что знаю:

«Был ли Шерлок Холмс Уайтчэпльским убийцей?»

Аргументы за:

1. Он был в Уайтчэпле в ночи убийств, в одиночку, в то самое время.

2. Когда его не было в Лондоне, или с ним был я, убийств не происходило.

3. Он легко может изменять внешность.

4. Он изучал медицину. Он мог бы легко расчленить тело в темноте.

5. Он хорошо знает все переулки и дворы Уайтчэпла.

6. Он может легко ускользнуть от полиции, так как знает их планы — в действительности, сам эти планы и составляет.

Аргументы против:

1. Он всю свою жизнь боролся с преступностью.

2. Я знаю своего друга. Я знаю, что он не способен на такие вещи.»

Когда я перечёл написанное, я начал сомневаться хорошо ли я знаю Холмса. Действительно ли он боролся с преступностью? Он брался за расследования, потому что что-то в них его интересовало, а не, потому что он ненавидел преступность. Для него это была просто игра. Он боролся с преступностью для забавы.

Была поздняя ночь. Я ужасно устал, но знал, что необходимо решиться на что-то до возвращения Холмса. Очень хотелось спать, но едва я откидывался на спинку кресла, перед моим мысленным взором снова вставал Холмс, кромсающий ножом эту несчастную девушку. И, наконец, я понял. Всё дело было не в том, ЧТО он сделал, а в том, КАК это делалось! Это выражение холодного удовольствия на его лице, и то, что он при этом напевал... Человек, который был способен на ЭТО — способен на всё!

На следующий день я собрал свои вещи и переехал в отель. Вечером того же дня я попросил Мэри пообедать со мной. Я сказал ей, что не могу спать спокойно, зная, что в Лондоне она живёт уединённо, а Уайтчэпльский убийца продолжает своё страшное дело. Я предложил пожениться несколько скорее, чем мы планировали. Она рассмеялась и заверила меня, что не боится убийцы. Он никогда не убивал женщин вроде неё. Но она с охо-

той выйдет за меня замуж как можно скорее, так как я выгляжу таким несчастным и обеспокоенным.

Тогда я написал Холмсу письмо.

«Сожалею, что не смог поприветствовать вас дома, — писал я, — но этому была причина. Самая лучшая причина в мире! Мэри и я собираемся пожениться. Она очень боится из-за этих ужасных убийств в Уайтчэпле и хочет, чтобы я был рядом.

Приятно было узнать от вас, что профессор Мориарти мёртв. Я, конечно, с нетерпением ожидаю услышать от вас полный отчёт о его гибели.

Мэри и я будем путешествовать какое-то время. Пожалуйста, пишите мне на адрес моего клуба в Лондоне».

Несколько дней спустя мы с Мэри поженились и уехали из Лондона. В маленьком спокойном приморском городке, рядом с Мэри я почувствовал себя достаточно сильным, чтобы мысленно вернуться к ужасной правде о Шерлоке Холмсе и решить, что же мне делать. Я не мог пойти с этой историей в полицию — там решили бы, что я сумасшедший. И я решил, что надо попытаться осторожно выследить Холмса. Только я мог остановить его и предотвратить новые убийства.

Когда я вернулся в Лондон, в клубе меня ожидало письмо от Холмса:

«Мне скучно в Лондоне теперь, когда нет Джека-Потрошителя», — гласило оно. — «Может, за границей преступники смогут предложить мне нечто большее. Некоторое время меня не будет в Лондоне. Пожалуйста, сообщите мне ваш новый адрес».

Прочитав это, я, впервые за несколько недель, почувствовал себя гораздо лучше. Наш с Мэри отпуск закончился, и мы переехали в Лондон, в небольшой домик недалеко от Бейкер-стрит. Я вернулся к своей практике, и мы жили спокойно и счастливо.

За это время от Холмса пришло два замечательных письма. Он довёл дело о Русской тайне до благополучного конца, и прямо из России отправился на Цейлон, где внезапная смерть богатого чайного плантатора обещала превратиться в одно из тех интересных и волнующих расследований, которых ему так не хватало. Холмс, писавший эти письма, напомнил мне того старого Холмса, с которым мы были друзьями.

«Он опасен, когда ему скучно, и он употребляет кокаин, — думал я. — Когда он занят любимым делом, Лондон в безопасности».

Как-то в марте, проходя по Бейкер-стрит, я увидел свет в окне комнаты Холмса и понял, что он вернулся. Я решил зайти, и он приветствовал меня как добрый старый друг, которым он мне когда-то был. Весь вечер мы просидели у камина, он рассказывал мне обо всём, что произошло в России и на Цейлоне. Мне, конечно, больше всего хотелось услышать рассказ о смерти Мориарти, но Холмс об этом и не обмолвился.

В конце концов, я не выдержал.

— Дорогой Холмс, — сказал я, — уже почти полночь, а вы так и не рассказали мне, как умер Мориарти.

Его лицо побледнело, глаза уставились в одну точку. Секунды шли, а он всё сидел, не говоря ни слова и не шевелясь.

Наконец, он произнёс:

— Извините, Уотсон. Я тут задумался кое о чём в связи с моим последним расследованием. О чём вы спрашивали?

— О Мориарти, — повторил я. — Вы не рассказали мне о том, как погиб Мориарти!

— Его больше нет, — ответил Холмс. — И это всё, что вам надо об этом знать.

Я настаивал. Я просил рассказать мне больше. Он неохотно сообщил, что его последняя встреча с Мориарти произошла в Швейцарии, на узкой тропинке у знаменитого водопада.

— Я выиграл наш спор, — холодно поведал Холмс, и это было всё, что он мне сообщил об этом деле.

Холмс и я снова стали друзьями, и вскоре я опять помогал ему в его новых расследованиях. Всё было, как в старые времена. Я только опасался, что часто оставляю жену в одиночестве и уделяю мало времени своим пациентам, но я был счастлив видеть Холмса увлечённым и занятым.

Однажды он отдал мне свою бутылочку с кокаином.

— Возьмите её, доктор, — сказал он. — Она мне больше не нужна!

Я был приятно тронут этой новостью, и лишь одно событие обеспокоило меня в то время. В Уайтчэпле была убита женщина, и люди снова заговорили о Джеке-Потрошителе. Я осторожно проверил, где Холмс был в ночь убийства, и обнаружил, что он провёл весь вечер с двумя известными детективами, приехавшими из-за границы. Я даже в тайне от Холмса поговорил с обоими,

и окончательно уверился, что в ночь убийства Холмса в Уайтчэпле не было.

В 1890 году я решил, что мне следует уделять Холмсу меньше времени. Я хотел сделать карьеру врача, и знал, что недостаточно усердно тружусь для этого. Мы с Мэри переехали в другой дом, подальше от Бейкер-стрит.

Произошли и другие перемены. Повесть АКД «Этюд в багровых тонах», когда-то провалившаяся в нашей стране, получила признание в Америке, и он снова начал писать о расследованиях Холмса. К моему удивлению, Холмс довольно быстро дал ему на это разрешение. Он был зол, когда впервые прочёл «Этюд...», но теперь творчество АКД ему нравилось.

Начался 1891 год, и моя жизнь была спокойной и счастливой. Я с головой ушёл в работу и проводил очень мало времени с Шерлоком Холмсом. Джек-Потрошитель стал тенью прошлого, забытой, как вчерашняя газета; мёртвой, как и его жертвы. Но, как показали события, Джек был жив! Он всего лишь отдыхал, и этот отдых подходил к концу.

Глава 5

Смерть на Рейхенбахском водопаде

В феврале 1891 года в Уайтчэпле была зарезана женщина по имени Флора Уайт. Все решили, что убийцей вновь является Джек-Потрошитель. Я один знал, что это не так. Я был уверен, что «Джек» не виновен в смерти двух последних женщин на улицах Уайтчэпла.

Вскоре после этого Холмс уехал во Францию. Оттуда он прислал мне странное письмо, которое меня очень обеспокоило. Я не понял в нем ни слова, и испугался, как бы он не начал снова употреблять кокаин.

Вот это письмо:

«Если вы помните берлинское «Дело «Одного без трёх», Уотсон, вам всё станет понятно, ибо один знаменитый немецкий профессор, как и Париж, жив. Но я слышал, он недавно просто попусту убил время, тщательно изучая флору в отрогах гор Уайт Маунтенз, где и мои любимые места. Оттуда письма идут медленно, но просматриваются быстро. Хотя, наверное, я не всегда напрямую следую или вовремя поспеваю за теми, идущими с ним как ясным весенним днём, так, чаще всего, и глухой темной зимней ночью. Я знаю, что теперь, когда время пришло, он, как и другие, не свободен. Смысл не ускользнёт!»

Спустя три недели я проводил вечер дома в одиночестве. Моя жена ушла в гости. Внезапно, дверь распахнулась, и вошёл Холмс. Он осмотрелся, подбежал к окну, захлопнул его и запер на задвижку.

— Холмс! — воскликнул я. — Что случилось? Вы ужасно выглядите.

Он казался постаревшим и больным, его качало от усталости.

— Что случилось? — повторил я. — Вы чего-то боитесь?

— Кого-то, — поправил он. — Вы что, не получали моего письма?

— Получал, но я в нём ничего не понял. Что произошло?

Холмс с грустью посмотрел на меня.

— Вы его не поняли... Ваша жена дома?

— Нет, она в гостях. Может, вы переночуете здесь? И я буду уверен, что вы в безопасности...

Он энергично потряс головой.

— Я нигде не буду в безопасности. Не время отдыхать! Если я усну, он выиграл! Я не могу остаться здесь. Иначе я бы принёс зло в ваш дом. Но вы можете мне помочь, Уотсон! Я должен завтра уехать из страны. Поедете со мной?

— А куда вы направляетесь, Холмс?

— Направляюсь? Я никуда не направляюсь. Я пытаюсь убежать от него. Но он снова найдёт меня! Куда бы я ни поехал, он последует за мной!

— Да кто он, Холмс?

— Профессор Мориарти, конечно!

— Но Мориарти мёртв! — вскричал я.

— Мёртв?! — он сорвался на крик. — Да он пытается убить меня! Как он может быть мёртв!

— Но вы сами говорили мне, что он мёртв!

— Я ошибался, — взял себя в руки Холмс. — Он не мёртв. Я сообщал вам это.

— Сообщали мне? Когда? Где?!

— В письме, старина! Берлинское дело — слово через три! Очень простой шифр, Уотсон! Я думал, даже вы... А, это не важно¹⁹. Факты состоят в том, что Мориарти жив и на свободе. Он

19 если читатель, как и Холмс, не желает утруждать себя расшифровкой, приводим скрытый текст письма: «Профессор жив. Он убил Флору Уайт. Мои письма просматриваются. Я слеую за ним днём и ночью. Теперь он не ускользнёт».

сейчас в Лондоне. Он убил женщину всего три недели назад. И будет убивать снова и снова, если я его не остановлю. Это схватка не на жизнь, а на смерть! Поедем со мной! Помогите мне, Уотсон! Скажите, что вы поедете!

Я был потрясён.

— Конечно, я поеду, друг мой! Поеду!

Он улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Через секунду он уже спал. Я немедленно сделал ему инъекцию, которая бы помогла ему выспаться и поддержала бы состояние глубокого сна на какое-то время. Затем, с помощью моей кухарки, я перенёс его в постель и запер дверь спальни. После этого я налил себе выпить и сел, чтобы обдумать, как же мне поступить.

Может быть, я не понял зашифрованного послания Холмса, но я понимал, что происходит с этим человеком: он сошёл с ума — теперь я это точно знал. Всё зло внутри себя он называл «Мориарти». Его схватка с Мориарти происходила только в его голове.

Я понадеялся, что Джек-Потрошитель мёртв. Это было не так, и вот ещё одна женщина мертва. Её кровь была на моих руках! Пришло время, когда я должен был сказать Холмсу, что я знаю о нём всё. Но сначала я должен был быть уверен, что всё понял правильно.

Я вышел на улицу, доехал до Бейкер-стрит в кебе и отпер дверь в квартиру Холмса. Я толком не знал, что я ищу, но приступил к поискам. В комнатах было неубрано, везде валялись старые газеты. Я провёл в поисках около четырёх часов, но не нашёл ничего. В четыре утра я остановился передохнуть и, подойдя к окну, уставился в темноту улицы.

И тут вдруг я понял, что мне делать. Дом напротив, где Холмс однажды якобы видел Мориарти! Я перебежал через улицу и выбил замок на задней двери пустого дома. Почти все комнаты были пусты, кроме одной спальни. Там я нашёл кровать, комод и большую коробку, полная бумаг.

Всё это были материалы о Уайтчэпльских убийствах. Часть была вырезана из газет, часть — написана самим убийцей. Он описывал каждое убийство с нездоровым удовлетворением, наслаждаясь тем, что он делал.

Под бумагами я обнаружил несколько стеклянных колб, какие используют в больницах. В них находились куски женских тел. В последней колбе была самая ужасная находка — куски маленького тельца нерождённого ребёнка.

После увиденного во мне умерли все дружеские чувства, которые я когда-либо испытывал к Шерлоку Холмсу. Теперь у меня были все основания идти прямо к Лестрейду и просить его арестовать Холмса, но я предпочёл этого не делать. Мне не хотелось, чтобы вся Англия узнала, во что превратился когда-то добрый и мудрый Шерлок Холмс. Кое-какие тайны должны быть поглубже сокрыты от этого мира. Только я, я один, должен встать лицом к лицу с ним и его преступлениями.

Я вышел на холодный утренний воздух. Я чувствовал себя странно спокойным и, одновременно, взволнованным.

Холмс всё ещё спал. Я обыскал его одежду на предмет наркотиков или оружия, но нашёл лишь немного денег и его любимую серебряную табакерку. Затем я написал письмо Лестрейду. Я велел кухарке отнести его управляющему моим банком. Я просил его, в случае если я не вернусь, отослать письмо Лестрейду. В нём я описал для полиции всё, что я знал о Шерлоке Холмсе и об убийствах в Уайтчэпле.

Я очень устал, но понимал, что спать ложиться нельзя. Мне придётся всё время следить за Холмсом. И я решил воспользоваться кокаином, что он дал мне. Я добавил в наркотик воды и перелил его во флакончик из-под лекарств. Затем я закатал рукав и сделал себе инъекцию.

Пора было взглянуть на Холмса. Когда я вошёл в комнату, его кровать была пуста. Он стоял за дверью и попытался ударить меня. Но наркотик обострил мою реакцию, и я отскочил в сторону.

— Уотсон! — закричал Холмс. — Дорогой друг! Я принял вас за Мориарти. Один из его людей сейчас в вашем саду. Мы должны отправляться немедленно! Здесь оставаться слишком опасно!

Человек, которого он видел, был Уильям, мой садовник.

— Пойду, уложу вещи, — только и сказал я.

— Нет! Никакого багажа! Он не должен знать, что мы собираемся делать!

— Я только возьму свой медицинский саквояж, — успокоил я его. — Пусть думает, что я иду к пациенту.

— Замечательно! — воскликнул Холмс. — Мне в голову пришла та же самая мысль!

Он не знал, что я заранее упаковал в саквояж кокаин, деньги и пистолет.

Холмс выслал меня вперёд, чтобы я поймал для нас кеб. Мы пронеслись по улицам, на каком-то повороте выскочили из кеба,

пробежали с четверть мили, поймали другой. Всё было как во время той первой гонки. И я не удивился, когда на вокзале Холмс изрёк:

— Мориарти здесь. Он преследует нас. Придётся пересаживаться с поезда на поезд.

Мы выпрыгнули из движущегося поезда, перебежали через какое-то поле, сели в ещё один поезд и, наконец, оказались на ночном пароме, отправляющемся из Нью-Хэвена. В течение пяти дней мы пробирались через Францию и Германию самым диким и сумасшедшим маршрутом. Холмс не желал сказать, куда мы направляемся, а я за эти дни не сводил с него глаз. Может, надо мне надо было бы поговорить с ним, но подходящий момент так и не настал. Холмс казался сильнее, чем когда-либо, я же слабел с каждым днём. Только кокаин помогал мне оставаться на ногах.

Наконец, в один из вечеров в каком-то отеле в Швейцарии я понял, что больше не могу. Я сказал Холмсу, что на следующий день хочу прогуляться в горы к знаменитому Рейхенбахскому водопаду. Я решил рассказать ему, когда мы будем вдвоём в горах, что всё о нём знаю. Кокаин подходил к концу. Суждено мне было выжить или умереть, но всё тут должно было и завершиться.

Но нам не удалось выйти на прогулку к водопаду, пока не минул полдень. Холмс отказался куда-либо выходить до второго завтрака. Я испугался. Кокаина больше не было, и скоро я буду слишком усталым, чтобы продолжать эту игру. Но, в конце концов, мы всё же вышли из отеля и, не спеша, двинулись по горной тропинке. По пути Холмс рассказывал что-то забавное. Он был счастлив, и находил, что горы очень красивы.

Мы прошли совсем немного, как я вдруг обнаружил, что забыл в отеле свои часы. Они принадлежали моему отцу, и я хотел знать, что с ними всё в порядке. Я сказал Холмсу, что мне нужно вернуться в отель за часами и что мы увидимся позже у водопада. Я надеялся, что поступаю правильно, что Холмс не скроется от меня.

Когда я, наконец, добрался до водопада, его нигде не было, и сперва я подумал, что он от меня ускользнул. Но затем я увидел узкую тропинку, которая обрывалась у скалы непосредственно над самим водопадом. Холмс стоял на этой тропинке, наблюдая за потоком, низвергающимся на камни внизу. Ему было некуда бежать. Это был самый удобный момент для исполнения задуманного.

Я двинулся к нему. Внезапно он повернулся, и наши глаза встретились. В его взгляде было ледяное спокойствие. Как я мог надеяться испугать этого человека? Моё сердце подвело меня, и я чуть не упал. Он сделал шаг по направлению ко мне, но я выхватил свой пистолет.

— Назад! — крикнул я ему. — Ещё шаг и я буду стрелять!

Он улыбнулся:

— Хорошо, хорошо, доктор. Я понимаю.

Мои руки тряслись, и я с трудом удерживал оружие.

— Всё кончено, Холмс! — пытаюсь оставаться спокойным, произнёс я. — Я был в пустом доме. Я всё знаю.

Он рассмеялся:

— Дорогой друг! Никто не знает ВСЕГО!

Мне начало казаться, что от воды доносятся чьи-то голоса, и теперь я видел двух Холмсов: один стоял на тропинке, другой — прямо в воздухе над водопадом.

— Я нашёл колбы, Холмс, и бумаги. Я знаю — вы убили их.

— Я убил их? Кого? Колбы?! Или бумаги?

Всё начало терять реальные очертания. Говорить было всё труднее и труднее. Холмс, улыбаясь, наблюдал за мной.

— Я знаю, что это сделали вы! — прокричал я. — Я видел, как вы разрезали на кусочки несчастную Мэри Келли. Вы убили их! Скажите, что это сделали вы!

— Что вы хотите, чтобы я сказал?

— Скажите, это вы убили их!

— Хорошо. Это вы убили их.

— Я собираюсь застрелить вас, Холмс! — мой голос срывался. — Перед тем, как вы умрёте, скажите, что понимаете, ЧТО именно вы сделали!

— Вы сошли с ума, доктор, — спокойно произнёс он. — И городите чушь. Ну, давайте! Стреляйте в меня!

И я выстрелил. Раз, и ещё, и ещё раз, но он спокойно стоял на месте.

Без сил я рухнул на землю. Я не мог двинуться. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я смог спросить:

— Почему? Почему вы ещё живы?

Я лежал, уставившись на него, а он стоял надо мной, спокойно доставая очередную щепотку табаку из своей табакерки.

— Я вынул патроны из револьвера и заменил их холостыми, — доверительно сообщил он мне. — Скажи мне, Морiarти, когда ты убил Уотсона? Ты очень умён. Ты выглядишь почти

как он, но я-то знаю, кто есть кто. Когда я заметил, что ты делаешь себе инъекции кокаина трижды в день, я понял наверняка, что ты — не мой дорогой друг. Доктор Уотсон никогда, никогда бы не стал принимать наркотики. Твой кокаин закончился, не так ли? Бедный Мориарти! Ты так и не понял, что в моей табакерке тоже кокаин, а не табак?

Мне было плохо, я чувствовал ужасную слабость. У меня на глазах Холмс вдруг начал менять цвет. Сначала он стал красным, потом зелёным, потом — синим. Я потряс головой, надеясь, что в ней прояснится, а он всё говорил и говорил:

— А твоё письмо, в котором ты пытаешься уверить Лестрейда, что Уайтчэпльский убийца — это я? Какая чушь! Как бы посмеялись в Скотланд-Ярде! Но письмо здесь у меня. Я заметил его в руке кухарки, когда она подзывала кеб, и забрал. Ты проиграл, Мориарти! Я наслаждался, заставляя тебя носиться по Европе вместе со мной, но теперь ты должен умереть.

Он достал длинный нож.

— Холмс! — закричал я. — Я Уотсон! Ваш друг Уотсон! Я пытался спасти вас, и от полиции, и от вас самого!

Он поднял нож и сделал шаг в мою сторону.

— Если вы убьёте меня, — воскликнул я. — Мориарти победит! Этого он и добивается! Убейте своего единственного друга, и Мориарти выиграл!

Потом я, окончательно обессилив, закрыл глаза и стал ждать прихода боли и темноты.

Ничего не происходило. Я вновь открыл глаза и увидел Холмса. Он смотрел на меня. Потом уронил нож. В его взгляде была такая печаль, какую я никогда не видел. Казалось, он смотрит одновременно в былое и в грядущее и с тоскою видит там только невыразимую боль и грусть.

— Не пугайтесь, дорогой друг, — произнёс он очень тихо. — Он вам ничего не сделает. Я ему не позволю!

Он ещё какое-то время стоял на краю тропинки, обрывающейся в бездну. Потом сделал шаг назад.

И я видел, как его тело ударилось о камни далеко внизу.

Эпилог

Я очнулся через два дня в уютной постели в той небольшой гостинице, в которой мы остановились. Кто-то из туристов наткнулся на меня, лежащего на краю обрыва, высоко над Рейхенбахским водопадом.

Через неделю я вернулся в Лондон. Первым делом я немедленно отправился в пустой дом, сжёг все бумаги и уничтожил страшные колбы. Я хотел быть уверен, что никто никогда не узнает, какое зло совершил Холмс. Я хотел, чтобы после смерти моего друга о нём оставалась только добрая память.

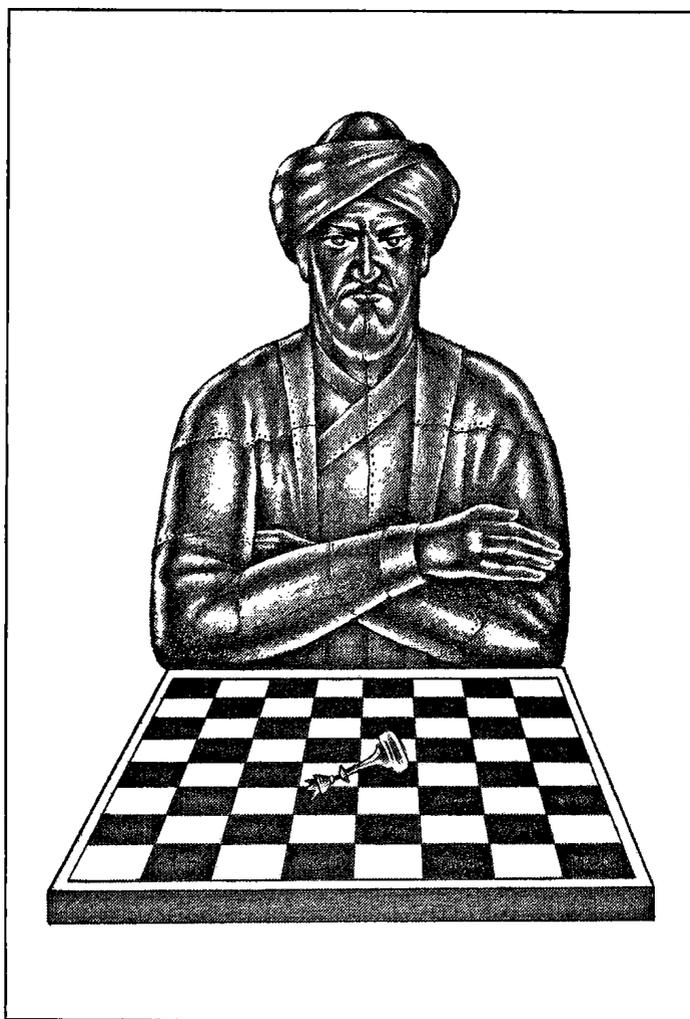
Мне повезло. АКД, а потом и другие авторы продолжали писать рассказы о Холмсе. Все они незамедлительно по выходе пользовались огромной популярностью. АКД стал знаменитым писателем, и люди, никогда не встречавшие Холмса в реальной жизни, знали, что Шерлок Холмс — это литературный персонаж, знаменитый детектив из книжек. С течением лет мир вообще стал забывать, что Холмс когда-либо существовал.

После смерти Холмса моя жизнь долгое время была очень тяжёлой. Прошло два года, прежде чем я смог жить без кокаина. Я не мог работать, и у нас с женой практически не было средств к существованию. Потом всё постепенно наладилось.

Моя история подходит к концу. С того времени, как Холмса не стало, я живу тихо. Но иногда, когда я вечерами сижу у камина, я мысленно возвращаюсь в тот день к Рейхенбахскому водопаду. Я вновь слышу последние слова Холмса, доброту и участие в его голосе, и снова вижу проблеск понимания в глазах этого великого человека в те последние минуты, когда он вновь казался самым благородным и самым мудрым из всех известных мне людей.

ФРЕДСАБЕРХАГЕН

ОБМЕН РОЛЯМИ

Фред Саберхаген *Обмен ролями*²⁰

— Всего двадцать девять? — грозно спросил командующий Армией обороны. Пристёгнутый ремнями к командирскому креслу, он смотрел на информационный дисплей ничего не видящими глазами. За иллюминатором плыла Земля, окутанная защитными силовыми полями. Флагманский корабль жался к ней так же сиротливо, как первые управляемые спутники много тысяч лет тому назад.

— Да, всего двадцать девять, — бесстрастно подтвердил голос, прорвавшийся сквозь помехи. Минувшая баталия оставила после себя в околоземном пространстве настолько сильный радиационный фон, что сигналы совершеннейших приборов связи «поджаривались» на лету. Искажённый голос продолжил: — Но сначала их, несомненно, было тридцать.

— Куда же подевался ещё один?

Ответа не последовало.

Все силы обороны Земли были приведены в состояние повышенной боеготовности, хотя нападение не представляло серьёзной опасности и, судя по всему, было уже отражено. Недобитые берсерки оставались смертельными врагами всего живого, величайшей угрозой человечеству, с какой ему когда-либо приходилось сталкиваться.

За иллюминатором появилась Луна. Благодаря быстрому перемещению флагманского корабля по орбите, её движение легко улавливалось простым глазом. Но глаз замечал сейчас не только Луну: гораздо ближе к кораблю расплылось пятно, заслонившее часть земного диска. Траектория движения пятна была такова, что вскоре оно грозило приблизиться к кораблю командующего на расстояние в несколько сотен километров. Это была Силовая Станция Номер Один, приручённая чёрная дыра. В мирные времена миллиарды жителей планеты получали от неё половину необходимой им энергии. Обычно она выглядела всего лишь как слабая помеха зрению, искажавшая картину звёздного неба. Датчики массы, стоявшие на корабле, давно уловили чёрную дыру, и мощные двигатели, повинувшись автопилоту, заработали с ускорением, чтобы уступить место опасному объекту.

²⁰ Перевёл с английского Аркадий Кабалкин, журнал «Если», 1998, № 10.

Спустя продолжительное время, командующий снова услышал в наушниках голос:

— Мы прощупываем пространство в поисках пропавшего берсерка-андроида.

— Давно пора!

— Согласно компьютерному анализу обломков, оставшихся от вражеского корабля, на нём было установлено тридцать контейнеров для андроидов. Предполагается, что ни один контейнер не оставался пустым.

— Существует ли вероятность прорыва недостающей единицы через ваши боевые порядки к поверхности планеты? — спросил командующий. В его грозном голосе сквозил страх.

— Не существует, сэр. — Последовала непродолжительная пауза. — По крайней мере, известно, что она не достигала поверхности в наше время.

— В наше время? В каком смысле?

Чёрная дыра проплыла мимо. Люди преувеличивали, называя её «приручённой». Так было проще усыпить, собственный страх. Правильнее было назвать её обузданной. Перевод этого загадочного монстра на удобную орбиту стоил немалых усилий.

Что, если берсерк-андроид под номером тридцать случайно угодил в ходе сражения на Станцию № 1? Учитывая координаты боя, такое предположение нельзя было исключить. Ему ничего не стоило проникнуть в чёрную дыру. Последние гипотезы говорили о том, что при этом он мог сохранить боеспособность, чтобы впоследствии снова появиться во Вселенной целым и невредимым, например, в результате атомного взрыва.

Командующий прокаркал команду. Компьютеры Совета обороны Земли — союза, вызывавшего всеобщий трепет, — медленно занялись сформулированной им задачей. Какой вред способен причинить Земле одиночный берсерк-андроид? Скорее всего, не очень ощутимый. Однако для командующего и его подчинённых оборона была священной миссией. Храму под названием «безопасность Земли» грозило осквернение.

Компьютерам потребовалось одиннадцать минут, чтобы ответить на заданный командующим вопрос.

— Андроид под номером тридцать действительно проник в чёрную дыру, сэр. Ни мы, ни противник не могли этого предвидеть, но...

— Какова вероятность, что он выйдет наружу в неповреждённом состоянии?

— С учётом угла, под которым произошло проникновение, вероятность равняется примерно шестидесяти девяти процентам.

— Так много?

— Имеется также вероятность в сорок девять процентов, что он достигнет поверхности Земли в полной боеготовности, только попадёт в прошлое. Однако компьютеры дают и обнадеживающий прогноз. Ввиду того, что вражеский аппарат запрограммирован для нападения на современное общество, сомнительно, чтобы он сумел причинить большой вред тогда и там, где он...

— Вы демонстрируете воистину межгалактическое слабоеумие! Я сам сообщу вам и вашим компьютерам, когда появится хотя бы малейшая надежда облегчённо перевести дух. А пока продолжайте снабжать меня результатами ваших расчётов.

Прошло двадцать минут, прежде чем Земля снова вышла на связь.

— Вероятность в девяносто два процента, что приземление андроида, если оно имело место, произошло в радиусе не более ста километров от точки с координатами пятьдесят один градус одиннадцать минут северной широты, ноль градусов семь минут западной долготы.

— Время?

— Вероятность девяносто восемь процентов: первое января тысяча восемьсот восьмидесятого года, плюс-минус десять стандартных лет.

Командующий наблюдал на дисплее Землю, как мишень, расчерченную зелёными полосами.

— Рекомендуемые действия?

У Совета обороны ушло полтора часа, чтобы подготовить ответ.

Первые два добровольца погибли при попытке запуска, прежде чем был разработан приемлемый метод. Третий был вызван перед запуском на беседу с глазу на глаз с командующим.

Командующий осмотрел добровольца с головы до ног и одобрил его диковинную одежду, странную причёску, весь вид. Не спрашивая, готов ли доброволец к выполнению задания, командующий сказал ему:

— Согласно расчётам, независимо от успеха вашей работы в прошлом, у вас не будет возможности возвратиться в наше время.

— Так точно, сэр. — Тренировка повлияла даже на его речь, и теперь ему было трудно изъясняться на родном языке. — Я так и предполагал.

— Тем лучше. — Командующий откашлялся и заглянул в таблицы. — Мы по-прежнему не имеем исчерпывающих сведений о вооружении противника. Видимо, это тонкие инструменты, предназначенные для шпионажа или диверсионной деятельности на современной Земле; помимо этого, вы должны быть готовы к противостоянию исключительно сильному. Не забывайте также о мыслительных лучах: они вредоносны для любого человеческого сообщества. Опасность представляют и точечные заряды, предназначенные для вывода из строя наших оборонительных компьютеров посредством организации информационного хаоса. Существует и опасность применения биологического оружия, но на этот случай у вас имеется дезинфицирующий набор. Наконец, будьте готовы к любым неожиданностям.

— Слушаюсь, сэр. — Агент-доброволец был полон рвения. Командующий заключил его в традиционные прощальные объятия.

Он утёр с лица капли лондонского дождя и вынул из кармана тяжёлое устройство, с виду напоминавшее часы, словно с безобидным намерением узнать время. Он стоял на тротуаре перед театром, как будто поджидал приятеля. Прибор у него на ладони не только тикал, словно обычные часы, но и бесшумно вибрировал. Это означало, что вражеская машина находится где-то рядом, не дальше пятидесяти метров от посланца из будущего.

Рядом висел плакат, сообщавший:

УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ ШАХМАТНАЯ МАШИНА ЧУДО ВЕКА! НОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ

— Истинная проблема, сэр, — вещал неподалёку мужчина в цилиндре, обращаясь к своему спутнику, — не в том, возможно ли собрать машину, способную к игре в шахматы, а в том, сможет ли она вообще играть!

«Проблема вовсе не в этом, сэр, — мысленно возразил агент. — Считайте себя счастливым, раз вы всё ещё этого не понимаете».

Он купил билет и вошёл. В вестибюле были выставлены разнообразные часовые механизмы, некоторые настолько хитро-

умные, что при иных обстоятельствах человек из будущего мог бы проявить к ним интерес. Когда собралось достаточно посетителей, мужчина во фраке прочитал короткую лекцию. В лекторе было что-то страшноватое, даже хищное, при всей его пригласительности и заученных остротах.

Наконец взорам предстала сама шахматная машина — огромный ящик с сидящей рядом фигурой. Выкатив машину на сцену, служащие расступились. Манекен был облачён в турецкие одежды и слегка покачивался в кресле. Теперь агент чувствовал тревожную вибрацию своего прибора, даже не опуская руку в карман.

Хищный лектор пролаял очередную шутку, промокнул лоб платком и спросил, кто из присутствующих желает сразиться с машиной. Из нескольких человек, поднявших руки, — среди них был и агент, — он выбрал одного. Избранник вышел на сцену и подошёл к доске, на которой уже были расставлены чёрные и белые фигуры. Служащие распахнули дверцы ящика, продемонстрировав, что внутри заключён только механизм.

Агент обратил внимание, что на ящике нет свечей. Это отличало его от шахматной машины Мелзеля, появившейся несколькими десятилетиями раньше. Машина Мелзеля была, разумеется, чистейшим надувательством: свечи были нужны для того, чтобы никто не обратил внимания на запах горящего воска от свечи шахматиста, спрятавшегося в ящике, среди железок, выдаваемых за механизм. Агент знал, что находится во времени, когда электричество ещё не вошло в обиход — во всяком случае, до такой степени, чтобы человек, скрывавшийся в ящике, мог воспользоваться электрическим фонариком. К тому же противнику было позволено сесть гораздо ближе, чем разрешал Мелзель, а это также наводило на мысль, что ни в ящике, ни в манекене никто не прячется.

И всё же...

Агент мог бы прямо сейчас вскочить и произвести прицельный выстрел. Однако он не знал, как вооружён противник. Что произойдёт в случае промаха? Андроид уже научился выживать в Лондоне XIX века, нашёл для себя нишу. Не вызывало сомнений, что он уже сеял вокруг себя смерть. Строка афиши «Новое управление» приобретала зловещий смысл. Устранив агента, андроид станет хладнокровно выжидать, выбирая момент для причинения викторианскому обществу непоправимого вреда.

Нет, обнаружив противника, надлежало сначала разработать надёжный план его обезвреживания и только потом действовать.

Представление закончилось. Погрузившись в свои мысли, агент покинул театр и побрёл пешком в пансион на Бейкер-стрит, где только что снял комнату. При его соприкосновении с чёрной дырой произошёл небольшой сбой, приведший к утрате части снаряжения, а также почти всех поддельных денег. Профессия, которой он заблаговременно обучился, ещё не успела принести ему заработка, поэтому он находился в стеснённых финансовых условиях.

Главное — план! Скажем, установить связь с человеком, демонстрирующим публике шахматную машину. Познакомиться с ним, прикинувшись...

Прибор в кармане застучал. Раньше псевдочасы не подавали таких сигналов. Стук означал, что противник засёк его детектор, настроился на него и выслеживает.

К каплям дождя на лице добавился пот. Агент побежал. Скорее всего, берсерк обнаружил его ещё в театре, но сперва не смог вычленил из толпы. Огибая кэбы, кареты и omnibusy, агент свернул с Оксфорд-стрит на Бейкер-стрит, где перешёл с бега на быстрый шаг. Ему оставалось преодолеть совсем небольшое расстояние. Выбросить предательский прибор он не мог, так как без него не сумел бы обнаружить врага, но и пользоваться им теперь было опасно...

Ворвавшись в гостиную, агент застал там соседа, расставившего по полкам свежие книги. Сосед приветствовал его кривоватой улыбкой. Агент привалился спиной к двери и облегчённо перевёл дух.

— Представляете, — обратился он к соседу, — у меня появилось сразу два срочных дела, которые пришлось бы выполнять одновременно! Нельзя ли поручить одно из них вам?

То срочное дело, которое агент оставил себе, привело его на противоположную сторону улицы, где он и остановился как вкопанный, стараясь не дышать. Спустя три минуты, со стороны Оксфорд-стрит появилась рослая фигура, которую агент немедленно опознал как нечеловеческую. Нижняя часть его лица была замотана белым шарфом, шляпа надвинута на глаза. Задержавшись перед домом 221-В, существо посмотрело на часы и позволило в колокольчик. Будь у агента уверенность, что это и есть его недруг, он выстрелил бы ему в спину. Увы, лишившись при-

бора-часов, он был вынужден полагаться на зрение, а для этого расстояние, разделявшее их, оказалось слишком велико.

После короткого разговора с хозяйкой существо проникло в подъезд. Агент выждал ещё две минуты, потом набрал в лёгкие побольше воздуха, сконцентрировался и тоже вошёл.

Существо, стоявшее в одиночестве у окна гостиной, обернулось. Теперь агент был абсолютно уверен, с кем имеет дело: хватило выражения глаз, глядевших на него поверх повязки на лице.

Из-за шарфа голос существа звучал приглушённо.

— Вы и есть доктор?

— Видимо, вы пациент моего соседа. — Агент как бы невзначай покосился на стол, где оставил часы; тут же были разложены бумаги с фамилией соседа. — В данный момент он, как видите, отсутствует, но с минуты на минуту возвратится.

Существо ответило фальшивым голосом:

— Мне посоветовали с ним связаться. Судя по всему, нам с доктором есть о чём вместе вспомнить. Хозяйка великодушно разрешила дожидаться его здесь. Я не помешаю?

— Ни в коем случае! Присядьте, мистер?..

Агент так и не узнал, каким именем называл себя берсерк. Прозвеневший внизу звонок прервал их разговор. Служанка окликнула звонившего, потом на лестнице раздались шаги. Убийца выхватил из кармана какой-то предмет и сделал шаг в сторону, чтобы агент не заслонял ему дверь.

Агент сделал вид, что тоже ждёт появления соседа, и незаметно достал курительную трубку из корня вереска, предназначенную, впрочем, для иных целей. После этого он поразил берсерка выстрелом из-под мышки.

Для человека он был необыкновенно стремителен, тогда как андроид действовал недостаточно быстро. Оружие обоих сработало почти одновременно.

Противник был уничтожен мощным, но ограниченным в пространстве и во времени взрывом. Причём звук взрыва почти не улавливался.

Агент получил ранение. Он покачнулся и успел подумать, что берсерк применил свой зловеющий мыслительный луч. После этого его сознание затуманилось. Он смутно ощущал, что стоит на одном колене, а достигший гостиной сосед недоумённо застыл в дверях.

Потом к агенту вернулась способность двигаться, и он первым делом убрал в карман трубку. Поверженный противник почти полностью испарился: в него было встроено приспособление для самоуничтожения в случае сильного повреждения, чтобы человечество не смогло узнать тайны берсерков. От него осталось всего лишь тяжёлое облачко; несколько секунд — и оно выплыло в приоткрытое окно, чтобы смешаться с туманом.

Человек в дверях упёрся ладонью в стену, чтобы не упасть.

— У ювелира не оказалось ваших часов, — пробормотал он через силу.

«Я выиграл!» — промелькнуло в голове у агента. Мысль была безрадостной: с ней пришло осознание цены выигрыша. Не меньше двух третей его интеллекта погибли, совершеннейшей организации нервной системы и мыслительной деятельности наступил конец... Нет, не совсем конец! Вражеский луч всего лишь преобразил его мозг в сторону упрощения. Но зато взгляд его соседа приобрёл необыкновенную пронизательность.

— Не сомневаюсь, что, отправив меня за часами, вы схитрили. — Голос соседа зазвучал резче и увереннее, чем раньше. — К тому же я вижу, что ящики вашего письменного стола взломаны. Не иначе, ваш стол приняли за мой. А вы, сэр, совсем не тот, за кого себя выдаёте. — Тон опять смягчился. — Ладно, дружище, я не желаю вам зла. Ваш секрет, если он не таит дурных намерений, будет сохранён.

Агент встал и взъерошил свои светлые волосы, соображая, что к чему.

— Откуда... откуда вы знаете?

— Элементарно, дорогой доктор! — с улыбкой ответил его высокий сосед.

Павел Михайлович Ершов

Рождество Шерлока Холмса
Святочный детектив

Вильгельмина. Каждый раз, когда я слышу это мягкое и вместе с тем мужественное имя, передо мной проносятся отрывки истории, самой необычной во всей моей картотеке. Сам Холмс когда-то назвал его единственным, делом, в котором он ни разу... Впрочем, обо всём по порядку.

I

Рождество 18... года мы с Холмсом должны были встречать в Трансильвании. Граф Влад Ц., знакомый моего приятеля по «Истории с Миной Харкер», любезно пригласил нас провести праздники в своём родовом замке на границе с Молдавией. Упомянутой истории я, как ни бился, припомнить не мог, и какое-то предчувствие касательно графа с самого начала беспокоило меня. Тем не менее, предвкушение дальней поездки в компании с лучшим другом грело мне душу. Запасшись тёплыми вещами и

ружьями — граф обещал «дивную» охоту на волков — мы битый час в буквальном смысле сидели на чемоданах, однако некстати разыгравшаяся погода грозила нарушить наши планы.

— Вот же валит!

Холмс, в сером шерстяном костюме и охотничьих сапогах с выделкой из оленьей кожи, нетерпеливо переминался возле края платформы вокзала Черинг Кросс, поглядывая на мутное небо. Снег, не переставая, шёл третий день, грозя похоронить город под своим серым саваном. Я бы рад назвать его белым, но вы слишком хорошо знаете, что представляет собой наш Лондонский снег. Густо набитый сажей фабричных труб и вымазанный каминной копотью он скорее напоминал серу, какая выпала однажды на долю Содома и Гоморры. Колёса кэбов вязли в этой студенистой каше, лошади скользили и жалобно ржали, закидывая себя и седоков ошмётками грязи. Стоит ли говорить, что общение с Саутгемптоном при таком положении вещей оказалось прерванным.

— Как вам это нравится, Джонни? — проговорил мой друг, похлопывая стеком по голенищу сапога.

— Если сегодня не перестанет, будем справлять Рождество дома, — стараясь предать мужества голосу, выговорил я.

— Вот именно, Ватсон! Останемся куковать тут, как Гефсиманские петушки. Станем кушать морковный пирог миссис Хадсон, выслушивать пение этих несносных детей на пороге и лазать друг к другу в носки в поисках пошлых презе... подарков.

— Вы правы, мон Шер. Увы.

— Я же просил не называть меня так! Всё равно какой-то вислосый тигр из ваших индийских джунглей!

Только благодаря своей спортивной форме я смог увернуться от отброшенного стека. Мой друг и без того отчаянно скучал в отсутствии серьёзного дела, но каникулы повергали его в самую настоящую депрессию. Я, как мог, старался отвлечь Холмса от праздных измышлений, съедавших его быстрее паров опия.

— В Рождестве есть что-то волшебное. Как говорит миссис Хадсон, Рождество — домашний праздник...

— Вы, в самом деле, так считаете? Я вас умоляю, лучше бы кого-то убили.

Я был поражён мизантропией моего приятеля, которую могла объяснить только досада от задержки поезда. Я уже решил идти жаловаться на расписание в администрацию вокзала, но в этот момент какой-то неотёсанный детина, сидевший спиной к

нам, неловко выпрямился и стукнулся затылком в плечо моего приятеля.

— Нельзя ли поаккуратнее, милейший?! — вскочил я со своего места. Я был вне себя от возмущения, ибо молодчик даже не удосужился убрать свою голову с плеча Холмса. — Что за шутки?! Вы, похоже, не умеете вести себя в обществе. Впрочем, что взять с американца.

Видя, что заморский гость — это я безошибочно определил по ковбойской, опущенной на самые глаза шляпе — не собираюсь извиниться, я обошёл скамью с обратной стороны в полной готовности преподать молодчику урок хороших манер. Сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что вёл себя не вполне подобающе, но в тот момент я был довольно утомлён ожиданием.

— Бог мой, Холмс. Да он мертвецки пьян!

Голова невежи была запрокинута на спинку, так что шляпа удерживалась на своём месте только благодаря тесёмке на шее. Глаза его были закрыты.

— Боюсь, что вы слишком точны, Ватсон. Перед нами мертвец.

Мой приятель успел оглядеть своего обидчика и прощупать ему пульс. Мне не оставалось ничего другого, кроме как согласиться с вердиктом Холмса.

— Похоже, Ватсон, бог услышал наши молитвы.

Мне сложно удержаться от штампа, согласно которому расследование преступления сравнивают с шахматным поединком. Действительно, иное дело весьма напоминает череду ходов двух гроссмейстеров. Обычно считается, что агрессия — прерогатива преступника: он начинает, сыщик принимает вызов. Глядя на моего друга, я порой не могу отделаться от мысли, кто же является истинным агрессором.

— Пожалуйста, разойдитесь. Я врач, мой друг — представитель полиции.

Не без труда мне удалось расчистить перрон от успевших скопиться зевак с помощью подоспевшего постового, которого я отправил за полицией.

— Присоединяйтесь ко мне, Ватсон. У меня есть для вас кое-что интересное, вот тут на снегу.

Вслед за Холмсом я вынужден был опуститься на землю, не преминув, впрочем, подложить под колени газету.

— Что это, Турция?

Как раз напротив ковбоя по снегу была выведена надпись: Turkey.

— Да, похоже, это последнее, о чём пожелал сообщить этому свету наш чужак.

— Боюсь, что к приезду полиции это сообщение полностью исчезнет.

Надпись располагалась у края платформы, где её не защищала крыша, и уже наполовину была заспана снегом.

— Может статься, это и было последней волей несчастного? — Холмс заговорщицки подмигнул, от чего по спине у меня пробежал холодок. — А вот и полиция.

На платформе показалась коренастая фигура инспектора в сопровождении пары дюжих констеблей.

— А, Лестрейд, старина! Вы разве не за праздничным столом?

Холмс поднялся и двинулся навстречу инспектору. Мне показалось, что он раздосадован столь скорым прибытием блюстителей порядка.

— Очень смешно, мистер Холмс. Именно из-за стола. Здравствуйте, мистер Ватсон. С наступающим.

— Прошу вас, инспектор, меня пугает слово «наступающий». Я начинаю чувствовать себя в окопе. Давайте назовём Рождество предстоящим.

— Как будет угодно, — наш старый знакомый из Скотланд-Ярда с плохо скрываемой досадой пожал руку мне и Холмсу. — Лучше поведайте, как вам удаётся даже в канун Рождества оказаться в обществе мертвеца?

— Надеюсь, вы не имеете в виду Ватсона?

Признаться, юмор моего товарища показался мне несколько неуместным. Однако полицию, в самом деле, следовало ввести в курс дела, так что времени на сантименты не оставалось.

— Пройдёмте сюда, инспектор. Я покажу вам тело.

— Благодарю вас, мистер Ватсон... Ого, янки!

— Да, сэр. Похоже, сердечный приступ.

— Хм. Вы когда-нибудь слышали, чтобы сердечный приступ случился у американца? Впрочем, вскрытие покажет. Грегсон, мой мальчик, сфотографируйте это. А я пока спрошу наших любезных осведомителей, как всё случилось.

Холмс, по-видимому, был погружён в размышления и молча глядел на то место, где совсем недавно была надпись. Его молчание означало только одно: инициативу следовало взять мне.

— Всё произошло не более четверти часа назад. Мы с Холмсом сидели здесь, на этой стороне скамейки. Наш поезд, как вы знаете, задерживается...

— Знаю, Ватсон, знаю. Сообщение с Саутгемптоном не восстановлено.

— Так вот, мы сидели на этой скамейке в ожидании последней сводки. А этот... американец сидел позади нас.

— И долго ли, мистер Ватсон?

— Знаете, сейчас я припоминаю, что совсем недолго. По моему, он прошёл мимо лишь несколькими минутами до того, как...

— Совершенно верно, Ватсон. — Холмс неожиданно присоединился к моему рассказу. — Я тоже припоминаю, что обратил внимание на его шляпу. Это, в самом деле, было за пару минут до того, как он стукнул меня в плечо.

— Так этот янки ударил вас?

— Обижаете, инспектор. Он откинулся назад и стукнулся затылком о моё плечо. Сейчас мы знаем, что это был, с позволения сказать, его последний поклон.

На этот раз каламбур Холмса, хоть и с оттенком чёрного юмора, показался мне удачным.

— Очень любопытно, мистер Холмс. Вы видели ещё что-нибудь подозрительное, что могло бы помочь следствию?

— Боюсь, ровно то же, что и вы, инспектор, — поспешно ответил Холмс, исподволь делая мне многозначительный жест. — Как и вы, я вижу, что этот человек одет как американец, от него разит алкоголем и он мёртв. Мой коллега утверждает, что налицо все признаки сердечного приступа. Я вижу лишь то, что он испустил дух на лавке железнодорожной станции, напоследок успев боднуть меня. Что называется «вино в голову ударило».

— Хорошо, мистер Холмс, мы займёмся этим. Вы можете отправляться на Бейкер стрит. Поезда на этом направлении не будут пущены как минимум до завтра.

— Что же, дом так дом. С Рождеством, инспектор!

— С Рождеством, мистер Холмс. С Рождеством мистер Ватсон!

* * *

— Что скажете, дружище. Неплохая замена романтическому путешествию? — Холмс похлопал меня по плечу, когда мы уселись в кэб и с трудом двинулись к дому.

Признаться, я бы предпочёл путешествие и дюжине самых зверских убийств, но не желая стать объектом язвительных насмешек, перевёл разговор в другое русло.

— Но что вы думаете касательно всего этого. Что могло стрястись с тем американцем? Всё это так странно.

— Вы тоже заметили странность? Он ведь был пьян...

— Пьяный янки? И в чём вы находите странность?

— Хотя бы в том, мой дорогой друг, что пахло от него совсем не виски. Пожалуй, это было вино... — мой друг повёл ноздрями и на мгновение зажмурился. — Да, несомненно. Могу вас уверить, это было шампанское.

— Но это как раз неудивительно. Насколько я знаю, пить вино на Рождество в обычаях американцев.

— Совершенно верно. Я хотел указать вам на иную странность: несмотря на своё состояние, этот парень был сух как лист, если Вы понимаете.

— Вы имеете в виду костюм? Да, сейчас я припоминаю, что шляпа и куртка его были сухи.

— На них не было ни снежинки! — Холмс многозначительно стряхнул снег со своего кепи. — Вот где странность! Впрочем, я полагаю, эти две странности неким образом связаны между собой.

Остаток пути Шерлок провёл в раздумьях, удивлённо разглядывая серое крошево, чавкающее под колёсами повозок. Мне же оставалось только скорбеть о несостоявшейся поездке и готовиться к тому, что мой друг будет молчалив и задумчив всё Рождество. На моей памяти это был первый случай, когда расписание Черинг Кросс было нарушено хотя бы на минуту. Какая же злая ирония заключалась в том, что это был первый раз, когда мы дожидались рейса не в связи с каким-то делом, а отправляясь на отдых!

II

Наутро я встал пораньше, собираясь встретить Холмса рождественским завтраком, однако, спустившись в гостиную, застал его со скрипкой в руках и полным раздумий.

— А, Ватсон, вы уже проснулись! Присоединяйтесь ко мне. О завтраке не беспокойтесь, я уже просил миссис Хадсон...

— Зачем же беспокоить почтенную даму, Холмс?! Я и сам могу приготовить чудесный завтрак для двоих.

— Не стоит, мой друг. Лучше помогите мне справиться с одной задачкой... Что бы могла означать эта надпись?

Он указал на журнальный столик, на котором к моему ужасу была выложена надпись из табачного пепла.

— Я думал, тут всё ясно: Turkey, Турция. Возможно, этот парень держал путь в Стамбул. Весьма вероятно, что он мог оказаться пассажиром того же Восточного экспресса, что и мы.

Я с горечью посмотрел на не распакованные с вечера чемоданы.

— Возможно, мой друг, весьма возможно. Но зачем лишний раз заострять на этом наше внимание? Ведь он должен был передать важную информацию, а его маршрут мы и так знаем по билету.

— У него был билет?

— Конечно, вот он.

Холмс протянул мне железнодорожный билет да Саутгемптона и проспект Восточного экспресса.

— Вот видите, Экспресс! Но откуда они у вас?

— Разумеется, от Лестрейда. Он прислал мне их сегодня вместе с результатами вскрытия.

Ответ Холмса озадачил меня: есть ли кто-то в этом городе, кто не встал раньше меня?

— И что показало вскрытие?

— Цианид или что-то вроде. Яд пока не удалось установить, но инспектор был прав, сомневаясь в вашем диагнозе. Наш клиент отравлен.

Я предпочёл сделать вид, что не заметил насмешки Холмса.

— Но когда? Кем?

— Это я и пытаюсь прочитать в этой надписи.

По горкам пепла на столе и полу я понял, что это не было Делом одной трубки.

— Представьте, что вы отравлены, Ватсон — я содрогнулся от этого предложения, но мой приятель не заметил этого. — Вероятно, вы даже знаете, что жить вам осталось считанные минуты. У вас есть важная информация, которую вы можете передать лишь кому-то из ваших случайных попутчиков. Представили? Вы выбираете того, чьё лицо или одеяние кажется вам располагающим, садитесь рядом, рисуете носком ботинка шифр, понимая, что он будет бесследно скрыт через пару минут, и, уже ощущая объятия смерти, привлекаете к себе внимание единственно доступным способом — пихаете своего соседа в смертельной агонии. Я достаточно правдоподобно описал ситуацию?

— Пожалуй.

— Итак, Ватсон, в этой надписи содержится ключ. Вы ведь заметили, что K стоит на некотором расстоянии от R, а наклонная переключина выполнена так, как если бы это было началом

нового слова? А вот и человек, которой поможет нам найти этот ключ!

На пороге послышались бесцеремонные шаги и в комнату, прервав наш разговор, вломился инспектор.

— Лестрейд, мы вас заждались! Ну же, нам с Ватсоном не терпится узнать детали. — Я был возмущён тем, что Холмс столь безапелляционно приобщил меня к собственным чаяниям, однако успел заметить, как он смахнул пепел со столика, едва слышав шаги. — Признайтесь, вы же принесли нам ключ?

— Да. Но как вы догадались, Холмс?

В руках у инспектора, в самом деле, появился небольшой ключ, каким запирают дорожные саквояжи.

— Не обращайтесь внимания, инспектор, элементарная дедукция.

Мой друг выхватил находку из рук инспектора и разглядывал его через лупу.

— Хм, очень необычный ключ. Ощущение, что им ни разу не пользовались. Посмотрите, Ватсон, зубцы идеально ровные. Если бы у нас с вами были такие зубчики, дантисты пошли бы по миру.

Я признаться, горжусь своими зубами, однако это замечание Холмса выбило меня из колеи, заставив запланировать поход к зубному. Я снова подключился к беседе, когда речь шла о монограмме, украшающей головку ключа.

— Мы тоже обратили на неё внимание, мистер Холмс. Двойная Р, похоже на фамильный вензель.

— Почему-то мне кажется знакомой эта эмблема. Как будто я видел её на днях...

Холмс зашагал по комнате, спрятав лицо в ладони.

— Шерлок!

Я не успел и вскрикнуть, как он споткнулся о мой чемодан, и конечно упал бы, если бы я не успел подхватить его. В результате Холмс лишь поскользнулся и упал ладонями прямо в блюдо с моим пудингом, который я успел приготовить с вечера.

— Ну конечно! Теперь я...

Холмс осёкся на половине фразы. Мне было несколько досадно, что моя помощь не была замечена, но я утешал себя мыслью, что мой саквояж способствовал разгадке тайны ключа.

— Позвольте, я выкину это. Пудинг, к несчастью, испорчен.

— Ни в коем случае, Ватсон! Оставьте, я с удовольствием дою его, как только смогу продолжить прерванную трапезу, —

он повернулся к Лестрейду. — Ищите поблизости от вокзала, инспектор. Возможно, там есть какое-то подобие камеры хранения для драгоценностей и важных бумаг.

— Я непременно распоряжусь узнать, что это за камера хранения. Спасибо, мистер Холмс. — Дженкинс!

Холмс передал ключ подоспевшему констеблю и снова обратился к Лестрейду.

— Кажется, я прервал вас, инспектор. Вы установили личность убитого?

— Спасибо, что обратили внимание, мистер Холмс. Да, это Виктор Франк, американец. Прибыл в Лондон три дня назад с некой благотворительной целью. Впрочем, у этих янки всякая благотворительность пахнет изрядным, как это говорится... business.

— Вы слишком категоричны, инспектор. Что-то прояснилось с ядом?

— Мы пока не смогли в точности определить яд, но сейчас более интересным представляется способ, которым он был введён. Дело в том, что мы нашли на теле Франка укусы.

— Укус?

— Именно. Две едва заметные точки, похожие на пуговку. Видите, на левом предплечье. Я обнаружил их, когда...

— Пуговка? Хм, — прервал рассказ инспектора Холмс, приняв от него снимок руки убитого. — Что-нибудь ещё?

— Да, я чуть не забыл сказать вам самое главное. У нас ещё два трупа!

— Упавшей сосной раздавило белочек?

Мой друг с плохо скрываемой надеждой посмотрел на Лестрейда.

— Нет, самые настоящие убийства. С одним и тем же почерком.

— Почерк? Что за трупы? Не томите, Лестрейд, выкладывайте, что вы нарыли.

— Не совсем мы, мистер Холмс. Сначала с нами связались из американского посольства, а позже пришла телеграмма из Сюрте.

Лестрейд выудил из внутреннего кармана полицейский отчёт. Шерлок, как бенгальский тигр, одним прыжком подскочил к нему, вырвал бумагу и стал читать.

— Мэри Шеллинг, 27 лет, найдена мёртвой на вокзале Атлантик-Сити... Тоже американка!

— Да, мистер Холмс. Но это ещё не всё. Есть и третий, сэр, дальше.

Холмс перевернул листок.

— Абрам Стокер, 35 лет, поданный Британской короны, найден мёртвым... на вокзале Монте-Карло! Вы только послушайте. Три вокзала, три смерти!

Я с удовлетворением ответил, что мой друг ожил. В глазах заиграли язычки, а на бледном как луна лице появилось подобие румянца. Он, казалось, совсем позабыл о нашем рождественском путешествии и с головой окунулся в новое дело.

— Скажу вам больше, мистер Холмс. У этих двоих обнаружен точно такой же укус на предплечье. Именно этот факт вынуждает нас признать: в Европе объявился серийный маньяк.

— Ватсон, вы слышали? Маньяк! — Мой друг потёр ладони. — Но как стало известно о новых смертях?

— Признаюсь, это моя заслуга. Я предчувствовал, что эта пуговка может обнаружить под собой ниточку. Я сделал запрос по нашим зарубежным каналам и, как видите, вслед за пуговкой мелькнула иголочка. Мы уже готовы схватить её за ушко.

— Что же, нам с Ватсоном остаётся лишь пожелать вас успехов. Огромное спасибо, старина. Вы очень помогли нам. Пожалуйста, держите нас с Ватсоном в курсе и впредь.

— Непременно, мистер Холмс.

* * *

— Мне не даёт покоя эта пуговка — обратился ко мне мой друг, едва за посетителями захлопнулась дверь. — Два джентльмена и молодая леди, два американца и британец, находясь в разных частях Европы почти одновременно, в течение рождественской недели, укушены неизвестной тварью. Боюсь, мы имеем дело с Сантой-вампиром.

— Вы что же, верите в эти чудеса, Холмс?

— Нет, мой друг. Я слишком информирован, чтобы быть верующим. Но в данном случае я прямо-таки кожей чувствую нехватку информации. А что вы скажете об этом укусе, Ватсон?

Я внимательно рассмотрел карточку.

— Что же. Фото не может дать всего представления, я хотел бы осмотреть образцы тканей, но мне представляется, что такой укус могла бы оставить летучая мышь. Известны случаи летальных исходов после её укуса, в особенности, если имела место какая-то аллергическая реакция...

— Да-да, реакция, — рассеянно пробормотал Холмс. — Нам срочно нужно понять, что объединяет этих троих помимо вокзала и укусов. Иначе, боюсь, тремя смертями дело не ограничится.

— Уверен, полиция делает всё возможное, чтобы поймать убийцу. Хотя дело, конечно, осложняется тем, что мы имеем дело с международным преступником.

— Сдаётся мне, Ватсон, для того, с кем мы имеем дело, границ не существует вовсе.

— Право, Холмс, к чему вы так драматизируете. И потом алкоголь, вы помните? Насколько мне известно, вампиры не слишком жалуют алкоголь.

— Вы правы, дружище! Чертовски правы! Пожалуй, мне нужно отправить несколько телеграмм.

Пока мой друг, отправив несколько сообщений, одну за одной курил трубки, я занялся подготовкой рождественского стола. Глядя на клубящиеся фигуры, я мог только догадываться, каких монстров рождает разум моего друга в минуты размышлений. Гадание по опиумному дыму давно стало мой невольным занятием, и, надо сказать, за годы практики я достиг в этом деле немалых высот.

* * *

Следующим утром я забрал из лавчонки по соседству свою индейку и, втягивая дивный аромат, предвкушал добрый обед. У дверей дома я столкнулся с Холмсом, который принимал телеграмму от посыльного. По прочтении он весь был погружён в свои мысли и проигнорировал приглашение разделить со мной стол и индейку, чем я был несколько раздосадован. Но не успел я разделать птицу и разложить куски по тарелкам, нашу квартиру огласил нечеловеческий крик:

— Есть!

— Разумеется, Холмс. Я уже почти готов, сейчас буду подавать...

— Что вы городите, Ватсон! Лучше скажите мне... Вы помните тот укус?

— Разумеется, Холмс. Как я мог забыть.

— Если бы мы представили, что это след от укола — шприцем, или чем там у вас это делается. Скажем, прививка?

Признаться, я не являюсь сторонником прививания, но должен был признать теоретическую обоснованность предположения моего приятеля.

— Пожалуй, это может выглядеть примерно так, как на снимке Лестрейда. В особенности, если мы имеем дело с американской практикой прививания болезней. Но...

Холмс не удосужился выслушать мои предостережения касательно опасности вакцинации, но последующий его поступок заставил меня сменить гнев на милость.

— Вы молодчина, Ватсон! — Холмс заключил меня в свои железные объятия. — Похоже, мы всё-таки едем в Трансильванию! Собирайтесь, дружище. Рождество продолжается!

Я с некоторым сожалением посмотрел на нетронутые тарелки, но не стал скрывать радости от известия. Через четверть часа, запаковав индейку вместе с вещами, я усаживался вслед за Холмсом на сиденье двуколки.

III

Следующие двое суток ушло на то, чтобы добраться до Саутгемптона и, перебравшись через Ла-Манш, взять курс до Парижа. На протяжении этого времени добиться от моего приятеля какой-либо информации не было никакой возможности. Я не докучал Холмса вопросами, довольствуясь уж тем, что являюсь соучастником этой охоты, и будучи уверенным, что в нужное время он сам введёт меня в курс дела. Произошло это в столице Франции.

Вокзал Д'Орсе встретил нас всё тем же снегопадом, который, к счастью, никак не сказался на движении поездов. В урочное время мы погрузились в один из вагонов Общества спальных вагонов Жоржа Нагльмакера, но, как выяснилось, не окончательно. Пока я распаковывал чемоданы и стелил бельё, Холмс, пробормотав что-то про неотложное дело, выскочил из вагона. Он вновь появился в купе только спустя полчаса, когда машинист уже дал третий свисток. Не успел он опуститься на сиденье, как Экспресс тронулся и мы взяли путь на Восток.

— Итак, Ватсон, мы едем в Трансильванию. Через несколько минут вы поймёте, что заставило меня изменить планы и, пусть с опозданием, навестить моего старого знакомца.

Только когда мы набрали скорость и парижские бульвары остались позади, уступив место пасторальному пейзажу Холмс, наконец, посчитал возможным посвятить меня в ход следствия.

— Как вы помните, меня интересовало нечто общее между тремя погибшими. От Лестрейда мы уже знали, что все трое встретили свою смерть на вокзале, все трое незадолго до смерти выпивали — и во всех случаях это было, как подтвердила экспертиза шампанское. Наконец на теле у каждого найден укус. Я ничего не забыл? Уже немало, не так ли?

Я молча кивнул.

— Но все эти факты не выстраивались в логическую цепочку. Я чувствовал, что не хватает какого-то звена. И чувства не обманули меня! При помощи моего брата Майкрофта мне удалось узнать, что незадолго до трагической кончины каждый из интересующей нас тройцы стал членом некоего Клуба. Представьте себе, Ватсон!

— Но что это за Клуб, Холмс?

— Вот. Теперь мы вплотную подобрались к цели нашего путешествия. Вы, конечно, понимаете, что мы покинули Лондон не ради путешествия как такового.

У меня было своё мнение на этот счёт, но я посчитал правильным оставить его при себе.

— Единственное, что смог сообщить мне про это Клуб мой любезный братец, это то, что учредителем его является некий граф Влад «кажется, из России».

— Ваш знакомый!

— Именно. Основать закрытый международный Клуб — это весьма в его духе!

— Он разве масон? Вы не рассказывали мне об этом.

Боюсь, что сбывались мои наихудшие подозрения касательно личности этого «русского».

— Всё проще, Ватсон, мой друг — учёный. Три года назад перед ним замаячило наследство, которое позволило бы ему заняться воплощением в жизнь своей Мечты. Нельзя сказать, чтобы на его пути не возникло препятствий, но, благодаря некоторой моей помощи, он, в конце концов, вступил в наследство и, как видите, стал основателем Клуба.

— В этом и состояло пресловутое дело «Мины Харкер»?

— Да. Вильгельмина Харкер была невестой Влада, против которой восстала вся родня Цепешей. Представьте только: простолюдинка, американка, феминистка, наконец, просто красавица. Но главной претензией брата Влада было всё же не это.

— Так у него есть брат?

— Да. К сожалению, о его личности мне мало что известно — это было одним из условий Дела. Знаю лишь, что он возне-

навидел брата, после того как тот решил порвать с семейными традициями и стать учёным. Женитьба стала последней каплей.

— Но что стало с невестой? Вы сказали «была»...

— Увы, мой друг. Она скончалась на руках моего друга при весьма странных обстоятельствах. Внезапная вспышка болезни, неудачная операция... Вы знаете, как это бывает у медиков.

Я предпочёл не заметить укол моего друга.

— Давайте вернёмся к Клубу. Ваш приятель должен раскрыть нам тайну его Членов, чтобы бы могли понять причину их смертей?

— Не совсем так. Дело в том, что мне удалось приоткрыть завесу над тайной Клуба. Вы помните, я спрашивал у вас о прививках?

В это время в дверь купе постучали — проводник принёс чай.

— Итак, благодаря помощи Майкрофта и некоторым другим связям мне удалось найти то общее, которое увязывало всех троих смертельной, как мы теперь знаем, сетью. После оставалось разгадать тайну их смерти, а это оказалось непростым делом. Вино, «пуговка», быстрая смерть — тут, как говорится, возможны варианты. Лестрейд, к примеру, уверен, что яд был введён посредством укуса...

— Довольно разумное предположение.

— Это выглядит разумным, но лишь на первый взгляд. Во-первых, я не верю в вампиров.

В этот момент поезд въехал в тоннель, и страшное слово на какую-то минуту зависло в наступившей тишине вагона.

— ... Во-вторых, мы забываем про вино. Самым главным было избавиться от соблазна объяснить всё укусом. Как только я мысленно разделил эту пуговку и причину смерти, всё стало на свои места. Вы следите за моей мыслью, мистер Ватсон? Прекрасно. Давайте на секунду предположим, что укус никак не связан со смертью. Но как был введён яд? Конечно, через вино! Быстродействующий яд был добавлен в шампанское, которое как мы знаем, все трое употребляли перед самой смертью. Тот американец, Виктор...

— В сухом костюме?

— Браво, Ватсон. Вы зрите в корень. Он не приехал на вокзал, как мы. Он находился в здании, в одном из заведений Черинг Кросса, где и принял свою дозу цианида или чего-то подобного вместе с игристым французским вином.

— Теперь, когда вы объяснили мне, всё выглядит проще некуда.

— Да, мой друг. Этот укус и меня заставил плутать в трёх соснах.

— Подождите, но что же с ключом?

— Терпение мой друг, терпение. Вы правы, всё это время мне не давал покоя ключ. Совершенно очевидно, что именно он — ключ к этому делу. Вы помните, при первой встрече с Лестрейдом, я сказал, что мне знакома та монограмма?

— Двойная Р?

— Совершенно верно. Меня не покидало ощущение, что я где-то её видел, эта мысль будоражила меня, пока я не споткнулся о ваш чемодан.

— Ага, я увидел тогда по вашим глазам, что вы что-то вспомнили.

— Всё потому, мой дорогой Ватсон, что мы слишком много времени проводим вместе.

— Но почему вы не признались Лестрейду?

— Очень просто. Мне нужно было проверить свою догадку, а для этого необходимо было приехать в Париж.

— Так вот почему вы исчезли из вагона перед самым отпращиванием! Значит, вы раскрыли загадку ключа?

— Да, мой друг. И эта разгадка прямо у вас перед носом.

Я невольно огляделся.

— Посмотрите хотя бы на этот подстаканник.

Я взял в руки витой металлический подстаканник, в каком нам подали чай, и ахнул. Узор его в точности повторял тот самый вензель на ключе американца.

— Двойная Р! Но что это?

— Нет ничего проще. Вся тайна двух Р открыта любому желающему, который не поленится ознакомиться с проспектом, тем что лежит на столике нашего купе. Вы когда-нибудь читаете эти рекламные проспекты?

— Признаться, нет. В дороге я предпочитаю...

Я хотел распространиться на тему колёсного дактиля, выстукиваемого железнодорожными составами на стыках рельс, и его связи с классическими дорожными романами, но был бесцеремонно прерван моим приятелем

— И очень зря, мой друг! В этом буклете — половина нашей тайны. Это фамильный вензель Жоржа...

— ... Нагельмакерса?!

— Именно. Жорж Нагльмакерс, основатель Общества спальных вагонов. Эта же символика придана и Всеевропейскому железнодорожному банку, чьи отделения есть на всех крупных вокзалах, где ходят вагоны этого поистине вездесущего Общества. Например, на Черинг Кросс. Вы понимаете? Именно там я видел эту монограмму! Я понял это, как только увидел ваш саквояж.

— И поэтому вы столь эгоистично бросили меня одного с багажом на платформе?

— Прошу меня простить, дружище! Такой шанс нельзя было упускать. Мне необходимо было наведаться в местное отделение Банка, прежде чем наш экспресс отойдёт. Вы ведь знаете, именно в Париже находится штаб-квартира Общества? И именно здесь, как я предполагал, находилась нужная мне информация. К счастью, мои надежды оправдались.

— Что же вы узнали?

— Мне пришлось войти в роль английского лорда, весьма состоятельного наследника, который желает разместить часть своего состояния в банковском сейфе с тем условием, что воспользоваться им могли бы совершенно разные люди, наделённые определённым условием. Оказалось, что это не сложнее, чем положить багаж в камере хранения Черинг-Кросс. За мной закрепляется ячейка, содержимое которой я определяю по своему усмотрению. В необходимом количестве экземпляров мне вручается незатейливый ключ, который служит доступом для введения шифра. Шифр во всех ячейках состоит из четырёх цифр. Любой, кто обладает ключом и шифром может получить доступ к ячейке не более раза в сутки. На всё даётся одна минута. Вуаля!

— Чудесно. Теперь мы знаем, что трое убитых владели ключом, который давал им доступ к какой-то ячейке. Но как это знание приближает нас к убийце?

— Вы бьёте не в бровь, а в глаз, Ватсон. Ответ нам может дать лишь ячейка, а для того, чтобы открыть её, необходим код.

— Подождите, а ключ?

— А, ерунда. Надо думать о Turkey.

— Погодите, как ерунда?

— Ключ у меня в кармане. А вот что делать с Turkey...

— Погодите вы, наконец, Холмс! Объясните мне, откуда вы взяли ключ.

— Сделал дубликат, как же ещё.

— Но как?

— Ватсон, вы меня удивляете! Снял слепок с того ключа, который дал мне Лестрейд. Сначала я убедился, что рисунок зубцов повторяет рисунок ключа от вашего чемодана...

— Так вот для чего вы споткнулись тогда!

— Да. А затем сделал отпечаток головки, чтобы впоследствии скопировать вензель. Надеюсь, вы не в обиде, что для этого мне пришлось воспользоваться вашим пудингом?

— Бог мой, так вот оно что! А я признаться подумал, что вы в кои это веки оценили мою стряпню.

— Не дуйтесь, Ватсон. У меня в распоряжении было лишь несколько секунд, а ваш пудинг как нельзя лучше подходил для этой цели. Теперь вы готовы помочь мне с кодом?

— Знаете, я никогда не осуждал вашей манеры ведения дел, но это, как мне кажется, переходит всякие границы. Сначала вы утаиваете от полиции надпись на снегу, затем снимаете отпечаток с ключа.

— Что вы хотите сказать всем этим?

— Только то, что мы должны придерживаться буквы закона.

— Прекрасно, Ватсон — буквы закона! Значит ли это, что мы должны выписывать букву L, как шахматный конь, или кружить на одном месте буквой O? Или же нам придётся метаться из стороны в сторону как W?

— Боже Холмс, не хотите ли вы сказать, что не знаете, как пишется слово «закон»?

— Неужели я где-то ошибся? Не думал, что когда-либо произнесу эту фразу. Ну да чего не бывает. Знаете, Ватсон, я знаю, как пишется слово «разум». Этого достаточно. Вы поможете мне с кодом или нет?

Я еду с лучшим другом в путешествие по Европе. И почему меня тянет на выяснение отношений?!

— Конечно, Шерлок. Но я, признаться, передумал всё, что мог.

— Но теперь мы знаем, что ищем. Наверняка это слово должно дать нам те самые четыре цифры кода. Что вы знаете о Турции, Ватсон?

— Э-э-мм. Стамбул, Босфор и Дарданеллы, мигранты... Шерлок, я бы предложил взять паузу и, наконец, пообедать. Индейка давно остыла...

— Не пойму, как вы можете говорить о еде... Подождите, дружище, что вы сказали?

— Я говорю, что индейка давно остыла, а Рождество мы так и не отметили...

— Гениально, Ватсон! Дайте я расцелую вас. Мы всё это время говорили о Турции, совершенно позабыв о Рождестве. Turkey это ведь ещё и птица!

— Совершенно верно. Вам следовало бы давно прислушаться к моим советам.

— Полно, Ватсон. Сейчас не время для обид. У вас ассоциируется эта птица с каким-либо числом?

— Боюсь, что нет. Разве что с минусовой температурой, до которой моя индейка остыла...

— Ну что мне с вами делать! Давайте же съедим её. Будем надеяться, что вместе с ней в нас перейдёт и Тайна, которую скрывает эта птичка.

Холмс повязал салфетку и в два счёта управился со своей половиной.

— Итак, теперь можно спокойно порассуждать.

Холм откинулся на спинку и зажёл свою «думательную» трубку.

— Холмс!

— Да, мой истошный друг?

— Я просто подумал, что 4 цифры могут быть какой-нибудь датой.

— В самом деле! Ватсон, вы молодчина!

Я был польщён этой похвалой и поспешил развить успех.

— Быть может, дата Рождества.

— Хм. Отчего бы в таком случае ему просто не написать слово Рождество? Нет, мой друг, нам надо влезть в шкуру этого бедолаги.

— Американец, индейка... День благодарения! Кажется, его отмечают в четвёртый четверг ноября?

— Да, в этом году это было 26-е... Итак, 2611? Мне не терпится проверить его! Куда мы подъезжаем, Страсбург? Дайте-ка мне тот буклет, надо узнать, где ближайшее отделение Банка.

— Погодите, но ведь ячейка в Париже?

— Я разве не сказал вам? По желанию клиента, персональная ячейка может быть продублирована во всех отделениях. Ключ и шифр будут одинаковы.

— Что, и везде лежат наличные?

— Нет, деньги, если конечно речь идёт о деньгах, лежат только в Париже. В остальных отделениях — чеки на предъяви-

теля или тому подобное. Вы же помните, убийства случились в разных местах и неизбежно на вокзалах. Полагаю, наш убийца позаботился о том, чтобы жертва могла воспользоваться ячейкой в том месте, где происходило действие. А что это было за действие, надеюсь, мы скоро узнаем.

* * *

Мой друг показался на перроне, когда поезд уже готов был отходить. По его виду я понял, что до ячейки Холмс не добрался. Я не стал задавать лишних вопросов, учтиво дожидаясь, пока он расскажет всё сам. Однако спустя добрую четверть часа молчания, я не выдержал.

— Шифр не подошёл?

— Они даже не допустили меня до ячейки, представьте себе! Оказывается, ключа мало. Им нужен ещё один документ.

— Какой же?

— Этого они не сказали. По условиям договора, доступ к ячейке предоставляется при предъявлении ключа и подтверждающего документа.

— Боюсь, что с этим нам может помочь только Влад.

— Мы не можем ждать столько времени! Давайте попробуем предположить.

— Быть может, этот ключ как-то связан с тем Обществом, или как его, Клубом?

— Конечно! Как я сам до этого не додумался. Доступ к ячейке предоставляется только членам Клуба.

— Но как вы собираетесь разрешить это?

— Очень просто. Я стану его членом. С первой же станции я телеграфирую Майкрофту. Он поможет мне с адресом ближайшей Ложи.

* * *

По приезде в Баден-Баден с моим другом случилась необъяснимая перемена.

— Баден-Баден! Сколько мы простоим здесь? Ватсон, вы не желаете покрутить барабан?

Я потянулся было за своим револьвером, выражая готовность последовать за напарником хоть к чёрту на Уайтчепель, однако Холмс, рассмеявшись, остановил меня.

— Побойтесь Бога, Джонни, мы не в Лондоне. Не желаете ли испытать судьбу в местных казино?

Я никогда не замечал за Холмсом страсти к игре, полагая, что потребность в азарте он сполна удовлетворяет, распутывая дела. Но вынужденная праздность, какую непременно несёт в себе любая дорога, и в первую очередь железная, не лучшим образом сказывалась на поведении моего друга. И всё же я довольно быстро согласился отпустить его, благоразумно отказавшись от компании. Вероятно, меня растрогала та нежная забота, с которой он пригласил меня следовать за ним. «Джонни». Я повторял это имя на протяжении двух часов, которые я скоротал за уборкой купе и разбором картотеки, до которой до поры не доходили руки. По странному стечению обстоятельств я не смог обнаружить в своих записях упоминаний ни о какой Мине, Вильгельмине и тому подобных дамах, а всецело положиться на память моего компаньона мне не позволяла врачебная этика. Дважды пересмотрев картотеку, я к удивлению своему обнаружил несколько записок о делах, которых прежде не встречал. Это было с полдюжины не слишком примечательных историй, которые Холмс вёл самостоятельно. Бегло проглядев несколько из них, я убедился, что все они относились к тому периоду, когда Шерлок навещался в свой холостяцкий дом в Сассексе. Ох уж этот Сассекс! Не слишком примечательные и ещё хуже написанные эти записи вряд ли представляют интерес для читателя, потому я не стану упоминать здесь их названий. Кто у нас писатель, в конце концов! Я на полном серьёзе подумывал, чтобы устроить моему приятелю разговор, когда двери вагона раскрылись. В купе вместе с запахом сигар, азарта и грехов ввалился мой приятель.

— Вы всё копаетесь в этом старье?

Похоже, мне не следовало отпускать его. Как видно, посещение зланных мест усугубило состояние моего приятеля. Глаза его были красны, лицо же напротив бело и заострено, что могло бы свидетельствовать о переутомлении, если бы не расплывшиеся в улыбке губы.

— О, Баден-Баден! Замечали ли вы, мой друг, что названия игорных курортов несут в себе дефис? Баден-Баден, Монте-Карло, Атлантик-Сити...

«Да, этот дефис напоминает мне кол, на который дьявол насаживает души, как клерк использованные векселя». Подумав так, я не стал ввязываться в разговор и демонстративно стал читать справочник по венерическим болезням. К счастью, мой друг, видимо чрезвычайно утомлённый, стал укладываться и вскоре

уснул сном младенца. «Игорный курорт всегда люден, если не сказать по-латыни — *Luden*. А вы говорите — купаться».

IV

Несвойственное Холмсу поведение, которое я бы назвал гиперактивностью, как будто усиливалось по мере того, как мы приближались к конечной точке нашего путешествия. День ото дня он становился всё возбуждённее, и так продолжалось до тех пор, пока мы не прибыли на вокзал Бухареста. У перрона нас ждал экипаж. Мы погрузились и с полчаса ехали молча, поглядывая на балканский пейзаж.

— Дьявольски белый снег. Его чистота обманчива, ибо она не человеческая. Чтобы смотреть, ты вынужден зажмуриться или использовать защитные стёкла. Созерцая такую белизну, ты сам облачаешься в тёмное. Что ни говори, а мне по душе наша Лондонская сажа. Как красив наш лондонский снег! Что вы, Ватсон, белый снег бьёт по глазам, как китайский морфинист. Вы не замечали, что у белого снега такие же острые жёлтые пальцы?

Я ничего не отвечал и продолжал любоваться белоснежными горами.

— Поглядите-ка, Ватсон! Похоже, мы въезжаем в Трансильванию! Посмотрим, что это за транс такой. Кто знает, Ватсон, может и нас ждёт какое-то превращение. Чего не случится в рождественскую ночь, чёрт побери!

— Погодите-ка, Холмс. О каком рождестве вы говорите?

— О православном, разумеется. Вы разве не знали, что эти, право, славные ребята живут по своему особому календарю? Местное Рождество на две недели отстаёт от нашего. Другими словами, спустя два дня мы сможем отпраздновать православное Рождество. Мы вовремя, Ватсон! Мой друг, впрочем, кажется католик.

— С чего вы взяли?

— Видите это знамя над замком?

Дорога серпантинном пошла вниз и в просвете между холмами, прямо под нами показалось логово Цепешей. Замок производил удручающее впечатление. Он был весьма искусно вписан в ландшафт: зажатый между двумя утёсами, он словно завис на границе двух миров. Со стороны ворот к нему подбиралась лощина, утыканная виноградными кустами. Над каждой их семи башен развевалось знамя, на котором я смог разглядеть крылатое чудовище, припавшее к чаше.

— Дракон это, несомненно, родовой знак. Мой приятель приходится прямым потомком валашскому господарю Владу II по прозвищу Дракул, или попросту Дракон. Его сын, Влад III вошёл в историю как Дракула, то есть сын Дракона. Ну а наш знакомец, похоже, чтит своих предков. Что же, это похвально.

— Ну а чаша, Холмс? Какое отношение ко всему этому имеет католичество?

— А это самое интересное. Предки нашего Влада, будучи славянами, были православными. Но в ту пору, о которой идёт речь, в этих местах шла самая настоящая религиозная война. С одной стороны маленькому княжеству постоянно угрожали османы. С другой набирали силу чехи-гуситы, известные как чашники.

— Чашники? Это от чаши?

— Именно. Я навёл кое-какие справки и готов утверждать: этой чаше и обязан легендарный предок нашего знакомого своей кровожадной репутацией. Известно ли вам, что католикам запрещено причащаться вином? Не знаю, как сейчас, но в то время чести припасть к крови Христа были удостоены только знатные вельможи. Простая чернь, которая между прочим составляла основную боевую силу гуситов-чашников, должна была довольствоваться лишь хлебом, знаменующим, как вы понимаете, Иисову плоть.

Мне было странно слышать от Холмса, атеиста из атеистов, слова «Иисус» и «причащение». Признаться, меня даже коробило его вольное обхождение с этими святынями, но не будем винить его.

— Согласитесь, Ватсон, такое положение вещей крайне унижительно. Во все времена каждый народ помимо хлеба желает ещё и зрелищ, страстей. Ну а какие страсти без крови, то есть прошу прощения, вина? Именно по этой причине знамя чашников украсила чаша с кровью — как наглядная иллюстрация требований.

— Но Влад, насколько я понял, выступал против этих самых чашников? Каким образом символ его врагов переключал на его знамя?

— Bravo, Ватсон! Это самый тонкий момент во всей истории. В ходе того дела мне пришлось перерывать кучу документов, чтобы докопаться до сути. И я таки до неё докопался! Право, Ватсон, весьма жаль, что вы не принимали участия в том деле. Оно было чертовски познавательным!

Я был слишком заинтересован историей графа, чтобы прерывать Холмса своими подозрениями по поводу того «дела».

— Я тоже весьма сожалею, Холмс, — отвечал я со всей возможной учтивостью. Признаюсь, мне всё меньше нравился этот Влад и я жалел, что упустил возможность избавиться от него раньше. — Боюсь, я был отвлечён своей практикой.

— Ватсон, Ватсон! Что такое эта ваша практика? Вы употребляете это слово, будто всё прочее — пустая теория. Поверьте, Джонни, только тут и творятся настоящие дела. — Холмс многозначительно постучал себя по лбу. — Разве может медик служить лекарем души?

Это было уже чересчур.

— Позвольте возразить вам, мой дорогой друг, что здоровье тела есть неперемный залог здоровья души. Как говорили столь часто поминаемые вами римляне, «В здоровом теле здоровый дух».

— Бросьте эти бертильоны, Ватсон! Никогда ни один римлянин не поставил дух в зависимость от упругости своего бицепса. А то что вы цитируете — форменное недоразумение, лихо подхваченное нашими sportsmen. «В здоровом теле и дух должен быть здоровым» — вот о чём твердили римские мудрецы! Увлечение зрелищами, коими потчевал античную публику Колизей, как потчует публику лондонскую Уимблдон и Стэмфорд Бридж, не могли не беспокоить думающих людей.

Он ещё раз постучал себя по лбу. Я нашёл выдержку не перечить моему другу, оставив его наедине со своей ересью. Мы уже подъезжали к замку, и мне не хотелось, чтобы наша ссора вылилась за пределы двуколки.

— Так или иначе, мне удалось доподлинно установить: на протяжении весьма длительного времени, что-то около года, бравый вояка Влад III пребывал в плену у одного венгерского воеводы. А ведь венгры, как вам будет известно, все как на подбор католики. Так что по возвращении домой за графом закрепилась слава перебежчика. Якобы за время заточения он перенял католичество и, будучи весьма знатной персоной, получил возможность причащаться вином. Правда то была или нет, но после освобождения земляки прозвали Влада вампиром. Как видите, потомок Дракулы не постеснялся поместить позорный для предка символ на своё знамя. Похоже, он весьма гордится той историей. А вот кстати и он.

Наш экипаж как раз миновал верстовой камень, свидетельствовавший, что мы въехали во владения Цепешей. Миновав ви-

ноградные насаждения, мы остановились в сотне ярдов от мрачного драконьего гнезда, вся мрачность которого была рассеяна, как только я увидел его нынешнего хозяина. Все мои предчувствия оправдывались с лихвой: Влад стоял перед входом, опершись на зубцы вил, которыми он, похоже, только что закончил удобрять виноградные лозы. До блеска заточенный трезубец сверкал, ловя на себе лучи едва пробивавшегося сквозь чернильный туман закатного солнца. Сам хозяин находился в тени и только острые зубы его матово блестели сквозь тонкие багровые губы.

Возница высадил нас, не доехав до крыльца полсотни ярдов и тут же поворотил назад. Признаться, уже тогда я ощутил нехорошее предчувствие. Сейчас, по прошествии времени я понимаю причину спешки нашего провожатого, но тогда мы с Холмсом не придали этому значения. Видя, что хозяин лично встречает нас у входа, мы бодрым шагом двинулись навстречу. Однако вскоре мы разом замедлили шаг, а затем и вовсе остановились. Переглянувшись, мы вновь ускорили шаг, чтобы скорее увериться в том, что глаза нас не обманывают. Подойдя к крыльцу мы убедились: то, что мы приняли за фигуру хозяина хозяином совсем не являлось. Как не являлось это чьей-либо фигурой вообще — перед нами громоздилось отвратительнейшее пугало, насаженное на жердь и облачённое по какой-то причине в отличного кроя платье.

— Похоже, кому-то понадобилось, чтобы мы издали приняли это тучело за хозяина.

Я хотел было разразиться тирадой касательно этических устоев приятеля моего друга, но увидев нахмуренное лицо Холмса, не стал довершать его переживаний. Мой друг и без того выглядел непривычно растерянным. Почувствовав, что надо брать инициативу в свои руки, я по привычке ощупал карманы «при vratника» и выудил из кармана пиджака бумагу.

— Ага, тут что-то есть!

Мой друг выхватил её из моих рук.

— Записка, Ватсон!

Я не раз уже замечал, что возможность влезть в шкуру сыщика лучше всего приводит моего приятеля в чувство.

— У вашего приятеля не лучшие манеры, — не удержался я.

Только сейчас я понимаю: единственное, что руководило мной в тот момент, был неподдельный ужас, но внешне я до по-

следнего момент цеплялся за возможность, что всё это окажется дружеским розыгрышем.

«Прошу простить, но безотлагательные дела вынуждают меня срочно отбыть в Тырговиште. Прошу вас, занимайте подготовленные комнаты и чувствуйте себя как дома. Коловрат поможет вам освоиться. Наутро я буду у вас.

Влад Ц.»

— Что это за Коловрат?

От одного имени у меня мурашки бежали по спине.

— Похоже, это — он.

Я поймал настороженный взгляд приятеля и посмотрел туда же, куда и он. В этот момент входная дверь совершенно бесшумно приоткрылась и в проёме показалась морда зверя настолько отвратительного, насколько это может представить моя фантазия. Даже сейчас волосы мои встают дыбом от одного воспоминания об этом исчадии ада. Словно почувствовав, что разговор о нём, чудовище вышло из-за дверей и направилось к Холмсу. Это был невообразимых размеров волкодав с огромными, торчащими наружу клыками и длинным вываленным языком в чёрных крапинах. Возможно, вам вспомнится собака Баскервилей, но она признаюсь, на фоне этого Цербера смотрелась бы слепым кутёнком. Я вскинул ружьё, готовясь дать отпор, но пёс даже не повёл ухом. Презрительно, как мне показалось, закатив глаза, он развернулся и остановившись в дверях всем видом показал нам следовать за собой.

— Как должен выглядеть хозяин этого «проводятого»! — последнее, что пронеслось в моей голове, прежде чем я потерял сознание.

Мой дом моя крепость, но чужая крепость отнюдь не мой дом. Говоря попросту, я не на шутку струхнул. Очнувшись, я обнаружил себя на кровати в небольшой тёмной комнатке. Холмс пояснил, что пёс провёл его в одну из башен, где были приготовлены две смежные комнаты.

Я выглянул из оконца и снова почувствовал головокружение. Комната располагалась, похоже, у самого шпиля башни. Отсюда я смог разглядеть противоположную от входа стену замка. В последних лучах заходящего солнца я разобрал, что она была продолжением свода бездонного ущелья, dna которого невозможно было рассмотреть даже с высоты башни. Вровень с нижним этажом замка стелился туман, укрывавший ущелье, из-

за которого слышалось карканье невидимых воронов и другие звуки, природа которых мне была недоступна.

— Ну и местечко! Земли не видно.

— Утром, дай Бог, встретим хозяина — там и осмотримся. Спокойной ночи, Ватсон.

Только невероятное напряжение воли и отсутствие смены нижнего белья остановило меня, чтобы не предложить Холмсу расположиться на ночь в одной комнате.

V

Наутро, выглянув в окно, я обнаружил, что стены ущелья выполнены в виде уступов, серпантинном спускавшихся вниз и скрывавшихся в дымке. Я насчитал семь витков, прежде чем взгляд мой окончательно запутался в тумане. Местный туман никоим образом не напоминал мне сладостной дымки Лондона. Вам может показаться несущественным, но очень скоро вы поймёте, почему я особо отмечаю это обстоятельство.

— Чувствуйте себя как дома, Ватсон.

Я не разделял бодрости моего друга, однако, поскольку хозяином и не пахло, надо было осваиваться. Чувствуя немалый голод, я решил спуститься в кухню и сообразить что-нибудь насчёт завтрака.

— Интересно, куда запропастился этот чёртов Коловрат?

Внизу я обнаружил обширную гостиную, из которой тянуло прямо-таки могильным холодом. Первым делом я решил развести огонь: что как не камин позволяет ощутить уют даже в незнакомом мрачном доме. Я прошёл по гулкому каменному полу и огляделся в поисках огня. Однако от того, что я увидел мороз прошёл у меня по коже и кровь застыла в жилах.

— Шерри!

Имя моего друга было последним, что успел я крикнуть, прежде чем упасть в обморок. Очнулся я, по-видимому, спустя несколько минут, когда Холмс влил в меня несколько капель бренди.

— Успокойтесь, Джонни. Он уже мёртв и не причинит вам вреда.

Я с благодарностью посмотрел в глаза моего друга и в страхе повернул голову. К несчастью, это не было галлюцинацией или бредом. Напротив камина в деревянном кресле сидел сам хозяин замка. Он был мёртв.

— Ведь это ваш друг, да?

Мой друг молча кивнул. Он как раз оглядывал огромный фамильный портрет, висевший на стене в изголовье кресла. На нём красовался красивый господин в наряде аристократа, один-в-один похожий на мертвеца, который развалился в кресле под картиной. Руки господина лежали на плечах у двух подростков, так же похожих на него.

— Похоже, это старый граф с двумя своими отпрысками. Один из которых, к сожалению, Влад.

— Святые угодники, что ж это делается! Есть ли кто-то, способный противостоять этому Злу? Могущий остановить руку дьявола и тем положить конец Греху? Холмс, умоляю вас предстательством девы Марии и всех святых, помогите, спасите нас! Найдите Его и покарайте Его. Вы же сделаете это, Шерлок? Молю.

— Теперь, когда убит мой приятель, это мой кровный долг. Но мне понадобится ваша помощь. Мужайтесь, мой друг, вы же старый солдат. Нам нужно осмотреть тело.

Признаюсь, я был на грани истерики, но слова моего друга несколько отрезвили меня. Врачебный долг прежде всего. Я высвободился из крепких объятий Холмса и направился к телу.

— Нет никаких сомнений, что это всё тот же маньяк: все симптомы остановки сердца и запах спиртного. Посмотрите, вон и бутылка! — Я вытащил из-под турецкого дивана винную бутылку. — Видимо, она закатилась под диван и убийца не заметил её.

— Великолепно, Ватсон! Теперь, наконец, мы можем подтвердить версию с отравлением. Я немедленно должен провести экспертизу, а вы пока осмотрите тело. Мы должны обнаружить укус.

У меня хватило выдержки не останавливать моего друга, хотя оставаться наедине с мертвецом в холоде гостиной у меня не было никакого желания. Холмс поднялся к себе, а я принялся закатывать рукава на трупе. Я обратил внимание, что тело было довольно тёплым, хотя смерть, по моим прикидкам, должна была наступить не менее 12 часов назад. Вполне возможно, что хозяин уже был мёртв в тот момент, когда мы вошли в этот проклятый дом! От этой мысли мне стало не по себе. Всё-таки не каждый день приходится проводить ночь под одной крышей с мертвецом. Да ещё эти истории про вампиров! Борясь с дрожью в руках, я провёл осмотр тела и, действительно, обнаружил «пуговку» в том же месте — на сгибе левой руки. У меня впервые по-

явилась возможность осмотреть укус, и я склонился к руке мертвеца насколько мог близко.

— Боюсь, всё сложнее, чем я предполагал.

Голос моего друга заставил меня вздрогнуть, так что я чуть не выронил фонарик. Холмс стоял за моей спиной с удручённым видом.

— Я не обнаружил следов яда в этой бутылке. Возможно, я ошибочно отверг версию Лестрейда.

Волосы на моей голове зашевелились.

— А я обнаружил всё тот же укус — две точки, — только и смог выдавить из себя я. — Не хотите ли вы сказать, что все эти истории с чашей...

— Не спешите, мой друг. Возможно, моя экспертиза была недостаточно глубока, со мной ведь только моя походная аптечка. Нам срочно нужно отправить эту бутылку Лестрейду.

— Но как?

— Станция не так далеко отсюда. Я доберусь до ближайшей деревни и попробую раздобыть экипаж. Это конечно не Британия, но на вокзале наверняка должно быть почтовое отделение.

— Идёт! Я соберусь мигом.

— Нет-нет, Ватсон. Боюсь, что вам нужно остаться.

— Ни за что!

— Вероятно, что убийца захочет вернуться на место преступления. В таком случае никто лучше вас не сможет устроить ему засаду. А я постараюсь обернуться до наступления темноты.

Да уж, это конечно добавило мне храбрости! Одно дело провести ночь с трупом за стенкой, когда ты и думать о нём не думаешь. И совсем другое, когда ты сам его обнаружил.

— Поверьте мне, дружище, так требует дело. Я верю в вас, Джонни!

После этих слов Холмс мог бы привести ещё дюжину доводов, но ни один из них не стоил бы одного «Джонни». Тайком перекрестившись, я согласился. Проводив Холмса за дверь, я перекрестился ещё раз, уже не таясь, и приготовился к ожиданию. Я проводил моего друга на несколько часов, но сердцем чувствовал, что мне придётся провести ещё одну ночь в замке Дракулы. На этот раз одному.

VI

Последующие 12 часов были, без преувеличения, самыми тягостными в моей жизни. Я готов утверждать это даже сейчас,

сидя за столом своего кабинета и бросая взгляды на портрет королевы Виктории. Я проверил охотничьи ружья, перезарядил свой револьвер и, закрывшись в номере, прислушивался к каждому шороху. В голове моей мелькали жуткие картины, вызванные отсутствием сна и зловещей атмосферой замка. Ближе к полуночи мне привиделась Вильгельмина, кровью выводящая на снегу загадочные письма. Потом она превратилась в Дракона, который испепеляет своим пламенем индейку, а я стою перед ним с чашей в руках и собираю капли жира, стекающие с её туши. Я и сейчас не могу сказать, был ли это сон или картины наяву. Одно время мне казалось, что я слышу шаги, но это были шаги не человека, а скорее собаки или ещё какого-то чудовища. Потом мне абсолютно явственно послышался звук скрипки, прерванный хлопком от шампанского. Когда на часах пробило половину двенадцатого, у самой двери послышался шорох.

— Кто там?!

— Это я, Ватсон.

Баритон моего друга в один момент разогнал кошмарное оцепенение, и я стремглав выбежал ему на встречу.

— Как я рад вас видеть, Шерри!

Уже через секунду он заходил в мою комнату, будто все мои мольбы вдруг материализовались в этой сухой бледной фигуре.

— Я же обещал вам, дружище. Вы что же, волновались?

Руки и губы мои в самом деле дрожали.

— Я волновался, что мы не сможем встретить Рождество вместе. У нас есть ещё 30 минут, я успею открыть шампанское, а вы — рассказать мне, где пропадали всё это время.

— Умоляю мой друг, я расскажу вам что угодно, только не надо шампанского!

— Как скажете. И всё же с вашей стороны было довольно неучтиво оставить меня в этом склепе одного, с трупом...

— Простите меня, дружище. Но я был абсолютно уверен, что вам ничто не угрожает.

— О чём это вы говорите, Холмс?

— Да, Ватсон. Я знал, что убийца не наведается в замок по той простой причине, что сам собирался встретиться с ним лицом к лицу.

— Как это понимать?!

— Это было его предложением. Тем предложением, от которого, как говорится, нельзя отказаться.

— Да объясните же толком.

— Как будет угодно. — Холмс присел на единственное в моей комнате кресло и раскурил сигару. — Всё началось с того момента, как я оставил вас в каминном зале. Вы помните, я решил подняться к себе, чтобы определить содержимое бутылки. На двери своей комнаты меня ждала записка. Вот она.

Холмс протянул мне сложенную вдвое записку:

«Если вам дорога жизнь ваша и вашего друга, вы должны прибыть сегодня в полном одиночестве в карточный зал «Рей-хенбах» вокзала Тырговиште. За воротами замка вас будет ожидать экипаж, который доставит вас до места. Пожалуйста, выполняйте все указания возницы. Жду с нетерпением встречи.

М-р Мори Арти».

— Как понимаете, дружище, выбора у меня не было: имя, которым была подписана записка не оставляло сомнений, что мы с вами под колпаком. Заметьте, записка появилась за то время, пока мы с вами находились в гостиной. Всё это время убийца или, скорее, его сообщник, следил за нами! Я выдумал первый подвернувшийся под руку повод и поехал на встречу. Я не предупредил вас, потому что понимал: любое отступление от плана Мориарти грозит пулей в затылок. И в то же время я знал, что он захочет сразиться со мной один на один, и вы в безопасности.

— Положим. Но вы рисковали собой!

— В означенном месте я обнаружил экипаж с парой вороных, который и докатил меня спустя час с небольшим до вокзала. Возница обыскал меня, провёл через полупустой зал и указал на один из столиков, за которым спиной ко мне сидел длинноволосый господин с сединой на висках. Когда я сел перед ним, он внимательно оглядел меня, жестом подозвал официанта и заказал шампанское. Когда нам принесли вино и два фужера, он с шумом откупорил бутылку, разлил вино по стаканам и только после этого заговорил.

Дальнейшее я передаю вам так, как рассказал мне сам Холмс.

— Спасибо, что приехали, мистер Холмс. Я знал, что вы не откажете старинному другу.

Я только развёл руками. Пока мы ожидали заказ, я краем глаза оглядел обстановку. Это был обычный карточный зал, какие бывают на вокзалах. Народу в это время было не слишком много. Мы сидели в углу зала, столики поблизости от нас были

пусты и только за соседним одиноко сидел угрюмый турок в феске и халате.

— Сегодня прекрасный день, не правда ли? Здесь его называют Сочельник. В этот день принято встречаться со старыми друзьями и загадывать желания. У вас есть заветное желание, мистер Холмс?

— Боюсь, что нет, мистер Арти. У меня нет желаний, но только намерения.

— Это весьма прагматично. Тогда с вашего позволения я загадаю своё. Пусть победит сильнейший.

С этими словами он осушил бокал. Как выяснилось, на этом официальная часть была окончена.

— Вы проделали немалый путь, мистер Холмс. И наверное хотите знать, зачем мне понадобилась встреча с вами? Что же, я утолю ваше любопытство. Но не желаете ли вина? Не бойтесь, оно не отравлено. Пейте, пейте. Вам ли не знать, что яды это не мой профиль.

Я осушил предложенный бокал.

— Видите, с вами всё в порядке. Смею вас заверить: те четверо пили то же шампанское, что и вы. В нём не было никакого яда, кроме того, который люди сами выбрали себе в качестве вечного союзника много веков назад. Я говорю об алкоголе. Верите ли, я предлагал не яд, но противоядие. И это не метафора, мистер Холмс, а сущая правда. Впрочем, обо всём по порядку.

Он загадочно посмотрел на меня, исподволь кивая на турка, и продолжил.

— Всё началось пять лет назад, когда один известный вам граф решил нарушить многовековой обычай своих предков. Такие решения никогда не доводят до добра, но в данном случае ситуация омрачалась наличием женщины...

— Мина Харкер?

— Именно, мистер Холмс.

— А вы... Евпат Цепеш?

— Да. Моё настоящее имя Евпат Цепеш. Наряду с моим любезным братцем, заметьте — младшим братцем, я являюсь прямым наследником графа Дракулы и между прочим — того замка, в котором вы изволите гостить. Впрочем, действительным наследником являюсь только я, ибо Влад предал своих предков. Если бы вы не вмешались тогда в то дело... Впрочем не будем ворошить старых обид. Поверьте, ввязываясь в это дело, я меньше всего думал о мести. Но так распорядилась судьба, что вы оказались в то утро на Черинг Кросс. Итак, пять лет назад Влад

сделал то, на что не покушался ни один из Цепешей на протяжении пяти веков. Он отказался продолжить родовой обычай. Более того, он решил стать учёным и посвятить себя тому делу, которое люди называют громким латинским словом «дарение». Вы понимаете, о чём я веду речь? Прекрасно. Впрочем, кому как не вам знать: Влад вздумал сделать банк крови для помощи больным людям. Как раз в этот момент на сцену вышел я, и наша Рождественская история принимает новый оборот.

Арти сделал незаметное движение и всё тот же угрюмый официант поставил на стол два стакана, на дне каждого из которых лежало по пилюле.

— Мы ведь в игорном заведении, мистер Холмс. Вы выпили игристого вина, не откажите ли в игре? Что за игра? Терпение, мой друг. Ещё пара минут и вы всё узнаете. Итак, мой непутёвый братец при помощи своей покойной невесты основывают Клуб доноров. Под это благое дело — как вы понимаете, я употребляю этот эпитет в кавычках — он довольно легко нашёл с полдюжины наивных простаков по разные стороны океана. Всё эта американка, Мина Харкер. Сначала это тоже были в основном американцы. О, мистер Холмс, это страна, как говорят больших возможностей. А всё потому, что там живёт много ослов, которых хлебом не корми, дай поучаствовать в каком-нибудь надувательстве. Потом Мина умерла. Поверьте, я никоим образом не причастен к её смерти. Полагаю, сам Рок вмешался в это тёмное дело. Заражение крови или неудачный медицинский эксперимент. Деятельность Клуба была во многом засекречена и Влад вынужден был скрывать обстоятельства смерти. Я сам не знаю всех подробностей. Но факт остаётся фактом: поток желающих стал стихать. Это не остановило моего вероломного брата. С тем большим неистовством он погрузился в это кровавое дело. Он весь был погружён в свои эксперименты, ну а я стал вершить свои. Смерть Вильгельмины подкинула мне первую идею. Поскольку мне требовалось известить всю эту секту на корню, я решил действовать, что называется, изнутри. Во-первых я внедрил своего человека в каждую из лож Клуб. Вы знаете, при моих возможностях это несложно. А во-вторых я придумал гениальный способ проучить всех этих кровепоклонников. Делая забор крови, мой коллега вводил жертвам одно вещество, довольно безобидное, но могущее стать весьма быстротечным ядом при определённых условиях. Каких? Рождественских! Оцените всю иронию, мистер Холмс: это вещество активируется будучи смешанным с шампанским определённого сорта. Вы кстати неверно

определили его как Мадам Кликко. Впрочем, ваша ошибка извинительна. Поглядите сюда, это Крстач. Его делают из одного сорта винограда, который выращивают только на Балканах. Замечательный напиток! Особенно в совокупности с упомянутым мною веществом: всего один глоток запускает смертельный механизм. Пройдёт 5, самое большее 10 минут и вы мертвец. Виктор Франк продержался больше других. Да, он успел даже передать кое-какую информацию вам, мистер Холмс. И что, помогла он вам? Сомневаюсь. Скорее, она помогла мне. Чем? Вы ведь тоже сдали кровь, мистер Холмс. Не стесняйтесь, право! Мой коллега сам сделал у вас забор. Я не мог не ожидать вас в Баден-Бадене. Ведь это был единственный пункт на пути вашего следования, где работало отделение Клуба. Всё-таки страсть к игре в крови у всех Цепешей, и мой брат не исключение — первые отделения Клуба открыты поблизости от игорных центров. Мне оставалось лишь принять эту игру. Только я предпочитаю играть по своим правилам. Что такое? Вы чувствуете онемение в коленях? Жжение в подушечках пальцев? Точно то же ощущали и все предыдущие ваши соратники по несчастью: Виктор Франк, Абрам Стокер, Мэри Шеллинг... Они посягнули на святыню. Вы ведь знаете: кровь Христова, причастие... С древних времён кровь почитали как источник жизненной силы, использовали как исцеляющее и омолаживающее средство. Да, это чудодейственный напиток. Но чтобы оценить это, кровь надо выпить! Слышите, выпить! Не сдать, не взять, не перелить. Да что я вам говорю. Ведь вы тоже поддались этой ереси, вы как они — донор. Грешно, мой друг, грешно. Тем самым вы уподобились собаке или овце, кровь которых переливают людям некоторые учёные. Но перелить кровь от человека человеку! На такое не отважились даже Гарвей и Денис. Впрочем, довольно эмоций. У вас есть возможность искупить свои грехи. Да, не будь я Евпат Цепеш! Ни один из рода Дракул не был простым убийцей! Слышите, я караю лишь неверных.

— Вот как, караете? Но не промысел ли это божий? Не повторяете ли вы грех своих жертв?

— Ни в коем случае, мистер Холмс. Вот вам крест. Я знаю все свои грехи и чужих мне не надо. Посмотрите на эти пилюли. Эти персты божьи станут орудием кары. Одна из них — противоядие. Только оно может остановить смертельную реакцию, которая идёт сейчас внутри вашего организма. Вторая пилюля — яд. Вы сами сделаете свой выбор. Я выпью оставшуюся. На всё

воля Божья. Если Евпат Цепеш впал в ересь, он примет свою смерть с христианским смирением. Ну, мистер Холмс, сыграем?

Граф придвинул один из стаканов ближе ко мне.

— Хм, доверять свою жизнь жребию?

— И опять вы не угадали, мистер Холмс! Ведь помимо графа Дракулы против вас играет ещё и Мори Арти. А ему не по душе азартные игры. Нет, мне по душе игра умов. С моей стороны было бы преступлением, имея такого соперника, превратить всё в примитивную рулетку. Заметьте, я не просто поставил перед вами два не отличимых с виду стакана — к чёрту случай! — я сделал ход. Одним движением я превратил заигрывание с Фортуной в игру умов. А это ли не лучшая из игр, мистер Холмс! Уверен, в этом мы сойдёмся с вами. Какую пилюлю я предложил вам? Какую оставил себе? Заметьте, я сделал это не случайно. Я берусь предугадать ваш ход мысли. Четыре трупа живо свидетельствуют: убеждённость моя не лишена оснований.

Увидев нахмуренные брови Холмса, Арти улыбнулся.

— Решайтесь, мистер Холмс. На кону ведь не только наши с вами жизни. Нет, я ставлю на это сукно нечто большее. Вы ведь помните тот ключ? Совершенно верно, с двойной Р. Вот он, прошу.

Мори Арти выложил на стол ключ, точно повторяющий тот, что был у Лестрейда.

— Если вы стали донором не только ради интересов следствия, но и из-за своих убеждений, вы не откажетесь от него. В ячейке Парижского банка, того самого который вы уже навещали, лежит что-то около миллиона фунтов. Это моя часть наследства. Вы знаете условия: доступ к ней при соблюдении нескольких условий может получить любой. Во-первых, он должен быть членом Клуба. Это условие вы выполнили, пожертвовав собственной кровью. Bravo-bravo. Во-вторых, он должен иметь ключ. Его вы изготовили сами, поэтому мне нет необходимости одаривать вас им. В третьих, вы должны знать код. Его вы тоже решили самостоятельно, пусть и не до конца. Что же, я сообщу его вам, как сообщил и трём вашим предшественникам: 1126. Это и в самом деле дата Дня Благодарения. Вы не учли лишь, что Франк был американцем, а у них, увы, система записи дат несколько отличается от привычной нам. Итак, у вас есть ключ и шифр. Кажется, всё? Ах да, осталась сушая малость — четвертое условие. Вы должны быть живы, чтобы воспользоваться всеми этими благами. Но тут всё в ваших руках. Я вижу, они уже

начали дрожать. Не беспокойтесь, это обычный симптом. Если вы поторопитесь, он не помешает вам сделать свой выбор.

Арти ещё раз указал мне на стаканы с пилюлями, пододвигая один из них вплотную ко мне.

— Вы, кажется озадачены, мистер Холмс? Почему я предложил вам именно этот? Позвольте, я помогу вам. Вы впервые сидите за этим столом, я уже в пятый раз. С моей стороны было бы не слишком благородно не уравнивать шансы. Возьмём простейшую ситуацию: как бы поступил на моём месте ребёнок? Конечно же, протянул сопернику плохую! Вряд ли вы станете спорить, дети это чистые натуры. Они чисты даже в своей подлости. К несчастью, дети не имеют к нам с вами никакого отношения.

Поглядев на меня, Цепеш продолжил:

— Пройдёмте дальше, прошу. Чем взрослый отличается от ребёнка? Умением блефовать. О, блеф это великое достижение Homo Sapiens! Стоит ли говорить, что изобрели его вы, британцы. Да-да, вслед за азартными играми и спортом. Разумный человек протянул бы сопернику хорошую пилюлю. Да, он бы блефовал, это очевидно. Это блеф, так сказать, первого уровня. То же не наш случай, мистер Холмс, не так ли? Мы ведь не средне-статистические обыватели? Совсем не средние. Не уверен даже, что мы с вами в принципе можем быть охвачены какой-либо статистикой. Объектами статистики являются статисты, мы же с вами не люди массовки, не пешки, но короли. Вы чёрный, я белый... Хорошо-хорошо, наоборот, я — чёрный, сейчас не время для этикетов. Реакция уже запущена, так что вернёмся к предмету нашего разговора. Кто следует далее? Далее следует человек хитрый. Человек Играющий, если угодно, Homo Ludens. Не смотрите на этой название, мистер Холмс, это не просто люди. Игрок, видя перед собой другого Игрока, которого жизненно важно обмануть, обязательно схитрит. Да, блеф — и здесь я говорю о простом блефе — уместен лишь против того, кто его не ждёт. Руку даю на отсечение, хитрый человек будет блефовать вдвойне: он понимает, что его оппонент тоже взрослый человек и ему тоже жизненно важно не проиграть, а значит, этот противник ждёт блефа. Что сделает хитрый человек в такой ситуации? Правильно, двинет от себя плохую пилюлю. Это блеф второго уровня. Четверо предыдущих моих соперников были хитрыми людьми. Уверяю вас, это были Игроки до мозга костей, иначе разве решились бы они Сыграть? Я знал это. Поэтому я теперь напротив вас, а они в ином месте. Итак, мистер Холмс, ваш ход. Я оценил вас, дело за вами.

Арти откинулся на спинку, продолжая держать ладони на глади сукна и с любопытством глядя мне в глаза. Я не спешил. Размышляя над услышанным, я бережно взял в руки фужеры, поглядел через стекло на почтительно замершего Короля. Затем вернул их на сукно стола и ещё некоторое время молчал, делая руками пассы, моделируя в голове ходы. Наконец, в голове у меня выстроилась выигрышная комбинация, и я ощутил, что у меня появился шанс. На секунду мне показалось даже, что и в глазах Арти мелькнул огонёк ужаса.

— Это прекрасно! Ей богу, все ваши выкладки насчёт блефа: первый уровень, второй уровень — это прекрасно! Они достойны войти в учебники психологии, а Вы способны потеснить господина Фрейда с его трона, мистер Мори! Или он предпочитает кушетку? Однако же, вслед за одним литературным героем вы забыли о пошлейшей гигиене. Вы не читали господина Тургенева? «Отцы и дети»? Что вы, это замечательное чтение, рекомендую. Там есть весьма симпатичный герой, как же... Рынкин? О, эти русские фамилии! Впрочем, это неважно. Важно то, как он умер. А ведь он, на минуточку врач, практикующий хирург, прокололся ровно как же, как и вы — забыл об элементарной чистоте. Напрасно! Воздавая дань олимпийским громовержцам нельзя забывать о старушке Гигее. Вы удивлены? Этому меня научили почтенная миссис Хадсон. Что вы! В её пантеоне Гигея занимает одно из первейших мест. И у этой леди есть чему поучиться, поверьте мне! Нисколько не умаляя безупречности ваших измышлений, я вынужден констатировать: вы прокололись, мой друг. Можно сказать иначе: влипли. Вы давали руку на отсечение и этой самой рукой подписали себе приговор. Похоже, вы не поспеваете за моей мыслью? Прошу простить, я в некотором роде волнуюсь. Выразусь яснее: указав мне на характер предыдущих партий, вы сами раскрыли карты: четверо убитых были хитрыми. Не понимаете? Позвольте, я покажу вам.

Я придвинул фужеры к себе, аккуратно обхватив их за основание.

— Итак, вы с убедительностью описали, как поступил бы на вашем месте ребёнок, взрослый и так далее. Вы умолчали лишь об одном — во всех этих случаях ведущий, тот кто делает первый ход, проигрывает. Позвольте, я договорю за вас.

Ей богу, Ватсон, в глазах моего соперника я увидел мольбу, смешанную с ужасом. Тогда я не понял причин этого и продолжал:

— В самом деле, разве ребёнок в игре с ребёнком выберет протянутую пилюлю? Конечно, нет! Ведь он запросто может встать на место своего соперника. И он делает это! Да, он рассуждает при этом как ребёнок, но ведь именно это и нужно, чтобы избежать мучительной смерти, вы согласны? Так же и взрослый, видя перед собой взрослого, понимает, какую игру вёл бы сам на его месте. Сапиенс, как вы изволили выразиться, выбирает предложенную пилюлю и опять же выигрывает. Наконец, перед вами хитрый игрок, Гомо Люденс, я правильно употребляю латынь? Отлично. Вы пытались убедить меня, что имеет место блеф второго уровня — двинули вперёд смертельную пилюлю. С трудом в это верится. Если вы знали, что перед вами Игрок, а в этом у меня нет причин сомневаться, то конечно же знали и ход его рассуждений. Возможно, он не употребил бы термин «блеф второго уровня», но очевидно, что он, просчитав ситуацию ровно так, как вы описали, отвергнет предложенный фужер и выиграет. Выиграет! Но что мы имеем в действительности? Верно, четыре трупа. Что это значит? Это значит, что вы двигали вперёд чистую пилюлю. Вы ведь и сами сказали, что знали, что за соперник перед вами. Быть на шаг впереди, именно таков способ обыграть настоящего Игрока. Что вы с блеском и проделали. Что же дальше? И вот теперь мы подходим к нашей с вами позиции. Вы, помнится, подчеркнули, что я вне статистики, так? Отсюда я делаю вывод, что вы оцениваете меня выше, нежели предыдущих соперников. Не считите за нескромность, я всего лишь трактую ваши слова. Не знаю уж, как вы это называете, сверхчеловек или ещё как, но вывод я делаю однозначный. Мне ничего не остаётся сделать, кроме как принять предложенную вами чашу.

С этими словами я взял ближний фужер и, запрокинув голову, разом проглотил скатившуюся из него пилюлю.

— Итак, я сделал выбор, мистер Арти. Или, точнее, принял выбор, сделанный вами. Как видите, я недалеко ушёл от ребёнка. Достопочтенная миссис Хадсон всё время напоминает мне об этом. Испейте же сию чашу до дна.

VII

Холмс окончил свой рассказ, и впервые за всё время пребывания в этой чёртовой стране я почувствовал некоторое облегчение.

— Итак, мистер Арти мёртв. Даже не верится... Но знаете, Холмс, у меня до сих пор не укладывается в голове это ваше объяснение насчёт пилюль и блефа...

— Бросьте эти святочные рассказы, Ватсон!
— Святочные рассказы? Но вы её выпили, мон Шер!
— Да, Джонни, выпил. Давайте и мы поднимем эти чудные бокалы...

— Погодите же пить! Не хотите ли вы сказать, что играли в русскую рулетку, как все эти... четверо? Вы испытывали Фортуну? Вы верите в Судьбу? Или как там его... Фатум?!

— Что вы, Ватсон.

— Но как, Холмс?!

— Элементарно, мой друг! Методом дедукции. Так же как и в сотне историй, которые вы столь замечательно описали.

— Дедукция применима к уликам, волоскам и пеплу, но тайны человеческой души? Увольте, Холмс, при всём уважении вы никогда не были психоаналитиком, если конечно это слово применимо к этим шарлатанам на кушетках.

— Спасибо, друг. Я никогда не получал столь лестной и в то же время честной характеристики.

— Не обижайтесь, Шерри. На биографов не обижаются.

— Ни в коем случае, Джонни! Напротив, я благодарен вам. Вы как никто умеете спустить с небес на землю. Конечно, я мог бы продолжать в том же духе, рассуждая о психологии и доказывая очевидные мотивы ваших же поступков. Нет, я уважаю Психею, но именно оттого предпочитаю не мешаться её владений. Всё это горние материи, а я никогда не любил гор. Боюсь высоты, знаете ли. С неё всегда больно падать. Кому как не вам знать: я далеко не такой хитрец, каким расписал меня мсье Арти. Пожалуй, я куда ближе к среднестатистическому, как он выразился, обывателю. К той серой массе, которая покрывает мостовую за нашим окном.

— Перестаньте морочить мне голову, Холмс. Мы не на сеансе психоанализа, а я не плачу вам 25 фунтов в час. Объяснитесь наконец, на часах уже без пяти!

— Мой друг, меня пугает ваша искушённость в деле психоанализа! Но если вы имеете в виду ночь исполнения желаний...

— Да, чёрт возьми! Я имею в виду ночь. Ну же?

Признаю, после рассказа Холмса весь мой готический страх рассеялся. Как оказалось впоследствии — лишь на время.

— Ну что с вами поделать! Вы не принесёте мой саквояж? Он там, у двери...

Я в один прыжок добрался до двери и через мгновение вернулся с саквояжем. Шерлок степенно принял из моих рук порт-

фель и с видом фокусника принялся доставать из него диковинные предметы.

— Взгляните сюда, мой друг.

— Не может быть! Те самые фужеры?

— Да. И те самые пилюли. В карманах мсье Арти я обнаружил их не менее дюжины. Пожалуйста, возьмите. Как вы видите, все они абсолютно неотличимы. Но могу вас уверить: половина из них отравлена цианидом. Во всём остальном они ничем не отличаются от этих. Такие пропишет любой врач, вы ведь согласны, доктор?

— Не тяните kota за хвост, Холмс. Разумеется, они неотличимы. Как же вы догадались? Вы что-то говорили насчёт гигиены?

— Да, Мори Арти подвело умение играть, титул гроссмейстера ко многому обязывает, знаете ли. В данном случае, он утянул его на дно, как латы рыцаря Тевтонского ордена.

— Умоляю, Холмс!

— Да-да, вы же не любитель истории. Во всяком случае не той, где ни одним словом не упомянута Британия... Возьмите этот фужер, прошу вас. Великолепно! Видите, когда мы берём фужер, как если бы хотели осушить его, то обхватываем ножку ладонью. Большой палец при этом смотрит вверх, посмотрите. А теперь представьте, что вы делаете ход в игре. Перед вами доска и лицо соперника, замершего в ожидании. Как вы возьмёте фужер в этом случае? Конечно так же, как двигает гроссмейстер свои фигуры. Ну же! Гениально! Любой уважающий игрок — а мсье Арти, конечно, игрок никак не меньший, чем его жертвы — так вот, Игрок не лапает королеву, как какой-нибудь забулдыга свой стакан. О, нет! Гроссмейстер берёт её деликатно, сверху, обхватывая тремя пальцами за корону, ровно так, как сделали вы. Видите: большой палец при этом смотрит вниз. А вы ведь тоже ещё тот Игрок, а, Ватсон! Молчу-молчу... А теперь посмотрите на наши фужеры. Оба они, извините, нестерильны, но след большого пальца хорошо различим на обоих. Есть ли подобные отпечатки на этом? Ни единого! Зато на втором их четыре! Вот они: на всех, заметьте, большой палец смотрит вниз. Так кажется, жестикулировали сенаторы Рима о смерти героя?

— По этим следам вы сделали вывод...

— Именно. Не знаю, как мистер Мори различал сосуды, но этот определённо помечен. Ибо во всех случаях он двигал именно его. А после того, как он любезно рассказал мне свою логику, я

наверняка знал, что именно этот фужер не несёт в себе яда. Вуаля. Ловкость рук и никакой психологии!

Ватсон с минуту сидел без движения, в одиночку осушив свой бокал. Когда он заговорил, голос его был пуст, как носок Санты, из которого вытащили подарки.

— Значит, все ваши доводы про блеф и прочее — ни при чём?

— Абсолютно! Примерно так же, как рассказы благочестивого родителя о бородатом гноме, влезавшем в дом через трубу.

— Потрясающе. Стыдно сказать, но я обескуражен. Боюсь, последний раз я был так же опустошён, когда узнал, что Санты не бывает.

— Ну же, мой друг, мужайтесь.

— Шерлок, вы продемонстрировали весьма эффектный фокус. Такое сошло бы с рук начинающего детектива, но вы... Боюсь, мы теряем своего читателя. Да что читателя! Вы лишили меня Тайны! В такой день!

— Бросьте, Джонни! Я всего лишь разгадал Загадку. Не верите? Ну же, загляните скорей в карман моей куртки, что висит возле двери. Смелее, суйте свою руку. Представьте, что вы лезете в носок за подарком. Нащупали бумагу?

Я выудил сложенный вдвое лист, такой же, какой Холмс обнаружил на двери своего номера, и с нарастающим ужасом стал вчитываться в строчки.

— Я обнаружил её в кармане мистера Мори.

— Это же запись разговора, который я только что слышал от вас! Постойте, здесь та же подпись: Мори Арти. Он что, записал свою речь заранее?

— Написал, но не для себя. Это сценарий, Ватсон. Арти написал инструкцию, которую мой соперник вынужден был, под страхом смерти, зачитать.

— Значит, с вами играл не Арти? Он жив? Но кто он, кто ваш соперник?

— Боюсь, что это был Влад. Мори Арти столкнул нас лицом к лицу. Его план был беспронятным.

— Вы отравили Влада?

— Увы. Он был загрирован.

— Это чудовищно. Этот Мориарти просто зверь... Подождите. Но чей труп в таком случае лежит в нашей гостиной?!

— Нам остаётся только ещё раз оглядеть его.

В полутьме, освещая себе путь фонариком, мы спустились в каминную.

— Он исчез, Шерлок! Его нет!

Я в страхе ощупывал лучом фонаря пустынную залу.

— Этого стоило ожидать. А я-то, каков молодец! И этот портрет. Похоже, ваш друг дал маху по полной.

— Постойте, что вы хотите сказать? Это был не Влад?

Я увидел, что Холмс в задумчивости разглядывает графский портрет.

— Вы что же, не знаете, как выглядит ваш знакомый?

— Боюсь, вы снова правы, Ватсон. Мы общались исключительно посредством писем.

— Но почему вы не сказали этого раньше?!

— Неловко признаться, но, похоже, я переоценил себя.

— А портреты?

— Вы ещё не поняли, Ватсон? Посмотрите сами.

Я ещё раз оглядел старого графа с двумя детьми, похожими на него.

— Не может быть! Ваш друг, кажется, приходится родным братом этому Евпату... Мори Арти? Он инсценировал смерть своего брата, выдав себя за него! Фамильное сходство, конечно! Какой я дурак! Я же видел, что тело тёплое, а укус как будто нарисован. Если бы вы не отвлекли меня тогда!.. Но где же сам Мори Арти?

При этих словах по залу раздался шорох и в центр гостиной вышел невесть где пропадавший Коловрат.

— Теперь вы видите: Тайна, как и положено Даме, осталась неразоблачённой. Тайнство должно оставаться Тайнством, ведь так? Кажется, я убедил вас, что не коробил ваших чувств? С Рождеством, мистер Ватсон!

— Бог мой! Вы отравили своего друга и дали уйти врагу. Я не могу в это поверить.

— Каких только чудес не случиться в Рождественскую ночь! Я ведь сидел лицом-к-лицу с ним на протяжении часа! Сейчас я припоминаю, что не всё в его действиях и словах было натуральным. Эти заученные фразы, этот испуганный молящий взгляд. Знаете, дружище, кажется, несчастный Влад хотел подать мне какой-то знак, он пытался дать мне понять, кто он на самом деле. За нами, конечно, наблюдали. Этот турок за соседним столиком, точнее европеец, выдававший себя за турка... Какой я дурак! Ведь это и был переодетый Арти!

— Но как вы догадались, что он европеец, Холмс?

— Вы же служили на Востоке, Ватсон. Вы когда-нибудь видели турка, который бы отбивал такт каблуком? Нет-нет, мой дорогой друг, на востоке это не принято. Да и каблуков, заметьте, эта нация не стачала. Приходится признать: на протяжении всей этой истории, от начала до конца, я был слишком самонадеян. Единственное моё предположение, которое оказалось верным — то, что тремя убийствами дело не ограничится.

Признаться, я ни разу не видел моего друга столь удручённым.

— Не вините себя в его смерти, Шерри. И потом Индейка. Вы ведь верно истолковали смысл послания.

— Бог с вами, Джонни, это была ваша гипотеза. Не успокаивайте меня, дружище. После того, как я стал членом Клуба, я сам не свой.

— Вы всё-таки сделали это? Но для этого вам понадобилось...

— Совершенно верно — стать донором. Я сдал эту чёртову кровь, Ватсон! Пусть эта пуговка станет первой деталью нового наряда вашего друга. Сегодня ведь Рождество, а есть ли лучший повод измениться?

— Подождите, Холмс! Но ведь у нас есть ключ, шифр... У нас есть миллион!

— Я дарю его вам, доктор. С Рождеством!

— Не надо, Холмс! У вас есть возможность подобно несчастному Владу осуществить свою Мечту — не заниматься преступлениями ради денег. Вы можете позволить себе братья только за дела, которые интересны вам, и не брать платы с несчастных! А эта история...

— Кстати, об этой истории. Надеюсь, вы никому не станете рассказывать о ней, дорогой Ватсон?

Иван Москалёв

Дело о Храме «Поющих Ангелов»

Это дело Холмса относится к циклу моих так называемых «русских» записок. Этот случай произошёл зимой 1890 года, когда я и мой друг совершали путешествие в страны Азии. Наш путь лежал через Россию. Холмс давно высказывал желание посмотреть эту страну, поэтому мы решили задержаться в Москве на некоторое время, чтобы как можно детальнее осмотреть этот крупный город и получить представление о жизни и нравах русских в общем, и москвитов в частности. Я, правду говоря, немного сомневался в этой затее, так как Россия

слыла в Европе отсталой и нецивилизованной, и крайне холодной страной. Но мои предубеждения мигом рассеялись, как только мы прибыли на великолепный Брестский вокзал, сопоставимый с такими лондонскими вокзалами как Кингс-Кросс или Виктория. Гостиница же рассеяла абсолютно все мои сомнения, так как изысканность архитектуры и обстановки превышала все мои ожидания.

После заселения в гостиничный номер, несмотря на холодную погоду и огромные сугробы потрясающе белого снега, мы с Холмсом совершили пешую прогулку в окрестностях гостиницы «Славянский базар», которая располагалась почти в самом центре города, неподалёку от Кремля. Мы любовались прекрасными памятниками архитектуры и храмами, которыми изобилдовал этот древний город. Стремление Холмса к познанию всего нового или неизведанного поражала. Мне насилу удалось упросить его вернуться в гостиницу, чтобы выпить чего-нибудь горячительного. Вернувшись в отлично отапливаемые помещения гостиницы, и выпив немного бренди (надо сказать, по качеству ничуть не уступавшему английскому), я почти сразу же почувствовал живительное тепло, разлившееся по моему телу. Тут же я обнаружил небольшую пропажу. Мелкий воришка вытащил из моего кармана пару российских монет, которые я обменял на вокзале. Кошелек с британскими фунтами негодяй не тронул. Поражённый ловкостью карманника, я сообщил о пропаже Холмсу, который не преминул поведать мне о мальчишках, которыми кишела Москва. Мой друг объяснил, что местные криминальные элементы отличаются ловкостью, потрясающей организованностью, и расчётли-

востью, которой, по словам Холмса, «так не хватает лондонской преступности». Вместе посмеявшись над шуткой моего товарища, мы решили не задерживаясь идти спать, так как на следующий день нам предстояло отправиться изучать московский Кремль.

Проснувшись наутро, спустившись вниз, и заказав завтрак, мы с Холмсом обсуждали планируемый поход в Кремль, когда к нашему столу подошёл человек лет 35, с ухоженной тёмной бородкой и бакенбардами. Глаза его, чрезвычайно живые, были тоже чёрными. Он был одет в дорожный костюм европейского покроя. Картину довершали сапоги очень необыкновенного фасона, коего я раньше никогда не встречал. Он заговорил с нами на превосходном английском языке:

— Господин, вы случайно не известный лондонский сыщик Шерлок Холмс? Молва прокатилась по городу, что вы и ваш коллега приехали из Англии наполовину инкогнито...

Мой друг встал и ответил незнакомцу поклоном

— Да, моё имя действительно Холмс. Слухи о моей известности, конечно же, завышены, в большой степени благодаря стараниям моего друга и блестящего хрониста, доктора Джеймса Ватсона, который соизволил сопровождать меня в путешествии в страны Азии, — тут Холмс представил меня незнакомцу. Я тоже поклонился ему, после чего мы пожали руки, и я пригласил незнакомца сесть.

— Моё имя Иван Андреевич Харламов, я...

Тут Холмс прервал нашего нового знакомого:

— Извините, господин Харламов, что перебиваю... Не могли бы вы доставить мне удовольствие и позволить потренировать свой дедуктивный метод?

Харламов кивнул. В его глазах читался явный интерес.

— Если мой дедуктивный метод по-прежнему мне верен, то я могу сказать, что вы принадлежите к купечеству. Об этом мне говорит ваш костюм, который, кстати, мог бы ввести в заблуждение. Можно было бы предположить, что вы не очень богаты. Но вас выдаёт перстень на вашей правой руке. Хотя он и не содержит драгоценных камней, я могу разглядеть, что он сам — изысканнейшей работы, которая наверняка в разы повышает его стоимость. Ваш великолепный английский выдаёт отличное образование, возможно в одном из университетов Британии, а также то, что вы ведёте торговлю с Европой. Наконец, отсутствие снега на ваших сапогах и характерного покраснения лица говорит о том, что вы прибыли в крытом экипаже. Сложив эти факты, можно

заклЮчить, что вы принадлежите к тому, что в России называется «первой гильдией», то есть, вы очень богаты. Из вышеупомянутых фактов я возьмусь судить о таких говорящих в вашу пользу чертах, как скромность и щедрость. Возможно, что вы даже меценат. Но это лишь первая часть моих рассуждений. Далее, я заметил, что обшлаг вашей куртки прожжён, видимо угольком, так иногда происходит на железной дороге. Ваша одежда очень похожа на дорожную, а так как вы её не переодели, то можно заключить, что вы прибыли на поезде в Москву, и сразу же поспешили сюда. Ваше материальное состояние предполагает, что у вас есть либо квартира, либо даже дом в Москве, значит можно смело исключить вариант, что ваш визит сюда обусловлен желанием здесь остановиться. А так как я заметил, что когда вы вошли, вы не замедлили направиться к нам с Ватсоном, это означает, что вы имеете какое-то дело, которое нужно срочно решить. Поставлю пять фунтов на то, что нас на выходе из гостиницы поджидает крытый экипаж, готовый отправиться на железнодорожный вокзал...

— Это потрясающе! — воскликнул купец, — записки о вас изобилуют описанием вашего метода, но вы настолько точно рассказали всё про меня, что я поражён как молнией.

— Ватсон, — произнёс мой друг, — возьмите все вещи, которые могут вам понадобиться в двухдневном путешествии, а также, возьмите тёплое платье.

Итак, мы быстро собрались, и вместе с Харламовым вышли из гостиницы. Действительно, там стоял роскошный экипаж. Мы забрались в него. Харламов перекинулся парой русских слов с кучером, и мы двинулись. Холмс некоторое время молча смотрел в окно, а затем спросил Харламова, сидевшего напротив нас:

— Вы не могли бы посвятить меня в подробности вашего дела?

— Хорошо, господин Холмс, — начал повествование наш новый знакомый. — Я являюсь, как вы правильно сказали, меценатом. Больше всего я помогал одному монастырю недалеко от Москвы, около города Коломна. Монастырь этот называется Богородице-Рождественским. Вчера я навестил этот монастырь, и настоятель обратился ко мне с просьбой о помощи. Выяснилось, что теперь уже два дня назад пропал старинный реликварий, который монахи приобрели на одно из моих пожертвований. Реликварий — это ларец, выполненный из благородных металлов и редкой слоновой кости, он украшен самоцветами и искусно отде-

лан. В нём хранятся различные реликвии христианства. Для нашего реликвария были собраны такие важные для христиан предметы как, например, камень «слеза Моисея» — расколотый шарообразный камень с щёткой аметиста внутри, или же камень со священной Голгофы. Один только ларец можно продать за огромные деньги... Благо, настоятель позаботился о том, чтобы ни один человек, находившийся в монастыре в ночь пропажи, не покинул монастырь. Были выставлены монахи для наблюдения за воротами...

— Но ведь похититель мог скрыться в ту же ночь, когда и похитил ценности! — воскликнул я.

— Исключено — в ту ночь бушевала снежная буря, и заносы на дорогах не позволили бы злоумышленнику покинуть монастырь, — произнёс купец.

— Значит, реликварий должен ещё быть там, в монастыре, — задумчиво проговорил Холмс. — А почему вы не обратились в полицию?

— Настоятель пытался, но они отказались заняться этим делом... Видите ли, у местного полицмейстера очень плохие отношения с настоятелем Кириллом... Они не ладили, когда полицмейстеру взбрело в голову искать преступника по кличке Михай в монастыре, он тогда угрожал поместить всех монахов под стражу, если Кирилл не выдаст ему бандита, якобы постригшегося в монахи! Кирилл ведь святой человек, как этот полицейский мог предполагать...

— Полиция везде одинаковая, не так ли, Ватсон? — с улыбкой промолвил мой друг.

— Но что касательно дела? — спросил Харламов.

— Кто-то из монахов, позарившись на реликвии, выкрал их все под покровом ночи, — предположил я.

— Монахи никогда бы не позарились на реликварий, полный столь ценных для их монастыря предметов. Настоятель поручился за них.

— А был ли кто-нибудь посторонний, не монах, в ту ночь в монастыре? — спросил Холмс.

— О, да. В ту ночь в монастыре остановились двое паломников. Они и вызывают больше всего подозрений. Один из монахов говорит, что видел как эти двое ходили по двору монастыря и осматривали стены, а потом активно обменивались жестами.

— Безусловно, в этом деле присутствуют очень интересные детали... Ватсон, надеюсь вы не против того, чтобы выбраться на

несколько дней в монастырь, тем более вас всегда интересовали христиане Востока.

— Безусловно, я буду очень рад познакомиться с этой древней и богатой культурой! — воскликнул я.

Наш экипаж продвигался по, несмотря на холод, запруженным улицам. Шёл снег, и по одежде горожан можно было судить о морозной погоде. Экипаж Харламова был оборудован отопительной системой, которая вызвала интерес Холмса. Выяснилось, что в России такие устройства в экипажах пользуются популярностью, и используются вот уже более ста лет.

Через полчаса мы прибыли на вокзал. Мы хотели купить билеты, и спросили у Харламова, на какой поезд нам их брать. Харламов ответил, что этого делать не нужно, и провёл нас к небольшому составу, состоящему из трёх вагонов. Мы сели в последний вагон, отличавшийся особенной изящностью отделки. Внутри вагон представлял собой как будто кабинет, обставленный по последнему образцу. Харламов объяснил, что этот вагон принадлежал ему, как, впрочем и весь состав. Я сделал комплимент изысканности и роскоши обстановки.

Через два часа, проведённых в разговорах с нашим клиентом, мы, наконец, прибыли на место.

Выйдя из состава, я невольно закрыл глаза. Яркий солнечный свет отражался от белого снега, который заполнял всё поле. Осмотревшись, я смог разглядеть здание станции — небольшой, полузанесённый снегом домик. Около него стояли открытый санный экипаж, видимо дожидавшийся нас. По направлению движения поезда я мог разглядеть красивые купола городских церквей. Это была Коломна. За нашими спинами я увидел реку, закованную в лёд.

— Видимо, преступник решил увезти похищенный реликварий на поезде, предварительно доставив его сюда, — заметил Холмс. — Монастырь ведь совсем недалеко. Или же он хотел спрятать его в городе. Или же, провезти по льду реки.

Я удивился, потому что никакого монастыря не заметил, о чём не замедлил сказать Холмсу. Мой друг указал на точку на горизонте, и правда, я увидел слегка возвышающиеся, сливавшиеся со снегом стены. Можно было различить также несколько заснеженных островерхих крыш.

— Давайте поедem в монастырь, ведь я так хочу, чтобы преступник был как можно скорее пойман! — воскликнул Харламов.

Мы сели в экипаж, и всего лишь за пять минут он домчал нас до стен монастыря. Я уже успел убедиться в быстроте перемещения на санных экипажах.

У ворот нас поприветствовал человек в длинной рясе и с коричневой окладистой бородой. Харламов спустился к нему, и они трижды символически поцеловались. Монах, видимо это был он, указал на нас и что-то спросил. Харламов ответил. Монах ещё раз посмотрел на нас и снова что-то спросил. Харламов произнёс что-то вроде «полиция». Монах понимающе кивнул и сделал приглашающий жест. Мы вошли в монастырский двор. Харламов прошептал нам:

— Это Савелий, один из монахов. Он интересовался кто вы такие. Я сказал ему, что вы полицейские из Англии. Он, правда, спрашивал, верующие ли вы. Я ответил что да.

Наконец, мы приблизились к большому зданию, где, как объяснил купец, жили монахи. Надо пояснить, что монашество в России подразумевает довольно строгое держание обетов и соблюдение постов. В сочетании с тяжёлыми зимами, это очень сложное дело.

Холмс спросил:

— Можно мы сначала посмотрим место, где хранились ценности? Мне не терпится увидеть его...

Мы повернули в сторону храма с высокой колокольней. Когда мы подошли к воротам, Харламов посоветовал нам снять наши головные уборы, так как по традиции, в православных храмах мужчины пребывают исключительно с непокрытой головой. Сам же он трижды перекрестился, и, поклонившись, вошёл.

Тяжёлый, и в то же время приятный запах фимиама заполнял всё помещение. Перед иконами тускло светились лампы. Низкие сводчатые потолки около дверей сменились на высокий и великолепно расписанный потолок. Свет, падавший из небольших окошек под самым сводом, причудливо освещал роспись.

— Вы можете показать место, где находился похищенный реликварий?

— О да, это там, — ответил Харламов, указывая на место около одного из небольших углублённых окон, закрытых коваными решётками.

Холмс достал свою лупу и очень внимательно осмотрел пол. Наконец, он промолвил:

— Похоже, что преступников было двое.

— Как же вы пришли к такому выводу? — спросил купец.

— На полу остались царапины. Вероятно, этот похищенный предмет очень тяжёл, и одному человеку с ним было бы трудно справиться.

— Наверное, вы правы... — молвил Харламов, — разве что похититель был недюжинной силы.

— Разве что так... — задумчиво проговорил мой друг.

Наконец, минут через пять, Холмс убрал лупу.

— Больше нам тут нечего делать. Нужно бы спросить у настоятеля, что он думает по поводу этой ситуации.

Мы снова вышли на улицу и двинулись по направлению к зданию, к которому мы шли до того, как свернули в храм.

— Это место, где живёт настоятель, мистер Холмс — объяснил купец.

Мы вошли в здание, и, разоблачившись в холле, зашли внутрь. Мы увидели небольшую комнату, большую часть которой занимала большая и украшенная красивыми керамическими плитками печь. Комнату я разглядел лишь мельком, так как дверь быстро открылась, и в проёме появился, видимо, сам настоятель.

Это был солидного телосложения человек в возрасте. Длинные волосы его были убраны под чёрный головной убор, имеющий вид расширяющегося сверху цилиндра. Седая борода опускалась на грудь. Одет он был в чёрную рясу, а на длинной ленте у бедра справа у него висел матерчатый продолговатый прямоугольник красной ткани. Лицо же у клирика было властное, глаза пронзительно смотрели на нас с Холмсом.

Харламов приблизился к нему и поцеловал его руку. Настоятель спросил что-то по-русски у Харламова. Купец ответил, тоже по-русски. Тогда настоятель повернулся к нам и внятно произнёс что-то. Купец перевёл:

— Настоятель спрашивает вас, удалось ли господину Холмсу найти какие-нибудь зацепки?

— Да. Преступников было двое, и они очень тщательно подготовились к краже. Пока это всё, что дало мне место преступления. И из этого можно заключить что воры были хладнокровны, знали на что шли, и знали конструкцию монастырских помещений, максимально скрыв все улики на месте.

Харламов перевёл. Ответ последовал незамедлительно.

— Это те двое якобы «паломников»! То-то они все ошивались в помещениях! Их надо задержать!

— И правду, личности, судя по описанию, подозрительные — молвил Холмс, — где они сейчас?

— Это неизвестно. В последний раз их видели вчера вечером.

— Это очень странно, — сказал я: — они, наверное, и есть преступники.

Холмс рассмеялся:

— Вряд ли. Если он были бы преступниками, и планировали преступление, они бы не шатались по двору, привлекая к себе лишнее внимание. Нет, это не они, просто кто-то хочет чтобы мы так думали.

Харламов перевёл настоятелю это заявление моего друга. Клирик с недоверием посмотрел на него, вздохнул, и заговорил. Харламов перевёл нам всю его речь.

— Господин Холмс, я всё же не думаю так. Если это не те двое, то значит, это кто-то из моих монахов. Это было бы очень прискорбным, учитывая что мои подопечные — люди честные и отрёкшиеся от мира. Им не нужны драгоценности. Они не могли украсть этот реликварий. Они следуют заповедям.

Было видно, что мой друг задумался. Оно и не удивительно. Ведь он, не очень разбирающийся в религии, агностик, несомненно мерил здешних монахов по светским нормам, которые, как известно, значительно менее сковывают людей в действиях, чем нормы православной церкви России.

— Значит, вы точно не подозреваете никого из монахов? — наконец спросил он.

— Нет, не подозреваю, — резко ответил настоятель: — а теперь, нам нужно отправляться на трапезу.

— Что же, пожалуйста! Не смеем вас больше задерживать! — произнёс Холмс.

Когда мы все вместе выходили из домика, Харламов спросил:

— Можно, я тоже пойду в трапезную вместе с монахами? Как вы помните, угостив вас во время нашего пути, я сам так и не отведал пищи — так я волновался по поводу реликвария... Вы побывать в монастыре, пока что?

— Да, конечно! Только сначала скажите, где живут эти паломники?

— В келейном корпусе. Это то большое здание.

— Хорошо, мы найдём. Спасибо.

Итак, мы с Холмсом двинулись в сторону келейного корпуса. По пути мы встретили несколько монахов, шедших нам навстречу — трапезная располагалась неподалёку.

Пройдя, наконец к келейному корпусу, мы оставили в начале коридора свой багаж, рассчитывая, что заберём его потом. Наконец мы нашли нужную комнату — последнюю с левой стороны коридора.

— Думаю, господа паломники не будут против, если мы посмотрим место их обитания, — проговорил Холмс.

Дверь поддалась легко, так как заперта она не была.

Комната оказалась очень маленькой. Из правой стены торчал белый бок печи, который излучал тепло. У левой стены стояли две грубые кровати из дерева. Крошечное окошко в стене напротив двери освещало всю келью. За печью обнаружили две котомки, к которым мой друг проявил живейший интерес. Окинув взглядом всю комнату, он снова достал лупу и осмотрел место на полу сбоку одной из кроватей. По его заинтересованному лицу было видно, что он что-то обнаружил. Быстро распрямившись, он в два шага подскочил к котомкам и развязал одну из них.

— Но Холмс! — воскликнул я, — это же незаконно, и противоречит этике!

— Ватсон! Сейчас время действовать, а не разговаривать! Вы всё узнаете потом! — выпалил мой друг в гневе.

Я знал, что когда мой друг напал на след, его нельзя было отвлекать. Поэтому я смирился и продолжил наблюдать за действиями сыщика.

Тем временем Холмс достал из котомки книгу в красивом переплёте из кожи. Быстро пролистав все её страницы, он дошёл до конца, и наконец выхватил какую-то бумажку. Я подошёл поближе, чтобы рассмотреть её.

Это был начерченный от руки план какого-то сооружения. В левом нижнем углу его я увидел начерченный крест, который как будто отмечал что-то.

Мой друг рванулся с места, распахнул дверь, и побежал к выходу. Я бросился за ним. Мне оставалось только догадываться, что же он такое понял.

Холмс бежал по направлению к крепостной стене. Я следовал за ним. Наконец, добежав, он подскочил к какой-то двери в стене. Она не поддалась, тогда он ударил в неё плечом, я, подоспев, ударил в неё второй раз, помогая другу, и наконец, она слетела с петель, и мы ввалились в тёмное помещение. Холмс, не теряя ни минуты, ударил ногой в пол, чем сильно меня удивил.

— Ватсон! Скорее, тот железный прут!

Я схватил прут, стоявший около двери, подал его Холмсу, и он вставил его в щель между камнями пола. Вместе мы налегли на прут, и, к моему удивлению, плита приподнялась. Мы своротили её набок, а из открывшегося отверстия раздались голоса.

Холмс протянул вниз руку, и вытащил, держа за руку, к ещё большему моему удивлению, фигуру в куртке. Потом вторую, почти такую же, я помог ему вытащить этого человека. Оба выглядели жалко.

Они голосили по-русски, и понять их было невозможно. Холмс произнёс:

— Вот видите, Ватсон, я же говорил, что они не воры. Это кладоискатели. Мы только что спасли этих двух растяп от неминуемой гибели.

Один из них, услышав наш разговор, вдруг перешёл на немецкий (надо сказать, Холмс неплохо знал этот язык, я же понимал не всё, и мой талантливый друг переводил мне по возможности):

— Вы англичане? О, спасибо вам, дорогие сэры, что спасли нас. Но как же вы догадались, где нас искать?

— Моё имя Шерлок Холмс, и я английский сыщик, — произнёс Холмс с улыбкой.

— Вас послал нам Господь, — произнёс человек, — мы спустились в подземный ход ночью, и отправились по нему, рассчитывая найти клад, о котором говорилось в рукописи. Но наш путь преградил завал. Когда мы вернулись, плита вдруг оказалась на своём месте, отрезая нас от выхода. Мы пытались поднять её самостоятельно, но этого сделать не получилось. Мы звали на помощь, но никто нас не слышал.

— Какая же рукопись подвигла вас туда спуститься? — оживился Холмс.

— Бумага, которую мой друг обнаружил в библиотеке Коломны, она была вложена в книгу. В этой рукописи говорилось, что в подземных ходах этого монастыря, ранее выводивших к реке, хранится клад, положенный туда в давние времена. Это шлем великого героя земли нашей Дмитрия, основавшего этот монастырь. По преданию, от хода ответвляется ещё один коридор, ведущий в сокровищницу.

— Но плита, как она могла оказаться вновь на своём месте? — в нетерпении спросил я.

— Но это же очень просто, Ватсон! — ответил мой друг. — Кто-то из монахов поставил её назад, увидев беспорядок.

— Это невозможно, сэр, — произнёс человек. — Мы закрыли дверь за собой, да и в эту комнату редко заходят. К тому же была ночь, и было очень темно, шёл снег, вряд ли кто-то монахов пошёл бы специально проверять эту комнату.

— Тогда у меня для вас плохие новости, — медленно сказал Холмс, — Вас хотели убить, и специально уличили для этого момент.

— Как это?! — переполошился кладоискатель. — За что?

— Вот этого я пока не знаю, — сказал Холмс, поднимаясь на ноги. — Отправляйтесь к себе и отдохните. А мы с Ватсоном пока осмотрим помещение.

Незадачливые кладоискатели вышли, оставив нас с Холмсом в комнате одних. Мой друг подошёл к плите и, в свете из двери, принялся осматривать её со всех сторон.

— Очень любопытно... — проговорил он. — Чрезвычайно.

Наконец Холмс распрямился и сказал:

— Ватсон, вы не будете так любезны принести из моего саквояжа электрический фонарь?

Я согласился и вышел из здания, направляясь к комнате паломников, где Холмс и я оставили наш багаж. Монахи ещё не закончили службу, из храма раздавались песнопения. Я вновь зашёл в келейный корпус, быстро отыскал саквояж Холмса и склонился над ним. Моё внимание привлёк какой-то шум. Подняв голову, я увидел, что в конце коридора, боком ко мне стоит фигура в чёрном балахоне с капюшоном. Я очень удивился неожиданному появлению этой фигуры, но догадался, что человек меня не заметил, и мне стоит спрятаться и пронаблюдать за ним. Я отступил за угол, и стал наблюдать.

Фигура посмотрела в моём направлении, но в полутёмном коридоре было сложно толком что-либо разглядеть, к тому же я был очень осторожен, поэтому ничем не выдал своего присутствия. К сожалению, из-за той же полутьмы и я не смог рассмотреть лица, скрытого в тени капюшона. Единственное, что я смог различить, это то, что телосложение человека было очень крепким, это было видно даже сквозь мешковатость балахона.

Человек похоже не заметил меня, и, убедившись в том, что никто не наблюдает, осторожно приоткрыл дверь комнаты и вошёл. Я вспомнил, что та дверь вела в комнату паломников-кладоискателей! Судя по тому, что никто таинственному человеку не воспрепятствовал, кладоискатели ещё не вернулись, хотя Холмс и велел им пойти напрямиком в их комнату. Но эта мысль меня сейчас мало заботила, так как поведение человека в бала-

хоне было более чем необычным. Прошло около минуты, и фигура появилась вновь. Я, затаив дыхание, продолжал наблюдать. Человек двинулся по коридору в мою сторону, довольно быстро приближаясь. Я отодвинулся от угла и вжался в стену. Казалось, прошла бесконечность, прежде чем человек, наконец, вышел из-за угла. По счастью, он не заметил меня, прошёл к двери и вышел наружу. Я выдохнул с облегчением.

Когда, выждав около двух минут, чтобы загадочный человек успел уйти, и найдя фонарь, я, наконец, вернулся к Холмсу, он был сильно раздосадован.

— Ватсон, чёрт подери, где вас носило? — спросил он меня сурово.

— Холмс, вы не поверите! — сказал я, и пересказал ему то, что видел в келейном корпусе.

— И вы дали ему уйти?! — гневно спросил мой друг, — Ватсон, это запросто мог быть сам преступник!

— Холмс, я прошу у вас прощения, но я не мог задержать его просто так, голыми руками! Он был огромен, настоящий верзила!

— Хорошо что вы это заметили, — смягчившись произнёс Холмс, — это даёт нам некоторые зацепки.

— Да, кстати, вот ваш фонарь! — сказал я, вспомнив, собственно, цель моего похода.

— Спасибо, Ватсон, но он мне не понадобится. Я уже осмотрел плиту и лаз, придя к выводу, что дальнейшего изучения они не заслуживают. Давайте лучше отправимся искать этого загадочного верзилу, коего вы изволили упустить, — с улыбкой произнёс Холмс: — хотя, давайте-ка поставим плиту на место, а то вдруг кто опять вздумает в неё полезть.

Мы вдвоём приподняли край плиты, и, волоком передвинув её, поставили её на место.

— Ну вот, теперь мы можем отправляться.

Мы вышли в пустующий двор. Все монахи пока что были на службе. Холмс сказал:

— Очень странно. Ясно, что этот человек вряд ли является монахом — они все на молитвах, и отсутствие хотя бы одного из них было бы замечено.

— А может, это один из тех паломников? Хотя вряд ли — он бы не вёл себя так подозрительно, — вслух размышлял я, — Холмс, нам нужно обойти все здания двора!

— Мой дорогой Ватсон, это оказалось пустой тратой времени. Поиски такого рода бессмысленны. Конечно же, этот зага-

дочный человек предусмотрел место, где он мог бы спрятаться. Нам нужно расспросить кладоискателей о нём — ведь если он проявлял такое внимание к их персонам, то они должны были его заметить.

Вновь пройдя в келейный корпус, мы забрали наши чемоданы, сиротливо лежавшие в начале коридора, прошли к комнате кладоискателей. Я постучался. Через несколько секунд дверь отворилась, и перед нами предстал один из них. Теперь я смог рассмотреть авантюриста получше. Это был мужчина лет тридцати семи, веснушчатый, и с короткими русыми волосами. На его лице были пшеничные усы, глаза его были пронзительно голубыми.

— Здравствуйте, господин Холмс! — громко произнёс он, хотя на лице его читалось замешательство, — мы рады вас снова видеть!

— Здравствуйте, простите, не знаю вашего имени, — вежливо ответил Холмс, — мы с Ватсоном к вам по делу...

— Григорий Пименов, заходите пожалуйста! — весело сказал наш собеседник, — А это Степан, мой товарищ.

Друг Григория, высокий брюнет с задумчивым выражением лица, кивнул нам в знак приветствия. Он стоял у стены чуть поодаль.

Оба уже сменили наряд, и были в паломнических одеждах.

— Итак, я вижу что вы уже пришли в себя. Но меня интересует: вас кто-то преследовал здесь, в монастыре?

Кладоискатели переглянулись.

— Господин Холмс, мы хотели сами найти вас, чтобы рассказать... С самого первого дня всё пошло не так. Мы прибыли сюда накануне этого дерзкого похищения, и очень удивились, когда буквально через пару часов после нашего прибытия один из монахов стал посылать проклятия в адрес меня и моего друга, говорить что нас покарает Господь, и чтобы мы убирались отсюда, ну в этом духе. Тут-то стало ясно, что он понял, что мы не паломники! Видимо он принял нас за конкурентов...

— Конкурентов? — не понял я.

— Да, распознав что мы не являемся паломниками, а очень внимательно осматриваем монастырские сооружения, он подумал, что мы тоже хотим похитить этот реликварий! Вор судит всех по себе. Видимо, он долго планировал это похищение, и успел тайно, постригшись в монахи, проникнуть в монастырь! Да, это звучит невероятно, но мы спросили у остальных об этом

монахе. Он появился здесь недавно, буквально полгода назад. А как раз тогда по Москве прокатились слухи, что исчез знаменитый хитрованский плут Гаврила Ужик. Вот это он и есть! Звучит невероятно, но мы со Степаном уверены, что это именно Ужик, я недавно видел его портрет. Он очень гибок и ловок, но вместе с тем невероятно силен и высок, длинный, как змея. Отсюда и прозвище.

— Так значит, он запер вас в подземных ходах! И он же заходил сюда! — воскликнул я по-английски.

Взволнованный моей бурной реакцией, Григорий спросил у Холмса, что я сказал. Холмс перевёл на немецкий, так как я говорил на немецком из рук вон плохо, в то время как Холмсу это, казалось, не составляло ни малейшего труда.

— Это ужасно! — переполошился Григорий, — если бы мы не зашли кое-куда, чтобы... Ах, если бы мы сразу направились сюда...

— Вы скажите мне лучше, как здесь знают этого Гаврилу. Вы лично знаете его монашеское имя? — спросил Холмс.

— Его имя Николай, это мы узнали — произнёс Григорий.

— Воистину, он очень ловок, — произнёс Холмс: — но кое в чём ошибся. Ведь он мог украсть из храма ещё пару вещей, которые, бьюсь об заклад, ценнее реликвария с реликвиями вместе взятыми, ведь нам поведали, что главную реликвию из реликвария вынули как раз накануне похищения — как бы про себя произнёс Холмс, как ни странно, по-немецки.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге показался Харламов.

— Молитва закончилась, и настоятель Кирилл хочет вас видеть, — произнёс он, странно смотря на кладоискателей, и сказав им что-то по-русски.

Это он произнёс властным тоном, но очень мягким голосом. Надо отдать должное его мастерству разговора, так как оба кладоискателя покорно залепетали. Мы же вышли из кельи.

Настоятель уже поджидал нас в своём доме. Я видел, что он хочет продолжить начатый разговор. Для меня дело было предельно ясным, и я хотел, чтобы хитрого преступника как можно скорее поймали. Поэтому я, несмотря на удивлённый взгляд Холмса, воскликнул:

— Господин настоятель! Нам нужно знать, где сейчас монах Николай?

Харламов перевёл. Ответ поступил незамедлительно:

— У него преставилась матушка, и он отправился в город на похороны...

— Холмс! — вскричал я, — преступник сбежал!

Харламов разволновался:

— Монах — преступник?! Невероятно, но как же... Нам нужно как можно скорее его поймать!

Выскочив на улицу, мы с купцом через открытые ворота увидели, как вдали, уже около железнодорожной станции стоят сани — чёрная точка, и как по железной дороге в лес уходит поезд. До нас донёсся звук свистка...

— Упустили! — взревел купец.

Подоспевшие Холмс с настоятелем остановились около нас.

— Не волнуйтесь, — невозмутимо сказал Холмс, чем удивил и разгневал меня. Я хотел было уже взорваться, когда взгляд мой упал на настоятеля. Было видно, что он побледнел как полотно. Глаза его стали закатываться, он пошатнулся, но мы с Холмсом подхватили его, и быстро отнесли обратно в домик. Пожилой клирик был положен на кровать, где я занялся его осмотром.

— Нервное потрясение и обычное недомогание, — наконец поставил диагноз я: — джентльмены, попрошу вас удалиться ненадолго.

Харламов и Холмс вышли в соседнюю комнату, предоставив Кирилла мне. Когда я наконец убедился, что ему больше ничего не угрожает, я также оставил его отдыхать, а сам вышел к купцу и моему другу, беседовавшим о чём-то.

— А, Ватсон! Ну как, с ним всё нормально? — весело спросил Холмс.

Я мрачно посмотрел на своего друга. Некоторые его манеры выводили меня из себя.

— Дорогой Уотсон, не сердитесь! Пожалуйста, давайте совершим с вами и нашим дорогим клиентом Харламовым прогулку по двору? Уже стемнело, скоро вечер, а небо там прекрасное!

И вправду, я просидел с настоятелем больше двух часов. Вернее, три с половиной. А сам и не заметил.

Выйдя во двор, мы около минуты смотрели на великолепное, словно усыпанное бриллиантами небо, как вдруг Холмс сказал:

— Пойдёмте в храм. Я хочу ещё раз взглянуть на его архитектуру. Господин Харламов, мне стало интересно после вашего рассказа.

Открыв незапертую дверь, мы все вместе вошли внутрь. Темнота, скудно освещаемая несколькими горящими лампадами, приняла нас. Лампады освещали лики святых, которые, казалось, смотрели на нас с укоризной.

— А теперь, прошу, пожалуйста сюда, — прошептал Холмс, заводя нас в закуток справа от входа в зал, — Присядем.

— Что это за фарс вы разыгрываете, Холмс! — не выдержал я.

— Тише! Всё узнаете! Господин Харламов уже посвящён в курс дела, но вам лучше не говорить, а то вы можете ошибиться, действуя по своим мыслям — ответил Холмс шёпотом, в котором я уловил иронию, и в тот же момент я ощутил какой-то вес. Это был мой револьвер, который Холмс аккуратно вложил в мой карман.

Я замолчал и напрягся в ожидании. Вот-вот должно было произойти что-то необычайное.

По ощущению, прошло около часа, прежде чем я вдруг услышал из-за своей спины, хотя там была стена, чей-то шёпот. Говорили по-русски, и я ничего не понимал, но было слышно каждое слово.

Я подумал, что у меня начались галлюцинации от перенапряжения, но Харламов и Холмс, похоже, тоже слышали этот шёпот. Харламов, сидевший справа от меня, схватил мой локоть стальной хваткой. Я почувствовал, что он был в гневе.

Холмс распрямился и вышел из закутка, идя в центр зала. Шёпот за моей спиной стих. Я весь замер. Наконец кто-то прошептал по-немецки:

— Господь покарает тебя за то, что препятствуешь воле Его! Господи, я орудие в руках твоих, волю Твою исполняю, Аминь!

Тут раздался непонятного рода звук, что-то звякнуло, и раздался крик Холмса:

— Ватсон!

Объяснять не надо было. Я вскочил с револьвером в руке, в два шага выбежал из закутка, и... замер на секунду. Откуда шёл голос? Из-за того, что часть звука исходила, так сказать, из-за моей спины была, я дезориентировался. Но тут мне помог купец, выскочивший из укрытия сразу за мной. Яркий, холодный, электрический свет брызнул вперёд, освещая Холмса, заламывающего руки... Григорию. Кладоискатель лежал на полу, как будто читая молитвы. Неподалёку на полу лежал тяжёлый подсвечник. Вид у Григория был безумный.

— Ловите второго! — крикнул Холмс.

Я оглянулся, и увидел фигуру, темнеющую в дверном проёме. Я бросился туда, и в два прыжка настиг убегающего Степана. Он сражался как лев, но подоспел Харламов, и мы вместе скрутили негодяя.

Раздались крики, видимо кто-то из монахов увидел, как мы поймали Степана. Сбегалась вся братия.

И вот, буквально через четверть часа, когда преступники были помещены в одну из комнат дома настоятеля и заперты там, реликварий, оказавшийся спрятанным в подземном ходу, что Холмс также угадал, стоял перед нами на столе. Это был ларец из чистого серебра, отделанный драгоценными камнями и слоновой костью. Крышка реликвария была заперта на замок, я видел замочную скважину.

— Вот почему преступники унесли его весь, я всё ломал над этим голову. Как вы видите, около замочной скважины заметны следы чего-то острого. Видимо, эти двое пытались вскрыть замок, но у них ничего не получилось, а излишне шуметь они не решились. Давайте же посмотрим, что внутри, мне очень интересно.

Настоятель, к тому моменту уже оправившийся от недомогания, которому перевели просьбу Холмса, подошёл к столу, взял с него связку ключей и, выбрав один, вставил его в скважину. Откинули крышку.

Внутри реликварий был разделён на сегменты металлическими перегородками. В ячейках лежали различные камни, некоторые очень красивые, и другие предметы — что-то вроде металлического гвоздя, небольшой крест, и прочие безделицы, по крайней мере, так мне показалось. Каждая ячейка сопровождалась бумажкой с надписью.

— Всё цело? — спросил мой друг, — вы могли бы перевести мне названия предметов?

— Да, всё в порядке, — сказал купец. Ничего не пропало. Сейчас я зачитаю.

Харламов начал переводить:

— Частица мраморной плиты с Гроба Господня из Иерусалима, камень с отпечатком Неопалимой Купины с горы Синай, частица камня из монастыря преподобного Георгия Хозевита, камень «слеза Моисея», камень с Сорокадневной горы, камень из дома Иоанна Богослова, камень из пещеры праведной Тавифы, частица камня с Божественной Голгофы, камень с горы Фавор,

камень зелёного хрусталя с Соловецкого острова, раковины из Тивериадского моря...

— Хм... Я всё равно не очень понимаю, что из внутреннего содержания могло привлечь этих двоих... Я хотел бы спросить у них самих. Видите ли, в Лондоне я видел многие из подобных этим камней в колониальных и антикварных магазинах — и они не стоили и фунта каждый. Поэтому, прошу вас, дайте мне побеседовать с ними.

Мы отперли дверь и вошли в комнату заточения «паломников-кладоискателей». К нашему удивлению, они стояли на коленях перед иконой и усиленно крестились. Холмс взгляделся и вдруг сказал:

— Они как-то не так крестятся. Я видел, что все монахи делают это по-другому.

Харламов взгляделся и тоже с удивлением произнёс что-то по-русски, чем переполошил все присутствующих, кроме самих паломников. Потом он перевёл:

— Это староверы! Они исповедуют дореформенное православие. После религиозной реформы Никона они ушли в подполье. Их действия часто очень радикальны. Вы заметили, что они используют для крестного знамения два пальца вместо трёх, это их отличительная черта. Холмс, они ведь не могут быть обычными преступниками! У них явно были другие цели!

— Да, пожалуй, — сказал Холмс, — эй, вы! Зачем вам был нужен реликварий?

Григорий не ответил, но Степан повернулся к нам и прошипел что-то по-русски. Настоятель в ответ начал гневно говорить, похоже, он ругал Степана. Наконец, когда он умолк, к нам повернулся уже Григорий, и произнёс по-русски (Харламов, как всегда, переводил) следующий монолог:

— Прежде чем что-то говорить о нас, безбожники, посмотрите на себя. Вы изменили истинной вере. И вы самые настоящие воруны. Мы хотели лишь вернуть то, что принадлежит нам по праву. Нас послали старцы. Мы хотели вернуть подлинную реликвию, которую вы, слепцы, сочли никчёмной безделицей, тогда как эта реликвия стоит всего вашего безбожного монастыря вместе взятого. Это частица хрустального креста с Соловецкого острова! И вы ещё обозвали это каким-то камнем! Вы изменники истинной веры, да и глупцы!

Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не неожиданное появление четырёх посторонних человек. Все они были оде-

ты в форменные шинели. Я понял, что это были полицейские, за которыми, несмотря на позднее время, послали. Они подошли к фанатикам и быстро вывели их из комнаты. Один из полицейских остался и подошёл к отцу Кириллу и перебросился с ним парой слов. Кирилл смотрел мрачно, но полицейский улыбнулся ему подружески и немного фамильярно поклонился. По важному виду полицейского, по его усам и бакенбардам, а также, богатой выделке платья я понял, что это сам полицмейстер города. Он подошёл к нам с Холмсом и обратился к нам на английском, не очень правильном, с акцентом, но хорошо понятном.

— Господин Холмс? Я очень рад, что вы почтили наш маленький город своим присутствием. Всё наше управление наводнено слухами о ваших делах, и многие следователи вдохновлялись описаниями ваших дел вашим товарищем (тут он вежливо подал мне руку и улыбнулся от души), и раскрывали дела с помощью вашего метода. Я польщён тем, что вы поймали этих двоих — они являются опасными фанатиками, и я не знаю, что они ещё могли бы вытворить.

— Не стоит благодарности! — сказал Холмс.

Полицейский откланялся и вышел из комнаты.

— Если вы желаете, время ведь позднее, вы сможете остановиться на ночь в городе, в моём имении! — раздайся голос Харламова.

— Я уверен, Ватсон хочет отдохнуть и съесть чего-нибудь, верно, мой друг? — задал Холмс риторический вопрос, и тут я ощутил, насколько устал.

Последовала сцена прощания с настоятелем, пребывавшим в великой радости, и затем, выйдя из дома, мы сели в экипаж полиции, и вскоре уже двигались по тёмному полю навстречу огонькам города. Холмс пристально посмотрел на сидящих напротив нас, между полицейскими, воров, уже связанных.

— Ваша работа! — весело сказал полицмейстер моему другу, — вы и вправду великий сыщик! Для вас мне ничего не жалко сделать!

— Раз так, — промолвил Холмс, — то отпустите их.

— Как так? — охнул полицмейстер, явно не ожидавший (впрочем, как и я) такого поворота.

— Я серьёзно. Посмотрите на них. Это люди, настолько глубоко верующие, что пошли на преступление. Но ведь оно было предотвращено. Вот представьте, если бы, скажем, кто-то из людей вашей, новой веры совершил похожий поступок во имя её,

то его бы назвали героем, разве не так? Поменяйте точку зрения. Эти люди виноваты, но они не причинили ровно никакого ущерба. Они не преступники. Прошу вас, сдержите своё слово, не выдвигайте обвинения. А лучше, отпустите этих двоих завтра же. Проследите, чтобы они уехали, но не преследуйте их. — Вы... Вы благородный человек, господин Холмс! — наконец сказал полицмейстер, — это, конечно же, будет нарушением, но... Тут начальник полиции приказал что-то по-русски, экипаж остановился, и... к моему величайшему удивлению, полицейские стали развязывать фанатиков! Наконец, оба оказались на свободе, удивлённые не меньше меня и конвоиров. Харламов же, как ни странно, одобрительно смотрел на Холмса. Холмс выпрыгнул из экипажа и поманил за собой незадачливых похитителей. Они, всё ещё удивлённые, последовали за моим другом. Я видел, как он прошептал что-то им, а потом произошло нечто совсем удивительное: оба старовера упали на колени перед Холмсом, и отбили поклон! Холмс поднял их, пожал обеим руки, и вскоре двое исчезли в темноте. — Холмс! Они же вернуться и всё-таки выкрадут реликварий! — вскричал я. — Успокойтесь, Ватсон. Не вернуться, — с загадочным выражением на лице сказал мой друг, забираясь обратно. Харламов смотрел на Холмса с неподдельным восхищением.

— Но Холмс, как же вам удалось распознать преступников в этих, казалось бы безобидных людях, якобы чуть не павших жертвами какого-то монаха? — спросил я, когда мы с Холмсом, распрощавшись с купцом, который к слову, щедро одарил Холмса, уселись в кресла перед камином номере московской гостиницы.

— Это было очень просто, мой друг. Но давайте всё по порядку. Как вы помните, когда мы зашли в комнату, я в первую очередь осмотрел пол около кроватей. Я обнаружил там песок и каменную крошку, что навело меня на мысль о том, что исчезновение «паломников» как-то связано с древними сооружениями. Листочек, который я достал из той книги, подтвердил мои догадки. На нём было отмечено место входа в подземные ходы. Я сразу же догадался, что отсутствие «кладоискателей» обусловлено тем, что либо с ними приключилась беда, либо что они занимаются исследованием подземных ходов. Я поспешил, так как полагал, что они случайно заперлись, и их жизням угрожает опасность. Итак, мы с вами подняли плиту и помогли выбраться этим двоим. Я посчитал, что их намеренно заперли там. Первые подо-

зрения во мне возбудила эта нелепая легенда о кладе. Если бы сведения о кладе можно было бы найти в библиотеке, то о том, что сам клад ещё не нашли, можно было лишь мечтать. Итак, я отослал их к себе, выждал немного, и послал уже вас за фонарём. Это была моя небольшая хитрость, так как я надеялся, что вы сможете увидеть что-нибудь подозрительное в келейном корпусе. Надо сказать, что эти двое обладают неплохой смекалкой. Увидев наш багаж, у одного из них, полагаю, Григория, появилась идея. Он предложил своему сообщнику набросить на плечи балахон, и терпеливо дожидаться вашего появления...

— Почему именно моего? — спросил я.

— Ну это же очень просто, Ватсон! Они рассчитали, что раз вы мой ассистент, то вы и появитесь около багажа, когда мне что-нибудь понадобится. Так вот, когда вы вошли, заметили фигуру, и стали наблюдать за её действиями. Надо сказать, что человек тоже вас заметил, но виду не подал, ведь его целью было ввести вас в заблуждение, а значит сбить и меня со следа. Итак, этот Степан, прячась под балахоном, совершил свой спектакль. Конечно же, вы сразу рассказали мне об этом случае.

— Но Холмс, этот таинственный человек фигурой не очень походил на Степана! Он был массивнее!

— Дорогой Ватсон, вы забыли сделать скидку на то, что под балахоном у Степана была куртка. Ну так вот, меня очень смутило во всём этом то, что ни вы, ни таинственный человек, выходя из келейного корпуса, не заметили этих двоих. Чтобы подтвердить некоторые свои догадки, я вместе с вами поставил плиту на место. Она оказалась не очень тяжёлой, и такие люди как Григорий и Степан, по фигурам их я, кстати, понял, что они оба занимались тяжёлой атлетикой раньше, вполне могли бы поднять эту плиту снизу, ведь от уровня земли до пола ходов под люком расстояние меньше человеческого роста. Итак, у меня начала выстраиваться картина происходящего. Эти двое были похитителями. Их первоначальный замысел заключался в том, чтобы под покровом ночи выкрасть реликварий, это было нелегко, так как двери храма не запирают на ночь, в отличие от ворот, за которыми после пропажи реликвария ещё и начали следить. Итак, реликварий был похищен, оставалось лишь вывезти его. Это было бы непросто, но для этой цели хитрецы предусмотрели подземный ход. Видите ли, Ватсон, этот монастырь ранее использовался как крепость. Подземный ход был вырыт для того, чтобы можно было общаться с внешним миром в случае осады. Несомненно, ход ранее выходил к реке. Им и решили воспользо-

ваться вору, чтобы вынести похищенные ценности, и скрыться в неизвестном направлении. Вещи они оставили в келье, так как это помогло бы ненадолго ввести в заблуждение тех, кто принялся бы выяснять, куда они пропали. Но в ночь похищения преступники лишь спрятали реликварий, они хотели побыть ещё день на виду, чтобы обеспечить себе некую долю безопасности, ведь они догадались, что полиция в первый день обыщет все окрестности монастыря, и не даст ворами скрыться. Надо сказать, что они не могли предвидеть, что полиция откажется помогать в поисках, но это сейчас не очень важно. Преступников настигло невезение — видимо в ту снежную ночь ход обвалился, не позволяя им выйти к реке. Ну так вот, во вторую ночь преступники спустились вниз, реликварий уже был спрятан там, в подземном ходу — там мы его и нашли. Закрыв за собой люк, они ведь уже не собирались возвращаться, похитители двинулись по ходу, и даже отошли на большое расстояние, прежде чем наткнулись на завалы. Идти дальше было нельзя. Им пришлось вернуться. Но удивительное стечение обстоятельств! Они услышали, как мы вбежали в верхнюю комнату. Им хватило пяти секунд, чтобы кое-как спрятать реликварий, и загасить лампу. Потом им осталось лишь применить легенду, которую они подготовили на случай обнаружения хода кем-то ещё — что они кладоискатели. Что было дальше, я уже рассказал, разве что забыл упомянуть, зачем я завёл тот разговор о главной реликвии, которую якобы вынули за день до похищения. Конечно, я мог бы сразу же вывести этих голубчиков на чистую воду, но почему-то мне захотелось сделать это красиво. Поэтому я и выманил той ночью в храм. Таким образом, и наш клиент, и вы убедились в их вине, в которой они сами сознались своими действиями!

— По-моему, вы зря рисковали жизнью, — сказал я.

— Ни в коем случае. Этот Григорий был слишком самоуверен, но его глаза тогда ещё не привыкли к темноте, и он действовал наполовину вслепую. Он замахнулся на меня подсвечником, и открыл лицо. Поэтому мне было очень легко отправить его в нокдаун, — улыбаясь сказал Холмс, — кстати, вы наверняка заметили, что звуки в этом храме идут как бы от стен, даже когда человек говорит шёпотом. Это обусловлено особенной конструкцией стен. Они и придают звуку специфические обертона, также усиливая его, даже сказанное шёпотом там прекрасно различимо. Этот храм называют «Храмом поющих ангелов». Именно задумка мастеров окончательно вывела воров на чистую воду.

— Холмс, я очень рад, что вы избавились от скуки, начавшей вами завладевать, — сказал я.

— Это так, дорогой друг. Хотя дело было и несложным, но весьма экзотическим. Одного я не знал во всей этой истории — что эти двое вовсе не заурядные воры, а религиозные фанатики. Видите ли, Ватсон, они охотились за тем куском зелёного хрустала. Я навёл справки, и выяснилось, что некий крест из такого же материала ранее находился в так называемом Соловецком монастыре, на северных островах, и после взятия монастыря реформаторами был тайно вывезен оттуда. Ходили слухи, что его вывезли староверы-купцы, и после этого он хранился в некоей общине в Австрии. Как вы наверняка поняли, оттуда же приехал Григорий — его немецкий был с ярко выраженным акцентом, свойственным жителям Австрии...

— Неисповедимы пути Господни! — сказал я.

— Кстати, о путях. Нам с вами нужно продолжать путешествие. Как насчёт того, чтобы завтра выдвинуться в Казань?

— Холмс, неужели следующее дело заведёт нас в мечеть? — спросил я с улыбкой.

— Кто знает, мой друг — благодушно и с улыбкой ответил мой друг, и, пожав плечами, раскурил трубку. Наверняка он, как обычно, стал о чём-то думать.

Я же, открыв записную книжку, начал записывать подробности дела о храме «Поющих ангелов». Внезапно догадка осенила меня:

— Холмс, когда вы отпустили фанатиков, вы...

— Верно, я передал им ту самую часть креста, за которой они охотились, предварительно заменив его кусочком стекла подобного размера и формы. Думаю, монахи рано или поздно заметят природу этой реликвии, и тогда, возможно, появится анекдот, что староверы пытались похитить реликварий ради куска стекла.

Я, многого мог ожидать от своего друга, но...

— Вы понимаете, Ватсон, реликвию, можно сказать, похитили у староверов. Поэтому, поступив по справедливости — вернув её законным владельцам, я поступил более законно, нежели полиция могла бы, не обладая чётким видением ситуации... Харламов, надо сказать, всё видел, и, по его словам в нашем разговоре один на один, высоко оценил сей небольшой поступок. Справедливость есть справедливость, не так ли?

*Писано Иваном Москалёвым
в Москве, 2009 года, июлем-сентябрём месяцами.*

Майкл Шейбон Окончательное решение ²¹

I

По рельсам неторопливо, как будто о чём-то мечтая, шёл мальчик с попугаем на плече. Размахивал рукой с зажатой в кулаке ромашкой. С каждым шагом он погружал носок ботинка в гравий железнодорожного полотна, словно измеряя пройденный путь по этим чётким, аккуратным отметинам. Стояла середина лета. Было что-то в чёрных волосах и бледном лице мальчика на фоне развернувшейся, точно зелёный флаг, гряды известковых холмов, в кружащемся белом глазу ромашки, в узловатых коленках, торчащих из-под коротких шорт, в важно восседающем сером красавце-попугае с диким ярко-красным пером в хвосте, что очаровало старика. Очаровало или пробудило чувство — то самое, что когда-то прославило его на всю Европу — предвидения некоей аномалии.

Старик опустил последний номер журнала «Британское пчеловодство» на плед из шерсти шотландской овцы, покрывавший его узловатые, но далеко не очаровательные колени, и приблизил длинное костлявое лицо к оконной раме. Пути — заглохшая подъездная ветка Южной железной дороги на линии Брайтон-Истбурн — тянулись по насыпи в ста ярдах к северу от дома, между бетонными столбами с проволочным ограждением. Старик смотрел сквозь древнее стекло, покрытое рябью и пузырьками, которые искажали, делая смешным, мир снаружи. Но даже сквозь это кривое стекло он впервые, как ему казалось, видел столь близких друг другу двух существ, спокойно наслаждавшихся солнечным летним днём.

Ещё его поразила явная тишина, которую оба они старались не нарушать. Ему представлялось вполне вероятным, что в группе, включающей африканского серого попугая — птицу знаменитую своей болтливостью — и мальчика девяти или десяти лет, в любой момент либо один, либо другой должен что-нибудь говорить. И в этом состояла другая аномалия. Что же касается возможных последствий, то этого старик — хотя и обеспечивший себе состояние и репутацию длинной и блистательной серией экстраполяций из невероятных группировок различных фактов — не мог, никак не мог предсказать.

²¹ Перевод: Нина Жутовская, журнал «Звезда» 2005, № 4

Оказавшись почти на одной линии с окном, ярдах в ста от дома, мальчик остановился и повернулся. Его узкая спина перед глазами старика словно ощущала на себе взгляд последнего. Со странно воробьятым видом попугай посмотрел сначала на восток, потом на запад. Мальчишка что-то замышлял. Сгорбленные плечи, согнутые перед каким-то делом колени. Таинственное было это дело — удалённое во времени, но очень знакомое... Да...

Заработал беззубый механизм; зазвучал расстроенный «Стейнвей»: контактный рельс.

Даже в такой душный день, когда прохлада и сырость не беспокоят суставов, скрепляющих стариковские кости, было бы долгим, требующим особого старания предприятием подняться из кресла, преодолеть залежалые шаткие кипы холостяцкого барахла — дешёвые, но достойные уважения газеты, брюки, пузырьки со смягчающими мазями и таблетками для печени, учёные ежегодники и ежеквартальные издания, тарелки с крошками, — из-за которого совсем непросто было пройти через гостиную и открыть дверь, ведущую наружу. Правду сказать, устрашающая перспектива путешествия от кресла до порога была одной из причин его крайне скудного общения с миром в тех редких случаях, когда мир этот, осторожно взявшись за медное дверное кольцо, отлитое в форме негостеприимной гигантской *apis dorsata*²², звонил в колокольчик. В девяти случаях из десяти он сидел, прислушиваясь к смущённому бормотанию и шороху за дверью, напоминая себе, что ради очень немногих из тех, что ещё живут на этом свете, он по собственной воле рискнёт подцепить носком домашнюю туфлю с коврика у камина и бросить на холодный каменный пол то небольшое, что осталось от его жизни. Но когда мальчик с попугаем на плече приготовился соединить своё скромное собрание электронов с потоком в миллион вольт, перекачиваемым по контактному рельсу от железнодорожной электростанции на реке Уз, что в окрестностях Льюиса, старик вскочил из кресла с таким необыкновенным проворством, что кости его левого бедра устрашающе закрипели. Плед и журнал соскользнули на пол.

Стоя на ногах, лишённый кресла, он качнулся и потянулся было к дверной задвижке, хотя, чтобы до неё добраться, ему ещё предстояло пройти через всю комнату. Слабеющие реснички его кровеносной системы заработали что есть силы, чтобы обеспечить необходимым количеством крови вознёсшийся в высоту

²² Пчела большая индийская (*лат.*).

мозг. В ушах зазвенело, колени заныли, острая боль пронзила ступни. Шатаясь, как обыкновенно случается при головокружении — так ему подумалось, — он кинулся к выходу и рванул дверь, поранив при этом ноготь правого указательного пальца.

— Эй, мальчик! — закричал он, и голос, который он услышал, показался даже ему самому брюзжащим, сиплым, с налётом слабоумия. — А ну, стой сейчас же!

Мальчик обернулся. Одной рукой он схватился за ширинку, другой отбросил ромашку. Попугай перешёл с плеча к нему на спину, словно намереваясь спрятаться за мальчишеским затылком.

— Как ты думаешь, зачем тут забор поставили, а? — сказал старик, понимая, впрочем, что за этими заборами не следили с начала войны и состояние их весьма плачевно вдоль всей полосы отчуждения миль на десять как в одну, так и в другую сторону. — Ради всего святого, ты поджаришься, как корюшка!

Ковыляя через двор к мальчику, стоявшему на путях, он и не заметил, как сильно стучит сердце. Или, вернее, с тревогой заметил, а потом заглушил тревогу грубостью:

— Представляю, какая будет вонница.

Выбросив цветок и пряча всё ценное в маленьком убежище за молнией, мальчик стоял неподвижно. К старику обратилось бледное и пустое, как дно нищенской жестяной кружки, лицо. До слуха доносилось ровное позвякивание молочных бидонов на ферме Саттерли, расположенной в четверти мили, возбуждённое шуршание ласточек под его собственной кровлей и, как всегда, бесконечная возня в ульях. Мальчик переступил с ноги на ногу, как будто подыскивая подходящие слова. Открыл рот и снова закрыл. Наконец заговорил попугай.

— Zwei, eins, sieben, fünf, vier, sieben, drei²³, — произнёс он неожиданно мягким, грудным голосом, чуть-чуть шепелявя.

Мальчик стоял, как бы прислушиваясь к словам попугая, хотя выражение его лица не стало ни более сосредоточенным, ни более озадаченным.

— Vier, acht, vier, neun, eins, eins, sieben²⁴.

Старик моргнул. Немецкие слова прозвучали столь неожиданно, в буквальном смысле столь не от мира сего, что на мгновение они зафиксировались в сознании лишь как череда неосто-

²³ Два, один, семь, пять, четыре, семь, три (нем.).

²⁴ Четыре, восемь, четыре, девять, один, один, семь (нем.).

рожных звуков, дикого птичьего бормотания, лишённого всякого смысла.

— Bist du Deutche?²⁵ — наконец выговорил старик, не будучи вполне уверенным, к кому именно обращается — к мальчику или птице. Последний раз он говорил по-немецки лет тридцать назад, и теперь чувствовал, как слова падают с верхней полки памяти, завёрнутые из-за длительной не востребоваемости в пыльный креп.

Осторожно, с первыми признаками эмоций во взгляде мальчик кивнул.

Старик сунул в рот пораненный палец и принялся его сосать, не отдавая себе отчёта в том, что делает, и не замечая солёного привкуса собственной крови. Встреча с одиноким немцем в Южном Даунсе в июле 1944 года, к тому же мальчиком, — вот загадка, пробудившая в нём былую пылкость и энергию. Он был рад, что поднял свою согбенную славу из коварных объятий кресла.

— Как ты сюда забрался? — спросил старик. — Куда идёшь? И откуда, бог ты мой, у тебя попугай?

Потом каждый вопрос он с переменным успехом перевёл на немецкий.

Мальчик стоял, слегка улыбаясь и почёсывая затылок попугаю двумя смуглыми пальцами. Сосредоточенность его молчания свидетельствовала о чём-то большем, нежели простое нежелание разговаривать. Старик подумал, что перед ним не столько немец, сколько умственно отсталый, неспособный издавать осмысленные сочетания звуков. И ему пришло в голову провести нечто вроде эксперимента. Он протянул вперёд руку, давая ребёнку понять, что следует подождать его здесь. Затем вновь удалился во мрак своего дома. В боковом шкафчике, стоявшем за покорёженным металлическим ведёрком для угля, где когда-то хранились курительные трубки, старик разыскал жестянку с фиолетовыми пастилками, покрытую, словно мехом, пылью, — на её крышке был проштампован портрет английского генерала, чья великая победа давно уже не имела никакого отношения к современному положению дел в Британской империи. По стариковской сетчатке плавали пёстрые пятнышки и головастики — реакция на воздействие летнего солнечного света и яркого перевёрнутого явления мальчика с попугаем на плече. Вдруг он воспринял себя таким, каким видел его мальчик, брызжащим вели-

²⁵ Ты немец? (нем.)

каном-людоедом, вылезавшим из тёмного дома с соломенной крышей, как в сказке братьев Гримм, со ржавой коробочкой подозрительных конфет в костлявой, когтистой лапе. Выйдя вновь на свет, он был удивлён и одновременно обрадован, найдя мальчика на том же месте.

— Вот, — сказал он, протягивая жестянку. — Много лет прошло, но в моё время конфеты считались чем-то вроде детского эсперанто. — Он ухмыльнулся, безусловно, кривой и людоедской ухмылкой. — Иди сюда. Съешь пастилку. Ну-ка, ну-ка, давай.

Мальчик кивнул, пересёк песчаный дворик и взял конфету из коробки. Он съел три или четыре маленькие горошинки, а потом в знак благодарности поклонился со значительным видом. Немой, что-то не в порядке с голосовым аппаратом.

— Bitte²⁶, — сказал старик, и впервые за очень много лет его сердце охватила старая тревога, смешанное чувство нетерпения и удовольствия, вызванное великолепным нежеланием окружающего мира отдавать без борьбы свои тайны. — Ну а теперь, — продолжал он, облизывая пересохшие губы с истинно людоедским видом, — расскажи, как это ты оказался так далеко от дома.

Во рту у мальчика, стуча о маленькие зубы, как бусинки, перекатывались конфеты. Попугай с нежностью водил томатно-красным клювом по его волосам. Мальчик вздохнул, на мгновение плечи его поднялись и опустились, словно он извинялся. Потом он повернулся и пошёл назад, туда, откуда пришёл.

— Neun, neun, drei, acht, zwei, sechs, sieben²⁷, — говорил попугай, пока они уходили в колышавшийся зелёный простор летнего дня.

II

Было так много странностей за воскресным обедом у Пэникеров, что мистер Шейн, вновь прибывший постоялец, вызвал подозрения у другого постояльца, мистера Паркинса, именно тем, что подчёркнуто не обращал на них никакого внимания. Шейн широким шагом вошёл в столовую: видный румяный парень, заставлявший жутко скрипеть доски пола, по которым ступал, и выглядевший как человек, остро ощущавший отсутствие под собой лошадки-пони. Волосы у него были медно-рыжие и подстрижены очень коротко, а в его речи чувствовалось нечто

²⁶ Пожалуйста (нем.).

²⁷ Девять, девять, три, восемь, два, шесть, семь (нем.).

неопределённо колониальное, этакая гнусавость обитателя казармы или золотых приисков. Он кивнул поочерёдно Паркинсу, молодому Лайнусу Штейнману и Реджи Пэникеру, затем плюхнулся на стул, как мальчишка на спину школьному товарищу, чтобы тот покатал его по лужайке. И тут же затеял разговор со старшим Пэникером об американских розах, предмете, о котором, как он с лёгкостью признался, не имел ни малейшего представления. Только неисчерпаемый запас самообладания или же патологическое отсутствие любопытства, по мнению Паркинса, могли объяснить почти полное безразличие, которое демонстрировал мистер Шейн, назвавшийся представителем йоркширской фирмы «Чедбурн и Джоунс», путешествующим по делам поставок оборудования для молочных ферм, к своему собеседнику мистеру Пэникеру, малайцу из индийского штата Кералы, чёрному, как каблук, и — одновременно — англиканскому викарию, представителю высокой церкви²⁸. Точно так же, видимо, учтивость или глупость мешали ему заметить и мрачный вид, с которым Реджи Пэникер, взрослый сын викария, расковыривает концом рыбного ножа большую дыру в кружевной скатерти, и присутствие за столом немого девятилетнего мальчика, чьё лицо напоминало пустую последнюю страницу из книги скорбей человеческих. Но то, что мистер Шейн так мало внимания обращал на Бруно, уж вовсе не давало возможности мистеру Паркинсу считать нового жильца тем, за кого он себя выдаёт. Ни один человек не мог быть совершенно безразличным к Бруно, даже если птица, как сейчас, всего лишь декламировала отрывки из стихов Гёте и Шиллера, известные каждому немецкому школьнику старше семи лет. Мистер Паркинс, имевший на то собственные причины, давно уже держал африканского серого попугая под пристальным наблюдением и сразу увидел в новом постояльце потенциального соперника в своих непрекращающихся попытках разрешить глубочайшую и дразнящую тайну этой удивительной африканской птицы. Ясно, что Кто-то очень важный услышал о цифрах и отправил мистера Шейна разузнать, в чём тут дело.

— А вот и я. — В столовую с фарфоровой супницей в руках мерным шагом вошла миссис Пэникер. Это была крупная, некрасивая уроженка Оксфордшира со светло-жёлтыми волосами, чья невероятная увлечённость тридцатилетней давности заставила её выйти замуж за серьёзного молодого индуса с чёрны-

²⁸ Направление англиканской церкви, тяготеющее к католицизму (Примеч. перев.).

ми, как угли, глазами, помощника её отца-священника, но принесла слишком маленький, твёрдый и толстокожий, по сравнению со спелыми папайями, плод, о котором, вдыхая аромат напояженных волос мистера К. Т. Пэникера летним вечером 1913 года, она позволила себе мечтать. Но у неё был прекрасный стол, достойный большего числа квартирантов, чем снимавшие теперь комнаты у Пэникеров. Семейство жило небогато; местный викарий, будучи цветным, популярностью не пользовался, прихожане отличались крайней прижимистостью, и Пэникеры, несмотря на расчётливость и строгую бережливость хозяйки дома, были, к вящему их неудобству, довольно бедны. И только благодаря щедро ухоженному огородику и кулинарной ловкости миссис Пэникер готовился прекрасный холодный суп из огурца и кервеля, предлагаемый сейчас мистеру Шейну — она приподняла крышку супницы, — чьему неожиданному присутствию в доме, да ещё учитывая оплату за два месяца вперёд, она была явно благодарна.

— Ну, на этот раз я предупреждаю вас заранее, господин Штейнман, — сказала она, наливая в тарелку мальчику бледно-зелёный суп-пюре с изумрудными крапинками. — Это холодный суп, он таким и должен быть. — Она посмотрела на мистера Шейна, нахмурившись, хотя в глазах играл весёлый огонёк. — На прошлой неделе он весь стол забрызгал супом-пюре, вот, что сделал этот мальчик, мистер Шейн, — продолжала она, — испортил Реджи его лучший галстук.

— Если бы это было единственное, что испортил этот мальчик, — сказал Реджи, поднеся к губам ложку огуречного супа. — Если бы только галстук.

Реджи Пэникер был наказанием для своих родителей и, как многие сыновья, не оправдавшие даже самых скромных родительских надежд, и одновременно бичом всей округи. Он был игрок, враль, буян и проныра. Паркинс — демонстрируя, как теперь он понял, некоторую твердолобость — умудрился потерять пару золотых запонок, коробку с перьями для ручек, двенадцать шиллингов и амулет на счастье, бледно-жёлтый пятифранковый брелок из «Казино Рояль» в Монако, прежде чем догадался о воровских повадках Реджи.

— И сколько же лет нашему молодому мистеру Штейнману? — спросил Шейн, настраивая блестящий гелиограф своей улыбки на глядящие куда-то вдаль глаза маленького еврея. — Девять, правда? Тебе девять лет, мальчик?

Однако, как всегда, наблюдательные вышки в голове Лайнуса Штейнмана, оказались без дозорных. Улыбка прошла незамеченной. Казалось, мальчик и в самом деле не слышал вопроса, хотя Паркинс давно установил, что со слухом у ребёнка всё в порядке. Он мог подпрыгнуть от неожиданного грохота тарелки. Звон церковных колоколов заставлял его огромные тёмные глаза наполняться непонятными слезами.

— От этого ответов не дождётся, — сказал Реджи, отправляя в рот остатки супа. — Глух, как пень.

Мальчик опустил взгляд в тарелку. Нахмурился. Жильцы в доме vicария, как и большинство соседей, считали, что мальчик не понимает по-английски, да и вообще глуповат. Однако Паркинс сомневался и в том, и в другом.

— Господин Штейнман приехал к нам из Германии, — сказал мистер Пэникер, учёный, чей оксфордский выговор, к несчастью, оттенялся инородной напевностью. — Он входил в состав небольшой группы детей, в основном еврейских, чью эмиграцию в Великобританию устроил мистер Уилкс, vicарий англиканской церкви в Берлине.

Шейн кивнул, открыв рот и медленно шурясь, так игрок в гольф из вежливости притворяется, что ему доставляет удовольствие выслушивать лекцию-экспромт о клеточном кариокинезе или иррациональных числах. Как будто он ничего не знал о Германии и евреях, да к слову сказать, и о vicариях и детях. Скучающий вид, утвердившийся у него на лице, производил вполне естественное впечатление. И всё же мистер Паркинс ему не верил. Теперь Бруно читал отрывки из «Der Erlkonig»²⁹, тихонько, даже, можно сказать, вежливо, высоким, запинаящимся голосом. В птичьем исполнении, пусть невыразительном и немного суетливым, слышались по-детски мучительные нотки, вполне оправданные содержанием стихотворения. И всё-таки новый постоялец даже не глянул в сторону попугая.

Мистер Шейн посмотрел на мальчика, который в свою очередь посмотрел на суп, опустив самый кончик ложки в густое бледно-зелёное пюре. Как удалось заметить Паркинсу — а он был внимательный и вдумчивый наблюдатель, — мальчик ел с удовольствием только конфеты и пудинги.

— Лагерь, да? — сказал Шейн и чуть покачал головой. — Гнусное дело. Туго пришлось евреям — такое им выпало.

²⁹ «Лесной царь», баллада Гете.

Вопрос о том, выплюнет или нет мальчик суп, который набрал в рот, казалось, интересовал его гораздо больше, нежели интернирование евреев. Мальчик нахмурился, и его густые брови соединились. Но суп остался во рту, и мистер Шейн наконец занялся поглощением собственной порции. Интересно, подумал Паркинс, перестанет ли он теперь говорить на эту скучную и неприятную тему.

— Уж точно не место для ребёнка, — продолжал Шейн. — Такой лагерь. Да, думаю... — Он отложил ложку и перевёл взгляд вверх так быстро, что мистер Паркинс удивился, — там, в углу комнаты, на верхушке тяжёлого железного шеста, на исцарапанной деревянной перекладине, под которую были подложены страницы вчерашнего «Экспресса», на Шейна с критическим видом поглядывал Бруно, — и не для попугая.

Вот оно, подумал мистер Паркинс.

— Значит, вы считаете, что жалкая каменная сараюга в скучнейшем углу Суссекса — подходящее место для африканской птицы, — проговорил Реджи Пэникер.

Мистер Шейн прищурился.

— Пожалуйста, простите моего сына за грубость, — со вздохом сказал мистер Пэникер, отложив ложку, хотя его тарелка была ещё наполовину полной. Если и было то несчастное время, когда он укорял или бранил своего единственного сына за безобразное поведение, то оно миновало ещё до появления мистера Паркинса в доме викария. — Мы все полюбили маленького Лайнуса и его птицу. Знаете, Бруно — удивительный попугай. Как видите, он умеет читать стихи. Петь песни. Он великолепно подражает, и уже несколько раз заставил вздрогнуть жену, изобразив мою, возможно, чересчур яростную манеру чихать.

— В самом деле? — сказал мистер Шейн. — Ну, мистер Пэникер, думаю, вы не станете возражать, если я скажу, что среди ваших роз и в компании паренька с попугаем я, кажется, обосновался в очень интересном месте.

Шейн наблюдал за птицей, склонив набок голову, имитируя, несомненно бессознательно, тот угол зрения, под которым Бруно предпочитал взирать на мир.

— Поёт, да?

— Именно. В основном на немецком, но время от времени можно услышать отрывки из Гилберта и Салливана. Много отрывков из «Иоланты», насколько я могу судить. Первое время очень впечатляет.

— Но это всё механическое запоминание, попугайство, так сказать? — Мистер Шейн улыбнулся, словно давая понять — неискренне, подумалось мистеру Паркинсу, — что его каламбур не самый удачный. — Или он способен по-настоящему мыслить, как вам кажется? Однажды, когда я был маленьким, я видел свинью, которая на публике извлекала квадратный корень из трёхзначных цифр.

С этими словами его взгляд впервые скользнул по Паркинсу. И это, подтвердив сомнения последнего по поводу нового постояльца, вызвало у него чувство тревоги. Как знали все в округе, Паркинс не имел никакого отношения к цифрам или номерам, кроме тех, что обозначали даты, связанные с церковью, поперечный неф и колокольня которой относились к саксонскому периоду и неоправданно игнорировались учёными. Подозрение, что мистера Шейна послали Определённые Лица наблюдать в первую очередь за Бруно, окончательно подтвердилось.

— Цифры, — сказал мистер Пэникер. — Как ни странно, Бруно их, кажется, очень любит, не так ли, мистер Паркинс? Постоянно бормочет длинные ряды, прямо-таки списки чисел. Естественно, на немецком. Хотя не могу сказать, чтобы он их как-нибудь использовал. Не замечал.

— Не замечал? Он не даёт мне спать, — вставил Реджи. — Вот вам и использование. Меня это здорово впечатляет.

В этот момент в столовую вновь, величаво ступая, вошла миссис Пэникер, неся бледно-зелёное блюдо с рыбой. По причинам, которые никогда не были высказаны вслух мистеру Паркинсу, но которые, как он подозревал, были тесно связаны с её никак иначе не проявляющимися чувствами к мужу и сыну, она не имела привычки обедать за общим столом. Она убрала тарелки, и мистер Паркинс пробормотал слова благодарности. Была какая-то отчаянная смелость в кулинарных успехах хозяйки, подобная вибрирующим звукам волынки, доносящимся из крепости, осаждённой со всех сторон дервишами и неверными утром того дня, в который ей суждено наконец пасть.

— Великолепный суп! — рявкнул мистер Шейн. — Наша благодарность повару!

Миссис Пэникер густо покраснела, и на её лице на мгновение появилась улыбка, какой Паркинс никогда раньше не видел, губы выпятились и чуть-чуть растянулись.

Мистер Пэникер тоже заметил эту улыбку и нахмурился.

— В самом деле, — сказал он.

— Фу! — сморщился младший Пэникер, отмахиваясь от пара, поднимавшегося от блюда с камбалой, которая сохранила в виде украшения, хоть и не съедобные голову и хвост. — Рыбке каюк, мамаша. От неё несёт, как со дна брайтонского пирса.

Не меняя позы — и всё ещё слегка улыбаясь своей девичьей улыбкой, — миссис Пэникер протянула вперёд руку и вцепилась в Реджи пощёчину. Сын вскочил с места, схватившись за горящую щёку, и несколько секунд злобно смотрел на мать. Потом рванулся к её горлу, словно хотел задушить. Но прежде чем его пальцы успели дотянуться до цели, новый жилец уже вскочил на ноги и стоял между матерью и сыном. И прежде чем Паркинс осознал, что происходит, Реджи Пэникер уже лежал на спине прямо на овальном ковре. И из носа у него текла ярко-красная кровь.

Реджи сел. Кровь закапала на воротник, он размазал её и зажал пальцем левую ноздрю. Мистер Шейн протянул ему руку, но Реджи, как и следовало ожидать, её оттолкнул. Поднявшись на ноги, он громко засопел. Посмотрел на Шейна, потом кивнул в сторону миссис Пэникер.

— Мама, — проговорил он, повернулся и вышел.

— Мама, — сказал Бруно приглушённым голосом. Лайнус Штейнман посмотрел на попугая с глубокой нежностью, и это было единственное узнаваемое чувство, которое Паркинсу довелось наблюдать у мальчика. И вдруг чистым, нежным, похожим на звук флейты голосом, которого Паркинс никогда раньше не слышал, птица начала петь:

*Wien, Wien, Wien
Sterbende Märchenstadt*³⁰.

Прелестное контральто, лившееся с перерывами из клюва серой птицы в углу, звучало волнующе по-человечески. Все прислушались, и тогда Лайнус Штейнман поднялся со стула и подошёл к жёрдочке. Замолчав, попугай шагнул на протянутую к нему руку. Мальчик обернулся, в его глазах стояли слезы, и читался простой вопрос.

— Да, дорогой, — со вздохом сказала миссис Пэникер. — Мы тебя извиняем.

III

³⁰ Вена, Вена, Вена, умирающий древний город (нем.).

Они увидели, что он сидит перед входной дверью на маленькой скамеечке для ног, в шляпе и плаще, несмотря на жару, обхватив загорелыми руками набалдашник терновой палки. Хоть сейчас в путь. Как будто — но это было совершенно невозможно — он их ждал. Должно быть, они застигли его на пороге — ботинки зашнурованы, и он собирается с силами перед утренней прогулкой по окрестным холмам.

— Вы кто такой? — обратился он к инспектору Беллоузу. У старика был поразительно ясный взгляд. Огромный нос задрожал, словно приносящаяся. — Говорите.

— Беллоуз, — представился инспектор. — Детектив Майкл Беллоуз. Прошу прощения за беспокойство, сэр. Но я здесь новичок, пытаюсь, так сказать, разобраться, что к чему, и не переоцениваю свои возможности.

При последнем откровении сопровождавший инспектора констебль Куин кашлянул и вежливо перевёл взгляд в пространство.

— Беллоуз... Я знал вашего отца, — предположил старик. Голова его подрагивала на немощной шее. На щеках были заметны пятнышки крови и пластырь, приклеенный после торопливого стариковского бритья. — Так ведь? В Уэст-Энде. Рыжий парень с усами. Специализировался, как мне помнится, на мошенниках. Я бы сказал, не без способностей.

— Сэнди Беллоуз, — сказал инспектор, — Это мой дедушка. А как часто мне доводилось слышать его лестное мнение о вас, сэр.

Не так уж часто, про себя подумал инспектор, гораздо чаще он ругал тебя последними словами.

Старик кивнул с серьёзным видом. Острый взгляд инспектора заметил мимолётную грусть, минутное воспоминание, отпечатавшееся на лице старика.

— Я знавал очень многих полицейских, — сказал он. — Очень многих. — Его упрямое лицо просветлело. — Но всегда рад познакомиться с ещё одним. И констебль... Куин, полагаю?

Теперь он навёл свой хищный взгляд на констебля, смуглого, задумчивого парня с носом картошкой, который был сильно привязан — но старался не подавать виду — к предыдущему инспектору, теперь, к несчастью, покойному, явно предпочитавшему старые и основательные методы в работе. Куин коснулся пальцем фуражки. Не слишком разговорчивый малый, констебль Куин.

— Так кто у нас умер и как? — спросил старик, и вновь у инспектора возникло странное чувство, что их прихода, каким-то невероятным образом, ожидали.

— Человек по фамилии Шейн, сэр. Удар тупым предметом по затылку.

На старика эти слова впечатления не произвели. Даже, скорее, разочаровали.

— А-а, — протянул он, — Шейна ударили по затылку. Тупым предметом. Понятно.

Всё-таки мозги у него плохо варят, пронеслось в голове инспектора. Теперь не тот, что раньше, не долго думая, решил Куин. Жаль.

— Я вовсе не в маразме, инспектор, уверяю вас, — сказал старик. Прочёл его мысли. Нет, это невозможно. Понял по выражению лица, по наклону плеч. — Просто сейчас очень важный момент, кризис, если хотите, там, у меня в ульях. Я никак не могу их забросить ради ничем не примечательного преступления.

Беллоуз и констебль переглянулись. Инспектор был довольно молод, а убийство — в Южном Даунсе дело довольно редкое, чтобы оба полицейских не увидели ничего примечательного в том, что человеку разможили голову кочергой или дубиной за домом викария.

— Этот Шейн был вооружён, сэр, — вставил констебль Куин. — У него нашли револьвер «Уэбли», хотя он утверждал, и мы ничего другого не установили, что он всего лишь коммивояжёр по линии... — Тут он достал из кармана небольшой клеёнчатый блокнот и справился с записями. Вид этого блокнота с аккуратным перечнем абсолютно бессмысленных фактов вызывал стойкую ненависть у инспектора, — ...поставок механизмов и оборудования для молочных ферм.

— Его ударили сзади, — продолжил инспектор, — нам так кажется. Глубокой ночью, когда он сидел в свой автомобиль. Упаковал все вещи. По-видимому, уезжал из города, ничего не объяснив и не попрощавшись, хотя неделей ранее заплатил викарию за два месяца вперёд.

— Да, понятно, викарию. — Веки старика тяжело опустились, как будто факты этого дела были не только ничем не примечательны, но даже навевали сон. — Не сомневаюсь, что вы, конечно, в буквальном смысле слова необдуманно, поскольку обдумать вам это было не с кем, пришли к самому простому выводу и арестовали молодого мистера Пэникера по обвинению в убийстве.

Вполне осознавая, что его поведение напоминает сцену из немого комедийного фильма, инспектор Беллоуз, к своему стыду, не мог не обменяться с констеблем ещё одним ничего не понимающим взглядом. Реджи Пэникер был арестован в десять часов утра, через три часа после обнаружения тела Ричарда Вулси Шейна, проживавшего в доме «Семь дубов» в графстве Кент и припарковавшего свой автомобиль «миджет» под номером 1933 MG на улочке за домом викария.

— За таковое преступление, — продолжал старик, — этот никудышный молодой человек будет в положенное время, как и полагается, повешен, мать его будет плакать, а мир продолжит слепо катиться по своей дорожке в никуда, и, в конце концов, ваш мистер Шейн останется всё таким же мертвецом. А пока что, инспектор, четвёртый номер следует обеспечить новой маткой.

И он махнул рукой с длинными пальцами, своими бородавками и пятнышками напоминающей морскую звезду, как бы отпуская полицейских. Отправляя восвояси. Потом похлопал по карманам мятого костюма в поисках трубки.

— Попугай пропал! — беспомощным голосом рискнул вставить инспектор Майкл Беллоуз, надеясь, что эта экзотическая деталь, возможно, добавит блеска преступлению, оцениваемому стариком по каким-то невероятным критериям. — А вот что мы нашли у сына викария.

Из нагрудного кармана он вытащил визитную карточку с помятыми углами, принадлежащую некоему мистеру Дж. Блэку, торговцу редкими и диковинными птицами на улице Клуб-Роу в Лондоне, и протянул её старику, который даже не взглянул — а Беллоузу показалось, что он просто не смог взглянуть — на неё.

— Попугай? — Беллоуз понял, что так или иначе ему удалось не только заинтересовать, но прямо-таки поразить старика. А тот был даже рад этому обстоятельству. — Ну, конечно. Африканский серый попугай. Наверное, принадлежащий маленькому мальчику. Лет девяти. Немцу по националь... Еврейского происхождения, могу об заклад биться. И говорить он не может.

Теперь пришла пора инспектору кашлянуть и со значительным видом уставиться в пространство. Констебль Куин активно противился привлечению старика к расследованию. Он определённо невменяемый, сэр, уверяю вас. Но чтобы торжествовать, инспектор Беллоуз был слишком озадачен. Он слышал рассказы, легенды о знаменитых умозаклучениях, полученных методом индукции, когда старик был в зените славы, — наёмные убийцы, вычисленные по пеплу сигары, конокрады — по отсут-

ствию собачьего лая. Хотя он и будет размышлять об этом в последующие годы, инспектор так и не поймёт, как от пропавшего попугая и покойника по фамилии Шейн с вентиляцией в черепе старик пришёл к нему еврейскому мальчику. Поэтому он упустил свой шанс и не выиграл очко у констебля Куина.

Старик глядел на визитную карточку мистера Дж. Блэка с поджатыми губами, то приближая её к кончику носа, то удаляя, пока не нашёл подходящее для чтения расстояние.

— Ага, — кивнув, сказал он. — Итак, наш мистер Шейн наткнулся на молодого Пэникера, удиравшего с птицей бедного мальчика, которую надеялся продать этому самому мистеру Блэку. А Шейн попытался ему помешать и дорого заплатил за свой героизм. Я правильно излагаю вашу идею?

Хотя именно такой вкратце и была вся его теория, с самого начала в ней присутствовало нечто — связанное с обстоятельствами убийства, — что не давало инспектору покоя и даже заставило, вопреки советам констебля, навестить этого полуполюгендарного друга и соперника своего деда и целого поколения его коллег-полицейских. И всё-таки теория, в общем-то, звучала вполне разумно. Однако тон старика указывал на её принадлежность к области фантастики.

— По-в-в-видимому, они обменялись какими-то фразами, — сказал инспектор, морщась от того, что старинное заикание вдруг всплыло из глубин его невесёлого детства. — Они поссорились. Дело дошло до драки.

— Да, да. Не сомневаюсь, что вы правы. — Старик сложил щель своего рта в самую неискреннюю улыбку, какую инспектору Беллоузу доводилось видеть. — И правда, — продолжал старик, — какая удача, что вам требуется от меня так мало помощи, я ведь, как вам, должно быть, известно, на пенсии. На пенсии с десятого августа 1914 года. А в то время, вы уж мне поверьте, я был гораздо меньше поражён немощью, чем этот иссохший черепаший панцирь, который вы видите перед собой. — И он стукнул палкой по порогу, как судья молотком. Им следовало уходить. — Всего доброго.

С этими словами, словно вспомнив своё былое пристрастие к театральным эффектам, которое так испытывало терпение и делало таким образным язык Сэнди Беллоуза, старик подставил лицо солнцу и закрыл глаза.

Некоторое время двое полицейских стояли и смотрели, с каким нахальством старик делает вид, что дремлет. Инспектор подумал, что, возможно, ему хочется, чтобы они стали его упра-

шивать. Он взглянул на констебля Куина. Без сомнения, покойный предшественник Беллоуза никогда бы не опустился до того, чтобы упрашивать сумасшедшего старого затворника. И всё же, сколько можно было бы узнать от такого человека, если бы только...

Старик резко открыл глаза, и улыбка теперь стала более искренней и жёсткой.

— Всё ещё здесь? — спросил он.

— Сэр, если можно...

— Ну, ладно, — старик сухо усмехнулся исключительно про себя. — Я взвесил все нужды моих пчёл. И полагаю, что мог бы уделить вам несколько часов. Так что я помогу, — он поднял длинный палец, словно предостерегая, — найти мальчику попу-гая. — С большим трудом, но давая понять, что ни за что не согласится даже на малейшую помощь, старик тяжело опёрся на чёрную исцарапанную палку и поднялся на ноги. — А если нам случится по ходу дела повстречать настоящего убийцу, вам же будет лучше.

IV

Старик опустился на одно колено. Левое. Правое больше ни на что не годилось. Дорога заняла у него чертовски много времени, и каждый шаг сопровождался жутким хрустом. Но дойдя до цели, он принялся за работу весьма энергично. Стянув перчатку с правой руки, он сунул палец в смешанную с кровью грязь на том месте, где истекла в землю жизнь Ричарда Вулси Шейна. Потом, как старый фокусник, засунул руку в карман, подшитый к подкладке плаща, и извлёк оттуда лупу. Она была в оправе из бронзы и украшена черепаховым панцирем, а по ободку вокруг стекла шла трогательная дарственная надпись от единственного настоящего друга его жизни.

С беспрерывным пыхтением и мычанием старик копошился на двадцати квадратных футах ровной земли, словно это была отвесная ледяная поверхность Каракорума, наводя свои любимые линзы на всё, что покрывало или окружало роковое место, расположенное в тесном промежутке между густыми зелёными ограждениями на Хэллоуз-Лейн, где ранним утром того же дня хозяин дома мистер Пэникер обнаружил тело своего квартиранта Шейна с раскроенным черепом. К несчастью, тело уже унесли неуклюжие люди в тяжёлых сапогах. Остался лишь еле заметный отпечаток — искривлённый крест в дорожной пыли. На правом колесе принадлежащего убитому автомобиля — весьма шикарного

для коммивояжёра, распространяющего оборудование для молочных ферм, — старик заметил центростремительный след и умеренную степень потемнения перьеобразных кровавых брызг на белой боковине крышки. Хотя полицейские, осмотрев машину, извлекли оттуда подробнейшую карту Суссекса, кусок чистого резинового шланга для дойки коров, кусочки клапана и трубы, несколько глянцевых проспектов аппарата «Лактрола Р-5», производимого фирмой «Чедбурн и Джоунс», замусоленную книгу Тредли «Распространённые болезни дойных коров» издания 1926 года, старик полез в автомобиль ещё раз. Копаясь в нём, он беспрестанно что-то бормотал, не отдавал себе в этом отчёта, время от времени кивал головой, озвучивая свою часть разговора и демонстрируя определённую раздражительность по отношению к невидимому собеседнику. На всё это ушло почти сорок минут, но когда он выбрался из машины, чувствуя, что сейчас правильнее всего было бы прилечь, в руках у него были боевой патрон 45 калибра для того самого необъяснимого «Уэбли» и невыкуренная сигарета «Мюрат» египетской марки, которая — если предположить, что она принадлежала убитому — свидетельствовала о ещё более непредсказуемых глубинах его жизненного опыта или романтичности. Наконец, старик поковырялся в мульче, покрывавшей землю позади зелёных ограждений, и нашёл кусочек расколотого черепа с кусочками кожи и волосами, незамеченный полицией, пребывавшей теперь в крайнем замешательстве.

Он передал ужасную улику без всяких эмоций. Ему доводилось видеть мертвецов в различных состояниях: проститутку с улицы Чипсайд, сброшенную с перерезанным горлом вниз головой по ступеням набережной Темзы, глазницы и рот которой были заполнены кровью; похищенного ребёнка, зелёного, как водяной, засунутого в ливнесток; белый, как бумага, остов пенсионера, которого убивали мышьяком десяток лет; скелет, растасканный коршунами, собаками и бессчётными насекомыми, отбелённый и поскрипывающий в лесу, с развевающимися, как флаги, лохмотьями одежды; горсти зубов и костной стружки на лопате с сероватым обличающим пеплом. Не было ничего, совсем ничего примечательного в кривом иксе, который наспех набросала смерть в пыли на Хэллоуз-Лейн.

Наконец он убрал лупу и выпрямился, насколько сумел. В последний раз окинул взглядом местность вокруг зелёных ограждений, автомобиль, покрытый, словно брезентом, пылью, отметил поведение грачей, направление дыма, поднимающегося из трубы

над домом викария, где топили углём. Затем повернулся к молодому инспектору и некоторое время молча разглядывал его.

— Что-то не так? — спросил внук Сэнди Беллоуза. До сих пор старик воздерживался от вопроса, жив или умер его дед, — слишком хорошо знал, каков будет ответ.

— Вы славно поработали, — сказал он. — Высший класс.

Инспектор улыбнулся и перевёл взгляд на понуро стоящего у маленького зелёного велосипеда констебля Куина. Констебль пощипывал усы и сердито смотрел на грязно-багровую лужу у себя под ногами.

— На Шейна действительно напали, и удар сзади был довольно сильный — в этом вы абсолютно правы. Но скажите, инспектор, как это вяжется с вашим предположением, что покойный появился неожиданно, застигнув врасплох младшего Пэникера, который удирал с украденным попугаем?

Беллоуз начал было говорить, но замолчал, коротко и устало вздохнув, и покачал головой. Констебль Куин оттянул вниз усы, пытаясь скрыть появившуюся на губах улыбку.

— Расположение и частота следов указывают на то, — продолжал старик, что в момент удара мистер Шейн торопливо шёл, держа что-то в руке, и это что-то, готов поспорить, было весьма тяжёлое. Поскольку ваши полицейские нашли его чемодан и все личные вещи у садовой калитки, как будто их должны были вот-вот уложить в багажник автомобиля, и поскольку клетку попугая нигде не обнаружили, я полагаю, разумно было бы предположить, что в момент убийства удирал как раз Шейн с клеткой в руке. Вероятнее всего, Бруно сидел в клетке, хотя, думаю, необходимо тщательно осмотреть окрестные деревья, и чем скорее, тем лучше.

Молодой инспектор повернулся к констеблю Куину и кивнул. Констебль перестал теребить усы и всем своим видом выразил крайнее удивление.

— Неужели вы, сэр, при всём моем уважении, требуете, чтобы я терял драгоценное время, пялясь на деревья и разыскивая...

— Не беспокойтесь, констебль, — подмигнув, обратился к нему старик. Он не счёл нужным излагать свою гипотезу — естественно, одну из нескольких, — что африканский серый попугай Бруно достаточно умён, чтобы придумать, как сбежать от своего похитителя. Люди, в особенности полицейские, имеют привычку недооценивать способность животных осуществлять, часто с из-

рядным артистизмом, самые омерзительные преступления и рискованные трюки. — Его хвост нельзя не заметить.

Казалось, несколько мгновений констебль Куин не мог сдерживать движение мышц нижней челюсти. Потом он повернулся и затопал по улочке к затянутой сеткой калитке, ведущей в сад викария.

— Что касается вас, — старик повернулся к инспектору. — Вы должны собрать всю информацию о жертве. Конечно, мне понадобится осмотреть тело. Подозреваю, мы можем обнаружить...

Послышался женский вопль, сначала уверенно-громкий, даже можно сказать, выводящий нечто, похожее на мелодию. Затем он рассыпался на ряд коротких сдавленных вскриков: ой-ой-ой-ой-ой...

Инспектор припустил в ту сторону, не дожидаясь старика, который шаркал, прихрамывая, следом. Когда старик доковылял до сада, то на зелёном пространстве увидел несколько знакомых предметов и существ, словно специально расставленных для достижения желаемого эффекта или предполагаемой цели, как шашки или шахматные фигуры для королевского развлечения. Глядя на них, он пережил ужаснувшее его мгновенное головокружение, когда оказался не в силах ни определить количества этих фигур, ни вспомнить их названия и назначение. Он почувствовал — всем своим существом, как ощущают силу притяжения или инерции — неизбежность провала. Победа возраста над разумом состояла не просто в отупении или замедлении мыслительных процессов, а в их стирании — так столицу пустыни замечают тысячелетние пески. Изошрённые узоры его интеллекта были выбелены временем, остался лишь пустой белый клочок. Испугавшись, что его начнёт тошнить, он поднёс ко рту набалдашник палки. Губам стало холодно. И ужас тотчас же отступил, благодаря грубому металлическому вкусу сознание вновь пришло в норму, и старик вдруг понял, что с невыразимым облегчением смотрит всего лишь на двух полицейских, Беллоуза и Куина, мистера и миссис Пэникеров, стоящих по обе стороны птичьего прудика, красивого еврея в чёрном костюме, солнечные часы, деревянный стул и куст боярышника, усыпанный цветами. Люди глядели на самый верх соломенной крыши дома викария, где таинственная неопознанная рука поставила последнюю фишку в этой игре.

— Молодой человек, сейчас же спускайтесь вниз!

Это был голос мистера Пэникера — человека, по мнению старика, гораздо более умного, чем обычный деревенский священник, и гораздо менее способного к наставлению на путь истинный своих прихожан. Викарий отошёл на пару шагов от дома, будто желал выбрать место получше, чтобы оттуда сверлить гневным взглядом мальчика на крыше. Но слишком большие и печальные у него глаза, подумал старик, и обман этот не пройдёт.

— Сынок, — позвал мальчика констебль Куин, — ты же себе шею сломаешь!

Мальчик стоял прямо, опустив руки и сдвинув ноги, и покачивался на пятках. Он не производил впечатления человека огорчённого или забавляющегося — просто смотрел то на свои ботинки, то на землю далеко внизу. Может, он залез туда за своим попугаем, подумал старик. Когда-нибудь раньше птица, вероятно, улетала на крыши.

— Принесите лестницу, — распорядился инспектор.

— Так высоко ни одна не достаёт, — сказал викарий. — Мы уже пробовали.

Поскользнувшись, мальчик покатился по длинному соломенному откосу к самому краю. Миссис Пэникер снова вскрикнула. В последний момент ребёнок впился обеими руками в солому. Его скольжение резко затормозилось, но пучки соломы оторвались, и мальчик вылетел в пустоту, а затем стремительно рухнул, на землю. Он упал прямо на миловидного молодого еврея — судя по покрою костюма, лондонца — с ужасающим треском, словно о скалы вдребезги разбилась бочка. После минутного оцепенения мальчик поднялся и потряс руками, которые, похоже, были в ссадинах. Затем протянул руку человеку, плашмя лежавшему на земле.

— Мистер Кэлб! — воскликнула миссис Пэникер и бросилась к лондонскому щёголю, прижимая бусы к груди. — Боже правый, вы ошиблись?

Мистер Кэлб взял протянутую ребёнком руку и сделал вид, что тот поднял его на ноги. Хотя он морщился и стонал, улыбка не сходила с его губ.

— Не очень. Может, ушиб ребро. Ничего страшного.

Он протянул руки к мальчику, и мальчик встал между ними. Мистер Кэлб с заметной гримасой поднял его. Только очутившись в безопасности в руках приезжего лондонца, по причинам, которые старик очень хотел понять, мальчик ослабил контроль над своими чувствами и разрыдался, громко и неудержимо,

оплакивая пропажу своего друга. Он уткнулся лицом в плечо мистера Кэлба.

Старик пересёк сад.

— Мальчик, — сказал он, — ты меня помнишь?

Мальчик повернул к нему распухшее от прилившей крови лицо. Тоненькая склизкая ниточка соединяла кончик его носа с лацканом пиджака мистера Кэлба.

Инспектор представил старика серьёзному молодому человеку с печальным взглядом, мистеру Мартину Кэлбу, из Комитета помощи детям-беженцам. Мистер Пэникер послал за ним, как только утром пропал Бруно. При имени старика в глазах у мистера Кэлба промелькнуло нечто, похожее на смутное воспоминание. Улыбнувшись, он обратился к мальчику:

— Ну, — заговорил он по-немецки — старик понял это после того, как слова уже были произнесены — и ободряюще сжал плечо мальчика, — вот кто найдёт твою птичку. Теперь тебе не о чем беспокоиться.

— Миссис Пэникер, — сказал старик через плечо. Кровь, вся до последней капли, отлила от лица женщины, как будто её поймали без всякого алиби, хотя он ни минуты её не подозревал. — Мне нужно будет поговорить с вашим сыном. Я уверен, что полиция не станет возражать, если вы пойдёте со мной и захватите чистую рубашку и немного печенья.

V

Она сложила пару рубашек, две пары носков, две пары аккуратно выглаженных кальсон. Новую зубную щётку. Сыр, упаковку галет и его любимый изюм кишмиш. Передача получилась небольшая. Надела одно из своих лучших платьев, голубое с оранжевым воротничком, и спустилась вниз, чтобы разыскать мальчика. Даже до кражи Бруно Лайнус частенько пропадал. Он казался ей не столько мальчиком, сколько тенью мальчика, крадущейся по дому, по деревне, по миру. У него везде были свои норки: в тёмных уголках церковного двора, под крышей дома vicария, даже на церковной колокольне. Он уходил из дома с попугаем на плече, и хотя ей это очень не нравилось, она перестала его останавливать, потому что никак не могла заставить себя наказывать бедного мальчика. Просто была не в силах. Своего Реджи она воспитывала в строгости, дававшей ей не слишком-то легко, и вот что из этого вышло.

Она нашла его у ручья в конце церковного двора. Там стояла поросшая мхом каменная скамья, на которой последние

шестьсот или семьсот лет под раскидистым тисом сживали деревенские жители, предаваясь скорбным размышлениям. Рядом с мальчиком расположился Мартин Кэлб. Лайнус снял носки и ботинки. Мистер Кэлб тоже был босиком. Почему-то миссис Пэникер неприятно поразили его голые белые ноги, торчащие из-под отворотов добротных серых брюк в тонкую светлую полоску.

— Я ухожу, — сказала она, пожалуй, слишком громко. Она понимала, что это ужасно, но, обращаясь к мальчику, она никак не могла перестать кричать, точно он глухой. — Я должна навестить Реджи. Мистер Кэлб, надеюсь, вы у нас переночуете.

Мистер Кэлб кивнул. У него было длинное приятное лицо, по-домашнему простое и сосредоточенное. Он был похож на мистера Пэникера, когда тому было двадцать шесть лет.

— Конечно.

— Вы можете ночевать в комнате Лайнуса. Там две кровати.

Мистер Кэлб взглянул на мальчика, приподняв одну бровь. Словно из уважения к его немоте он говорил с мальчиком очень мало. Тот кивнул. Мистер Кэлб тоже кивнул. И миссис Пэникер почувствовала прилив благодарности.

Из куртки мальчик достал блокнот и огрызок зелёного карандаша. С большим трудом он нацарапал что-то на страничке. Он всегда писал с трудом, кусая нижнюю губу. Некоторое время ребёнок разглядывал то, что написал, затем показал мистеру Кэлбу. Миссис Пэникер никогда не могла разобрать, что он там пишет.

— Он спрашивает, действительно ли мистер Шейн мёртв, — сказал мистер Кэлб.

— Да, — почти крикнула она и добавила более тихим голосом: — Мёртв.

Лайнус взглянул на неё своими огромными карими глазами и кивнул, как будто про себя. Нельзя было понять, о чём он думает. Практически никогда. Хотя она жалела его, молилась за него и каким-то непонятным образом чувствовала, что любит его, в ребёнке было что-то глубоко ей чуждое, что не могли объяснить ни нация, ни порода. Хотя он был миловидный мальчик, а попугай красивая птица — и оба на редкость чистоплотны, — в них ощущалась чрезвычайно сильная привязанность друг к другу, казавшаяся миссис Пэникер ещё более странной, чем бесчисленные попугайские тирады или сладкое пение, от которого стыла кровь.

Мальчик старательно вывел ещё несколько слов своим огрызком, и мистер Кэлб, рассмотрев их внимательно, со вздохом перевёл:

— Он был всегда добр ко мне.

Миссис Пэникер хотела было ответить, но у неё точно перехватило горло. Что-то стало пробиваться наружу из глубины грудной клетки. И, к своему стыду и отчаянию, она громко рыдалась. Такого с ней не случалось с конца двадцатых годов, хотя, Господь свидетель, причины поплакать у неё были. Она плакала, потому что этот мальчик, покалеченный или контуженный, потерял своего попугая. Она плакала, потому что её сын, арестант его величества, сидел в камере в подвале городской ратуши. Она плакала, потому что в возрасте сорока семи лет, после двадцати пяти лет благочестия, разочарования и самообладания, поддалась глупейшему чувству к новому квартиранту Ричарду Шейну, как в непристойном романе.

Женщина подошла к мальчику. Она мыла ему попку и расчёсывала волосы. Кормила и одевала, подставляла тазик, когда ребёнок тошнило. Но она ни разу не обняла его. Миссис Пэникер протянула к мальчику руки, он подвинулся вперёд и с некоторой осторожностью прислонился головой к её животу. Мистер Кэлб прочистил горло. Она почувствовала тяжесть от того, что молодой человек старается смотреть в другую сторону, и принялась гладить ребёнка по голове, пытаясь взять себя в руки перед посещением тюрьмы. Ей было неловко, что она расплакалась перед представителем Комитета. Через мгновение взглянув на него, она увидела, что он даёт ей платок. Она взяла его, пробормотав слова благодарности.

Мальчик поднял голову и стал смотреть, как она вытирает глаза. Глупо, но её тронул его озабоченный вид. Он тихонько дотронулся до её руки, словно хотел привлечь особенное внимание к тому, что сейчас собирается сказать. Потом нацарапал ещё три слова в блокноте. Нахмурившись, мистер Кэлб взялся за расшифровку. Мальчик писал ужасно, как-то примитивно. Он переставлял буквы и даже слова, особенно в тех редких случаях, когда пытался объясняться по-английски. Однажды он сильно озадачил её мужа, написав вопрос: «Правда можешь говорить по-собачьи?»

— Спросите у старика, — прочёл мистер Кэлб.

— О чём же мне его спрашивать? — удивилась миссис Пэникер.

Только однажды довелось ей видеть старика, в 1936 году на железнодорожном вокзале, когда он покинул своё безумное пчелиное затворничество, чтобы получить пять огромных ящиков, присланных из Лондона. В то утро миссис Пэникер направлялась в Льюис, но когда старик, шаркая, появился на платформе южного направления в сопровождении крепкого старшего сына своего соседа Уолта Саттерли, она перешла туда, чтобы лучше его разглядеть. Многие годы назад его имя — теперь ещё хранившее аромат помпезности и добродетельности той ушедшей эпохи — украшало газеты и полицейские бюллетени империи, но в то утро её привлекла на другую сторону платформы его более современная, местная слава, основанная почти исключительно на легендах о стариковской замкнутости, раздражительности и враждебности к любому общению. Худой, как гончая, позже доложила она мужу, и в лице тоже что-то собачье, вернее, волчье, а глаза с тяжёлыми веками умные, внимательные и блёклые. Они впитывали в себя детали и обстановку платформы, тексты объявлений на столбах, выброшенный окурок сигары, косматое гнездо скворца в стропилах двухконсольной крыши. И вдруг он навёл свои волчьи глаза на неё. Её настолько поразила таившаяся в них жажда, что она отступила на шаг и ударилась головой о железный столб, да так сильно, что потом обнаружила крошки запёкшейся крови у себя в волосах. Жажда эта была совершенно безличной, если такое вообще бывает — и здесь её рассказ мистеру Пэникеру стал сбивчивым под бременем его неодобрительного отношения к её «романтической натуре», — жажда, лишённая похоти, аппетита, злобы или благочестивого рвения. Это была, как она решила потом, жажда информации. И всё же в его взгляде присутствовала живость, некая бесстрастная энергичность, почти весёлость, как будто постоянная диета из каждодневных наблюдений сохранила молодость лишь его оптическим органам. Ссутулившись, как это делают все высокие старики, но не согнувшись, он стоял под ярким апрельским солнцем, закутанный в толстый шерстяной плащ с отстёгивающимся капюшоном, и изучал её, разглядывал, даже не пытаясь как-нибудь скрыть или замаскировать свой интерес. Плащ, вспоминалось ей, был весь в заплатках, поставленных с полным пренебрежением к рисунку и фактуре ткани, и сплошь заштопан пёстрым собранием цветных ниток.

Вскоре подошёл лондонский поезд и извергнул огромные ящики с круглыми, расположенными через равные интервалы дырочками, и с проштампованной древней фамилией адресата.

Сбоку на каждом ящике сразу же бросалось в глаза написанное по трафарету название города в американском штате Техас. Позже она узнала, что в ящиках находились, помимо прочих заморских новинок, тяжёлые подносы с яйцами различных медоносных пчёл, до той поры в Англии неизвестных.

Реакция мистера Пэникера на её рассказ была показательной:

— Печально сознавать, что наши славные английские пчелы не удовлетворяют его потребностей.

Теперь она сидела рядом со стариком в задней комнате рагуши. Сквозь единственное окно с пустого дворика доносилось равномерное гудение пчёл, которое словно его притягивал сам старик, такое же неотступное, как и весь душный день. Последние пятнадцать минут старик поглаживал и посасывал свою трубку в ожидании арестованного. Этот табачный дым был самым отвратительным из всех, что ей, выросшей в доме с семью братьями и вдовым отцом, приходилось вдыхать. Он висел в воздухе плотно, как овечья шерсть, вырисовывая арабески в падающих из окна ярких косых лучах.

Наблюдая за вьющимся в солнечном свете, подобно виноградным лозам, дымом, она попробовала представить, а точнее, легко и просто представила себе, как сын осуществил это преступление — убил прекрасного, полного жизни человека. Но то, что нарисовало её воображение, не смогло её полностью убедить. Миссис Пэникер, урождённая Джинни Сталлард, видела в детстве двух людей, убитых при разных обстоятельствах. Первым был Хьюи Блейк, которого утопили в Пилтдаунском пруду её братья, когда полшутя боролись с ним в воде. Другим был её отец, преподобный Оливер Сталлард, — его застрелил во время воскресного обеда сошедший с ума старый мистер Кэтли. И хотя в неуравновешенном характере её единственного сына все вокруг обвиняли её чернокожего мужа, миссис Пэникер подозревала, что вина всё-таки полностью лежит на ней. Мужчины из рода Сталлардов всегда притягивали несчастье. Тот факт, что Реджи так долго не могли привести из камеры, кажется, был ещё одним подтверждением дрянного характера её сына, хотя, Господь свидетель, подтверждений больше и не требовалось. И всё же она не могла понять, что так задержало его.

Неожиданное прикосновение высохших стариковских пальцев к её правой руке заставило сердце миссис Пэникер сильнее забиться в груди.

— Пожалуйста, — попросил он, взглянув на её пальцы, и она увидела, что сняла свадебное кольцо и держит его, зажав между большим и указательным пальцами. Она наверняка стучала им по ручке кресла довольно долго, возможно, с того момента, как опустилась в кресло в приёмной. Отголоски этого стука ещё смутно звучали у неё в памяти.

— Извините, — сказала она и посмотрела на покрытую пятнышками руку, которая всё ещё касалась её. Старик убрал руку.

— Я знаю, как это тяжело, — сказал он с ободряющей улыбкой, которая, как ни странно, её действительно ободрила. — Не надо отчаиваться.

— Он этого не делал, — сказала она.

— А вот это ещё следует выяснить, — сказал старик. — Но пока, признаюсь, я склонен с вами согласиться.

— У меня нет иллюзий по поводу моего сына, сэр.

— Что, без сомнения, свидетельствует о родительском благоразумии.

— Ему действительно не нравился мистер Шейн. Это правда. — Миссис Пэникер была женщиной правдивой. — Но Реджи никто не нравится. Тут ничего не поделаешь.

Дверь открылась, и в комнату ввели Реджи. Щека у него была заклеена пластырем, на левом виске виднелся длинный рубец, а нос, лилово-красный на переносице, казался непропорционально большим. Её посетила ложная догадка, что эти раны были нанесены во время роковой схватки с мистером Шейном, и в сознании промелькнула надежда на возможность объяснить действия сына самообороной, но тут она вспомнила, что слышала, как констебль Куин говорил мужу, будто Шейн был убит сзади, одним-единственным ударом по голове. Схватки не было. Взгляд на лица полицейских, которые упорно глядели в углы комнаты, сажая Реджи на пустой стул, подсказал ей верное объяснение.

Старик встал и потряс черенком трубки в направлении её закованного в наручники отпрыска.

— К этому человеку применяли физическое воздействие? — спросил он, и его голос даже ей показался слабым и раздражительным, как будто была некая нравственная очевидность в избиении сына полицией, превосходившая любой малодушный протест, который он или любой другой могли выразить. Ужас этой ситуации соперничал в её сознании с тихим хрипловатым шёпотом: «Вот оно началось. Ведь давно уже начиналось». Потребовалось всё её самообладание — значительный запас,

правда выработанный на протяжении всей жизни путём почти постоянных тренировок, — чтобы не пересечь комнату и не взять в руки избитую смуглую голову, хотя бы для того только, чтобы пригладить всклокоченную копну чёрных густых волос.

Два полицейских, причащавшихся у мистера Пэникера, Ноукс и Вуллетт — наконец она вспомнила, как зовут каждого из них — стояли и, прищурившись, смотрели на старика с таким видом, будто у него к губам пристали крошки от завтрака.

— Упал, — сказал тот, кого, как она решила, зовут Ноуксом.

Вуллетт кивнул.

— Такая вот неудача, — подтвердил он.

— Действительно, — сказал старик. Всякое выражение исчезло с его лица, когда он принялся за очередное исследование, долгое и подробное, злобной физиономии её сына, в свою очередь уставившегося на старика с ненавистью, совсем не удивительной для миссис Пэникер; точно так же неудивительно ей было наблюдать, как Реджи, казавшийся гораздо моложе своих двадцати двух лет, в конце концов, смешался и перевёл взгляд вниз, на стальные наручники, сковывавшие его худые смуглые запястья.

— Что она-то тут делает? — спросил он наконец.

— Ваша матушка принесла кое-какие вещи, — сказал старик. — Уверен, они вам пригодятся. Но если хотите, я попрошу, чтобы она подождала за дверью.

Реджи поднял глаза и посмотрел на неё. В его гримасе было нечто, напоминавшее благодарность, саркастическая ужимка, словно говорившая, что, оказывается, она не такая уж плохая мать, как он всегда считал. Хотя по её собственным представлениям — а она себе не льстила — она никогда не отступалась от него, но всякий раз, как она оказывалась рядом, он воспринимал это с одним и тем же скептическим удивлением.

— Мне плевать, что она делает, — сказал он.

— Да, — сухо ответил старик, — думаю, это правда. Итак. Кхе. Хмм. Да. Ладно. Не расскажете ли вы мне о своём приятеле мистере Блэке с улицы Клуб-Роу.

Об стол звякнула цепь от наручников. Но выражение лица Реджи не изменилось.

— Мне нечего рассказывать, — заявил он. — Не знаю я этого типа.

— Мистер Пэникер, — произнёс старик. — Мне восемьдесят девять лет. И то недолгое время, что мне отведено, я бы

предпочёл провести в обществе существ гораздо более разумных и загадочных, чем вы. Поэтому в интересах сохранения этого ничтожного количества времени позвольте мне рассказать вам о мистере Блэке с Клуб-Роу. Полагаю, до него дошёл слух, что кое-где живёт мальчик с замечательным попугаем, взрослой, здоровой особью, обладающей даром подражания и цепкой памятью, которая превосходит обыкновенную память у птиц данного вида. Если бы наш мистер Блэк заполучил такую птицу, он мог бы продать её британскому или английскому любителю за приличную сумму. По этой причине вы решили — и всё для этого приготовили — украсть попугая и продать его мистеру Блэку, выручив таким образом кругленькую сумму наличными. Каковая сумма, если не ошибаюсь, требовалась для отдачи долга Жирному Ходжесу.

Слова были произнесены и ушли в прошлое, прежде чем она смогла до конца осознать их смысл, так же как и мгновенную судорогу, пробежавшую у неё по телу. В Южном Даунсе, по всем свидетельствам и по общему мнению, не было человека хуже Жирного Ходжеса. Невозможно даже выразить, какое несчастье он накликал на голову бедного Реджи.

Ноукс и Вуллетт уставились на старика. Реджи уставился на старика. Все уставились на старика. Откуда он знает?

— Мои пчёлы летают везде, — сказал он. Согнул шею и с сухим шуршанием потёр руки. Карточный фокусник, только что извлёкший туза. — И видят всех.

Вывод о том, что его пчёлы всё ему рассказывают, остался произнесённым. Она решила, что старик боится показаться сумасшедшим: и так все кругом считали, что он спятил.

— Увы, прежде чем вы успели украсть любимого и единственного друга одинокого сироты и беженца, вас опередил мистер Шейн, ваш жилец. В чём состояли его мотивы похищения Бруно, мне ещё предстоит выяснить. Но когда он удирал с птицей, кто-то напал на него и убил. Теперь мы подходим к тому пункту, я бы сказал, одному из пунктов, где моё мнение расходится с мнением полиции. Ибо очевидно, что мы ещё расходимся во взглядах на полезность избиения заключённых его величества, а в особенности тех, кто ещё не осуждён.

Ах, подумала она, какой замечательный старик! Над его осанкой, речью, твидовым костюмом и драным плащом витали, как дым крепкого турецкого табака, вся мощь и добродетель империи.

— Но, сэр, — с укоризной вставил Ноукс (или всё-таки Вуллетт?).

— Полиция, говорю я, — продолжил старик спокойно и просто, — кажется, вполне уверена, что именно вы застигли мистера Шейна, когда он удирал с Бруно, и убили его. Я же полагаю, что это сделал другой человек... — Теперь его жадный взгляд упал на чёрные башмаки арестанта, до блеска начищенные матерью в то утро, когда день ещё не предвещал ничего особенного. — ...Ноги которого намного меньше ваших.

Лицо Реджи куда-то съехало — недовольное лицо, гладкое, как коленная чашечка. Неподвижное, за исключением тех случаев, когда вверх поднималась бровь, а вниз опускался уголок рта. Однажды ночью много лет назад некая страшная рука наклеила это лицо поверх пухленькой выразительной рожицы маленького Реджи, туго стянув сзади завязки, но теперь на мгновение оно сползло, и он усмехнулся, как мальчишка. Вытащив свои огромные ноги из-под стола, Реджи вытянул их перед собой и с восхищением, словно в первый раз, стал изучать их потрясающий размер.

— Я так и говорил этим двоим! — воскликнул он. — Ладно, так уж и быть, на следующий день я бы продал птицу, отдал бы долг Жирному, и дело с концом. Но придумал-то всё это не я. Вам надо было арестовать Паркинса. Это у него в бумажнике я нашёл визитную карточку Блэка.

— Паркинса? — Старик посмотрел на полицейских, которые пожали плечами, потом на неё.

— Мой самый давний жилец, — пояснила она. — В прошлом марте было два года, как он у нас поселился. Реджи, ты же знаешь, он бы никогда этого не сделал.

Она осеклась. Да, она никогда полностью не доверяла мистеру Саймону Паркинсу, это правда, хотя никак нельзя было сказать, что в нём было что-то исключительное или подозрительное. Вставал он всегда поздно, в одно и то же время, отправлялся изучать свои ведомости или оттиски или что там ещё, над чем он корпел допоздна в библиотеке Гэбриэл-парка, потом возвращался в свою комнату, к лампе и ужину, подогретому и накрытому блюдом.

— Так ты имеешь обыкновение изучать содержимое бумажника мистера Паркинса, Редж? — спросил Ноукс или Вуллетт, вежливо, но довольно настойчиво, как будто почувствовав, что шанс обвинить Реджи в убийстве ускользает, зато появляется надежда, пока не поздно, упечь его за другое.

Старик повернул голову к полицейским с заметным треском.

— Прошу джентльменов также учесть, что дни мои сочтены, — сказал он. — Пожалуйста, не задавайте лишних вопросов. Паркинс интересуется птицей?

Вопрос был адресован ей.

— Птицей все интересовались, — сказала она, удивляясь, почему это она говорит о попугае в прошедшем времени. — Все, кроме бедного мистера Шейна. Не правда ли, странно?

— Паркинс очень даже интересуется, — сказал Реджи. Угрюмая злоба, с которой он первоначально относился к старику, прошла. Как и большинство людей, винивших в своих неудачах других, — а ей не раз приходилось это наблюдать — Реджи всегда искал союзника, чтобы потом всё можно было свалить на него. Без сомнения, и за теперешнюю переделку сын всю ответственность возлагает на Жирного Ходжеса. — Он вечно строчил в своём блокноте. Стоило только попугаю начать повторять эти проклятые цифры.

Впервые после прихода в полицейский участок старик выказал живой интерес к происходящему. Он поднялся на ноги без стопа и бормотания, до сих пор неизменно сопровождавших это действие.

— Цифры! — Сложив руки ладонь к ладони, он словно застыл где-то между молитвой и аплодисментами. — Да! Замечательно! Так значит, птица повторяла цифры?

— С утра до вечера, чёрт бы её побрал.

— Бесконечные ряды цифр, — подтвердила она, даже не заметив упомянутого чёрта, заставившего, впрочем, одного из полицейских подмигнуть другому. Теперь она вспомнила, что действительно видела, как Паркинс достаёт маленький бумажный блокнотик и записывает цифровые арии, извергавшиеся в виде случайного механического щёлканья из чёрного клюва Бруно. — От одного до девяти, снова и снова, совершенно беспорядочно.

— И всё по-немецки, — вставил Реджи.

— А что наш мистер Паркинс, чем он в данный момент занимается? Коммивояжёр, как и Ричард Шейн?

— Он историк архитектуры, — сказала она, отметив про себя, что ни Ноукс, ни Вуллетт ничего не записывают. Достаточно лишь посмотреть на них, на этих вспотевших увальней в синих шерстяных мундирах, — они наверняка даже не слушали и уж тем более ни о чём не задумывались. Может, им слишком

жарко думать. Ей стало жаль Беллоуза, усердного маленького инспектора из Лондона. Неудивительно, что он обратился за помощью к старику. — И готовит монографию о нашей церкви.

— Только никогда там не бывает, — вставил Реджи. — А уж тем более по воскресеньям.

Сыщик взглянул на неё, желая получить подтверждение.

— Он сейчас исследует какие-то очень старые деревенские ведомости, хранящиеся в библиотеке в Гэбриэл-парке, — сказала она. — Боюсь, я в этом не очень разбираюсь. Он пытается вычислить высоту башни в средние века. Всё это он мне однажды показывал. Там больше математики, чем архитектуры.

Старик вновь медленно опустился в кресло, но на этот раз с совершенно отсутствующим видом. Больше он не смотрел ни на неё, ни на Реджи, да и вообще, насколько она могла заметить, ни на что не смотрел. Его трубка давно потухла, и он машинально её раскурил, кажется, даже не замечая того, что делает. Четыре человека, сидевшие или стоявшие с ним в одном помещении, с удивительным единодушием ждали, когда он придёт к какому-нибудь заключению. После долгой минуты непрерывного курения, ему это, похоже, удалось.

— Паркинс, — произнёс он чётко и ясно, а потом ненадолго перешёл на бормотание, которое миссис Пэникер не смогла разобрать. У неё сложилось впечатление, что он вроде бы читает сам себе лекцию. Потом старик снова вскочил на ноги и, не оглядываясь, направился к двери приёмной. Похоже, что он о них совершенно забыл.

— А как же я? — спросил Реджи. — Скажите, чтоб меня выпустили, вы, старая калоша!

— Реджи! — миссис Пэникер ужаснулась. До сих пор он не сказал ни единого слова, которое хотя бы отдалённо напоминало выражение сожаления по поводу того, что случилось с мистером Шейном. Без тени стыда поведал о своём плане украсть Бруно у маленького еврейского беженца-сироты и о том, что копался в бумажнике мистера Паркинса. И теперь — пожалуйста! — грубит своему единственному, кроме неё, союзнику. — Ради Бога, неужели ты не видишь, в какую историю ты впутался на этот раз...

Уже в дверях старик обернулся с раздражённой ухмылкой.

— Ваша матушка права, — сказал он. — На данном этапе слишком мало улик для того, чтобы вас освободить, и слишком много косвенных доказательств вашей возможной причастности. Освободив вас, эти джентльмены нарушат свой долг. Иными сло-

вами, очень похоже, что это вы виновны в смерти мистера Шейна.

С этими словами он натянул охотничью фуражку и, на прощание кивнув миссис Пэникер, вышел.

VI

В Гэбриэл-парке старик уже бывал раньше, в конце девяностых. Тогда, как и сейчас, речь шла об убийстве, и в деле тоже было замешено животное — сиамский кот, ценой невероятных усилий обученный наносить редкий малайский яд, трясь бакенбардом о губы жертвы.

За прошедшие годы старинный особняк заметно обветшал. Перед прошлой войной пожар уничтожил северное крыло с наблюдательной башней, напоминавшей приоткрытое веко, — оттуда, прижав к груди свою драгоценную мяукающую Королеву Тай, бросилась вниз и разбилась насмерть эта великолепная и ужасная женщина, баронесса ди Сфорца. Местами ещё можно было увидеть почерневшие брёвна, торчащие из высокой травы, как ряд закопчённых огарков. Главное же здание со всеми привлекающими пастбищами как раз перед нынешней войной было занято некоей Национальной исследовательской молочной фермой. Пасущееся там небольшое, но на редкость здоровое стадо галловейского мясного скота давало повод к глубочайшему скептицизму и шуткам соседей.

Сорок лет назад, вспоминал старик, чтобы содержать особняк, требовался целый полк прислуги. Теперь же некому было подстригать плющ, красить оконные рамы или заменять выпавшую черепицу на крыше, где за пять лет владычества исследовательской фермы вместо величественного строя труб можно было видеть лишь антенны и провода, делавшие крышу похожей на перевернутую корзинку для вязанья. Самих же фермеров-исследователей в городе почти не видели, но было замечено, что некоторые из них говорят с акцентом далёких центрально-европейских стран, где, по-видимому, не знают о том, что галловейская порода коров — мясная порода, непригодная для производства молочных продуктов. Южное крыло, отделённое от главного здания с его мнимой заботой о молочных нуждах нации, пребывало в запустении. Один или два уцелевших призрака Кэрлью обитали на верхнем этаже. А в огромной старинной библиотеке — в той самой, где старик с помощью удачно подставленной банки с сардинами, разоблачил преступного представителя семейства кошачьих — мистер Паркинс в компании с несколь-

кими другими учёными, по возрасту или здоровью непригодными для военной службы, изучал уникальный архив налоговых ведомостей, бухгалтерских книг и материалов судопроизводства, собранный семьёй Кэрлью за семь столетий владычества над этой частью Суссекса.

— Простите, сэр, — сказал молодой солдат, сидевший за маленьким металлическим столом в маленьком металлическом домике в конце ведущей к особняку дорожки. Строение из новых и весьма дешёвое. Нельзя было не заметить, что в кобуре у солдата револьвер «Уэбли». — Без соответствующих документов вход воспрещён.

Внук — или правнук? — Сэнди Беллоуза, непреклонного и неустанного разоблачителя шарлатанов, предъявил своё удостоверение.

— Я расследую убийство, — сказал он гораздо менее уверенным голосом, чем хотелось бы его предку или старику.

— Я о нём слышал, — сказал солдат и сделал такое лицо, что показалось, будто он и впрямь переживает смерть Шейна. Это печальное выражение показалось старику любопытным. Затем на лице у солдата вновь появилась безмятежная улыбка. — Но, боюсь, полицейского значка недостаточно. Национальная безопасность.

— Национальная... Мы находимся на молочной ферме, правильно я понимаю? — воскликнул старик.

— Молоко и производство молочной продукции необходимы воюющей Англии, — молодцевато произнёс солдат.

Старик повернулся к правнуку Сэнди Беллоуза и, к своему раздражению, заметил, что молодой человек готов принять эту явную ложь. Инспектор вынул из бумажника визитную карточку и набросал на обратной стороне несколько слов.

— Могу я попросить вас передать эту записку мистеру Паркинсу? — спросил инспектор. — Или устроить, чтобы её передали?

Солдат прочитал записку на обороте и задумался. Потом взял телефонную трубку и что-то тихо сказал.

— Что вы написали? — спросил старик.

Молодой инспектор приподнял одну бровь, и старику показалось, что через десятилетия на него смотрит лицо Сэнди Беллоуза, раздражённое и изумлённое.

— А вы разве не догадываетесь? — ответил инспектор.

— Не дерзите, — сказал старик и добавил еле слышно, скривив рот на сторону: — Вы написали: «Ричард Шейн мёртв».

— Какая печальная новость! — объявил Френсис Паркинс. Они сидели в большом зале в конце южного крыла, прямо под библиотекой. Когда-то здесь размещалась столовая для прислуги. И старик, разыскивая отравителя, за этим же столом беседовал с обслуживающим персоналом. Теперь зал тоже использовался в качестве столовой. Разрушенные города из чайных коробок. Обёртки от печенья. Газовая горелка для чайника и едкий запах сожжённого кофе. Полные окурков пепельницы. — Это был прекрасный человек.

— Несомненно, — подтвердил старик. — А ещё он украл попугая.

Мистер Паркинс был высокий худой человек, одетый как университетский профессор, в хороший, но замусоленный твидовый костюм. Его голова казалась слишком большой для шеи, кадык для горла, а кисти рук для хрупких бледных запястий. Руки у него были умные и выразительные. На носу были маленькие очки в стальной оправе, в стёклах которых отражался свет таким образом, что нельзя было разглядеть глаза. Он производил впечатление человека спокойного и уравновешенного. Реакция Паркинса на исчезновение попугая не давала никакого ключа к разгадке, но что-то в его словах настораживало:

— Где же сейчас Бруно?

Паркинс прикурил сигарету, бросив спичку в грудку окурков на ближайшей пепельнице. При этом он глядел ускользающими глазами на инспектора и не обращал ни малейшего внимания на своего коллегу, коренастого, загорелого человека, представленного им без всякого объяснения его присутствия, как мистер Сэкетт, управляющий исследовательской фермой. Кроме своей фамилии и должности, последний не произнёс ни слова. Но закурил сигарету быстро, по-военному, и теперь слушал с видом человека, привыкшего искать бреши в стратегии противника. Сомнительно, что ему доводилось близко подходить к живой колове.

— У нас была некоторая надежда, что вы сможете дать ответ на этот вопрос, — сказал старик.

— Я? Вы подозреваете меня?

— Вообще нет, — искренне сказал инспектор. — На данный момент нет.

— Точно так же, — вставил старик, — как мы не верим, что вы проводите скрупулёзные математические вычисления высоты церковной колокольни в четырнадцатом веке.

Ага. Это подействовало. Свет на стёклах очков потух. Паркинс взглянул на мистера Сэккетта, чьё мясистое и абсолютно лишённое выражения лицо было красноречиво, как кулак.

— Джентльмены, — через мгновение сказал Паркинс, — инспектор, уверяю вас, что я не имею никакого отношения ни к смерти мистера Шейна, ни к исчезновению этой замечательной птицы. Последние два дня я был либо в постели, либо в здешней библиотеке, хотя, боюсь, не могу предоставить вам доказательств. Впрочем, могу доказать вам, что исследования мои самые настоящие. Позвольте, я пойду принесу свой блокнот и покажу...

— Какова нынешняя высота колокольни? — спросил старик.

— Сто тридцать два фута шесть дюймов, — тотчас же ответил Паркинс и улыбнулся. Мистер Сэккетт стряхнул с сигареты пепел.

— А в 1312 году?

— Я бы сказал, на семнадцать футов ниже, но это ещё надо доказать.

— И трудно решить этот вопрос?

— Ужасно, — ответил Паркинс.

— Но, без сомнения, чрезвычайно важно.

— Боюсь, только для такого зануды, как я.

— Насколько я могу судить, Бруно обеспечил вас кое-какими ключевыми подсказками.

— Не понимаю.

— Цифры, — пояснил инспектор Беллоуз. — Вы ведь их фиксировали. Записывали.

Паркинс колебался недолго, но старику в своё время лгали величайшие лжецы эпохи, в число которых скромность не мешала ему включать и себя. Тридцать лет, проведённые в компании существ, чья честность никак не могла быть подвергнута сомнению, кажется, не притупили остроты его восприятия. Это была ложь от первого до последнего слова.

— Лишь для моего собственного удовольствия, — сказал Паркинс. — За ними ничего не стоит. Так, чепуха.

Тоненькая, но прочная сеть умозаключений начала выстраиваться у него в голове, как кристалл, подрагивая и отражая свет вспыхивающими прозрениями. Это было глубочайшее наслаждение его жизни — дедуктивная кристаллизация, пароксизм догадок, то, без чего он прожил так долго.

— А что знает Бруно? — спросил он. — Что за цифры его научили повторять?

— Боюсь, нас здесь не занимают такие вопросы, — спокойно сказал мистер Сэккетт.

— Правильно ли я понимаю, — сказал старик, — что мистер Паркинс является здешним служащим, человеком, работающим на вашем объекте, мистер Сэккетт? Наверное, существует какая-то неизвестная мне неразрывная связь между норманской церковной архитектурой и дойкой мясного скота?

Инспектор делал героические попытки скрыть кашлем смех. Мистер Сэккетт нахмурился.

— Инспектор Беллоуз, — произнёс он тишайшим голосом, — позвольте вас на пару слов.

Беллоуз кивнул, они встали и вышли в холл. Перед дверью мистер Сэккетт обернулся и предостерегающе посмотрел на мистера Паркинса, у которого покраснели щёки.

— Полагаю, мне сейчас предложат убираться восвояси, — сказал старик.

Но световой иней вновь засверкал на очках мистера Паркинса. Он слабо улыбнулся. Из крана капало в лоханку для мытья посуды. В одной из пепельниц сигарета догорела до фильтра и наполнила комнату едким запахом жжёных волос. Через минуту инспектор вернулся один.

— Спасибо, мистер Паркинс. Вы можете идти, — сказав это, он повернулся к старику с выражением извинения, и в его голосе прозвучали перенятые у мистера Сэккетта нотки бескомпромиссного командного шёпота. — Здесь наша работа закончена.

Часом позже Реджи Пэникер был освобождён из-под стражи, все обвинения с него сняты, а на следующий день следствие официально объявило смерть Ричарда Вулси Шейна результатом несчастного случая. Какого именно несчастного случая — ни тогда, ни позже не уточнялось.

VII

Так или иначе, пчёлы всё-таки с ним говорили. Звук, воспринимаемый другими как монотонное гудение, акустический пробел, для него был изменчивым повествованием, богатым, грамматически оформленным, разнообразным и отчётливым, как отдельные камушки невыразительной серой гальки; и он двигался, прислушиваясь к этому звуку, и ухаживал за своими ульями, словно островитянин, который, нагнувшись, с восхищением со-

бирает морские диковинки. Звук, конечно, ничего не значил — не такой уж старик был сумасшедший, — но из этого вовсе не следовало, что пчелиная песнь бессмысленна. Это была песнь города, города, так же удалённого от Лондона, как Лондон удалён от небес или от Рангуна, города, в котором все жители делали то, что им надлежало, как то было предписано их древними и почтенными предками. Города, в котором никогда не крали драгоценностей, золотых слитков, секретных военно-морских карт, в котором давно сгинувшие средние сыновья и никудышные первые мужья не объявлялись вдруг с Вавура-Вэлли или Витватерсранда, имея в запасе привезённый из глухомани хитрый план, как довести до сумасшедшего дома старых богатых родственничков. Никаких колотых ран, удушений, избиений, стрельбы; почти совсем никакого насилия, разве что иногда случалось цареубийство. Всякая смерть в городе пчёл была намечена заранее и продумывалась десятки миллионов лет назад, и каждая смерть претворялась эффективно и мгновенно в дальнейшую жизнь улья.

Это был город, в котором человек, зарабатывавший на жизнь среди убийц и негодяев, возможно, захотел бы прожить остаток своих дней, прислушиваясь к его песне, — так юноша, только что прибывший в Париж, Нью-Йорк или Рим (и даже, как старику ещё смутно припоминалось, Лондон), стоит на балконе или у окна снятой на двоих комнаты или на крыше многоквартирного дома и прислушивается к шуму транспорта и фанфарам автомобильных гудков, чувствуя, что это музыка его неизвестной судьбы.

Среди пчелиного эпоса и собственного хриплого дыхания под покровом защитной сетки он не расслышал и не почувствовал приближение длинной чёрной роскошной машины, притормозившей у его дома на следующий день. Старик обернулся только тогда, когда прибывший из Лондона человек остановился в десяти футах от него. Лёгкая добыча, подумал он, испытывая отвращение к самому себе. Слава Богу, однако, что все его враги уже на том свете.

Человек был одет как член кабинета министров, но двигался как демобилизованный военный. Широкоплечий, светловолосый, он щурился словно от неприятного солнечного света. По пути к пасеке его левая нога в добротном ботинке фирмы «Клеверли» странным образом слегка волочилась. Он, конечно, прожил достаточно, чтобы иметь десяток-другой врагов, но ещё не так много, чтобы их всех пережить. Шофёр остался ждать у ма-

шины с лондонскими номерами и прикрытыми выключенными фарами, вторившими прищурю ослеплённого солнцем пассажира.

— Они вас когда-нибудь кусали? — спросил человек из Лондона.

— Постоянно.

— Больно?

В качестве ответа на этот дурацкий вопрос старик приподнял сетку, чтобы не утруждать себя вполне очевидным «да». Человек из Лондона спрятал в сидящих светлых усах подобие улыбки.

— Больно, должно быть, — сказал он. — Вы любите мёд?

— Не особенно. Нет, не особенно.

Казалось, человека из Лондона несколько удивил ответ старика, но он кивнул и признался, что и сам не очень-то его любит.

— Знаете, кто я? — спросил он, помешкав.

— Род и вид, — сказал старик и поднёс руку к сетке, словно снова хотел опустить её на лицо. Но затем полностью снял маску с головы и сунул под мышку. — Лучше пройдем в дом.

Человек из Лондона уселся на стул у окна и сделал осторожную попытку, со скрипом отворив окно на один-два дюйма, впустить внутрь хоть немного свежего воздуха. Это был самый неудобный стул в доме, соединивший в себе наихудшие качества пильных козел и церковной скамьи, но у старика не было иллюзий относительно стоявшего в комнате запаха. Хотя сам он его чувствовал, как не чувствует гнусное зловоние своей мрачной берлоги медведь или тот же великан-людоед.

— Могу предложить вам чашечку чая, — сказал он, хотя на самом деле не был до конца в этом уверен. — Кажется, мой запас относится к началу тридцатых. Не знаю, вероятно, чайные листочки со временем начинают горчить или полностью теряют аромат, а я, как человек благоразумный, вынужден признать, что час моих уже пробил. Есть ещё отвратительный эрзац-кофе, который может оказаться для вас новинкой, полковник... Ведь вы полковник, я прав?

— Треднидл.

— Полковник Треднидл. Кавалерист?

— Моторизованная пехота. Шотландский полк Леннокс.

— А, тогда виски.

Предложение было сделано и принято в атмосфере ехидного добродушия, которое до сих пор характеризовало его отношение к офицеру разведки, но старик тут же заволновался, не вы-

пит ли уже давным-давно столь галантно предложенный им шотландский виски, не выдохся ли он, не превратился ли в смолистый клейстер; а может, это вообще был не виски, или его вовсе не было. Пять минут спелеологических изысканий в преисподней стоящей в углу горки привели к появлению на свет божий бутылки «Гленморанджи», покрытой таким слоем пыли, который отпугнул бы любого Шлимана. Он стоял, весь дрожа после успешно проведённой операции и вытирая пот со лба рукой в шерстяной кофте. То, что его, как мальчишку, отстранили от продолжения расследования, означало, что события развиваются в нужном направлении, что появился поворотный пункт на пути к разгадке и, более того, что дело обещает быть захватывающим.

— Нашёл! — воскликнул он треснувшим от стыда голосом и щедрой рукой налил виски в приемлемую, с точки зрения чистоты, рюмку. Протянув её человеку из Лондона, опустил в кресло. Воспоминание о вкусе шотландского виски во рту было подобно запаху горелых листьев, притаившемуся в шерстяном шарфе. Но так немногочисленны и ветхи были скрепляющие его тело узы, что старик не решился их ослабить.

— Наша страна, — начал полковник, — слишком быстро прощает своих врагов и слишком торопится забыть старых друзей. — Он глубоко втянул запах виски, на два дюйма заполнившего рюмку, словно хотел очистить ноздри от посторонних запахов, и выпил половину. Крякнул — похоже, непроизвольно — и мечтательно-удовлетворённо вздохнул: уходящие годы во всех других отношениях были так жестоки. — По крайней мере, таково моё мнение.

— Надеюсь, что за это время я кое в чём был полезен.

— Было решено, — начал полковник, — что вы имеете право на разъяснения.

— Это очень мило.

— Мальчик — сын некоего доктора Юлиуса Штейнмана, берлинского врача. Имя это мне ничего не говорит, но в кругах специалистов-психиатров... — Он сделал ужасное лицо, давая понять, сколько различных вариантов ада он готов на себе испытать, прежде чем согласится оказаться среди психиатров и выслушивать их мнения. Старик оценил, но не поддержал предубеждение полковника. Как врачи психиатры, конечно, оставляли желать лучшего, но зато они часто оказывались прекрасными сыщиками. — По-видимому, этот человек успешно лечил определённые виды расстройства сна. Бог знает, как он это делал. Держу пари, какие-нибудь наркотики. Во всяком случае,

мальчика и его родителей не депортировали в 1938-м. Полагаю, сняли с поезда в последний момент.

— Кое у кого были кошмары, — предположил старик.

— Не удивлюсь, если так.

— У того, кто занимался кодами и шифрами.

— Во всяком случае, чем-то очень секретным, — полковник с нежностью, мысленно прощаясь, посмотрел на последний дюйм оставшегося в рюмке виски. — Держался за своего личного еврейского доктора, сколько мог. Спасался от страшных снов. Жил с ним в каком-то тайном убежище. Со всей семьёй — женой, мальчиком, попугаем.

— И там попугай с коварством и искусством, которым славится его племя, начал запоминать шифровальные коды для Kriegsmarine³¹.

Человек из Лондона оценил сарказм старика, пожалуй, несколько меньше, чем шотландский виски.

— Конечно, попугая специально обучили, — сказал он. — Во всяком случае, таково было предположение. Этот самый Паркинс, похоже, сидел над цифрами целые месяцы. Как только мы узнали об этом...

— Вы попытались сделать так, чтобы Реджи Пэникер украл для вас попугая и продал его мистеру Блэку, который, думается мне, ваш сотрудник.

— Этого я не знаю, — сказал человек из Лондона, и в его тоне послышался вежливый намёк на то, что границ, до которых распространяется его осведомлённость, вполне достаточно для любых наводящих вопросов старика. — И вы ошибаетесь насчёт мальчишки Пэникера. К нам это не имеет никакого отношения.

— И вас не интересует, кто убил вашего мистера Шейна?

— Нет, интересует. Очень даже интересует. Шейн был замечательный человек. Умелый оперативник. Нас крайне волнует его смерть, и не только из-за понятного предположения, что кто-то был подослан, чтобы выкрасть птицу. — Полковник не счёл нужным пояснить, кем именно мог быть послан этот кто-то. — Он может сейчас залечь на дно где-нибудь в окрестностях. К примеру, если это резидент, живший и работавший в деревне ещё задолго до начала войны. А может в данный момент быть в Северном море на полпути домой.

³¹ Военно-морской флот (нем.).

— А может сидеть в кабинете викария и усердно готовиться к воскресной проповеди. Проповеди, текст для которой взят из второй главы Книги Пророка Осии, стихи с первого по третий.

— Не исключено, — сказал человек из Лондона, сухо кашлянув, как будто заменив этим звуком настоящий смех. — Ваш юный друг, инспектор, как раз сейчас занимается отцом.

— Надо полагать.

— Но его причастность маловероятна. Парень ведь розы выращивает, да?

— Несчастный, разочарованный и ревнивый человек убивает мужчину, которого считает любовником своей жены, — вам это кажется маловероятным. С другой стороны, нацистский шпион-убийца, выполняющий приказ о похищении попугая...

— М-м, да. — Полковник заглянул в пустую рюмку, и щёки его порозовели как будто от огорчения. — Дело в том, что и мы по возможности сделали бы то же самое, не так ли? — Внутренние узы, скреплявшие статного полковника, несколько ослабли, но старик сомневался, что виной тому была пыльная рюмка виски. Он знал цвет британской разведки ещё со времён Большой игры до первых отзвуков пушечных раскатов при Монсе. С течением времени её деятельность свелась к чистойшей зеркальной работе: перевёртыши и отражения, отголоски. А в вещах, наблюдаемых в зеркале, всегда было что-то удручающее. — Если бы у них был попугай, набитый до кончиков крыльев нашими военноморскими шифрами, мы, без сомнения, предприняли бы все усилия, чтобы его забрать, — полковник посмотрел на старика с насмешливой улыбкой, адресованной и самому себе, и министерству, на которое он работал, — или увидеть, как он жарится на вертеле.

Он поднялся с жёсткого стула с треском, производимым составляющими его солдатской выправки. Затем, в последний раз жадно взглянув на бутылку виски, направился к двери.

— Мы очень стараемся не проиграть в этой войне, — сказал он. — И для этой цели не так уж нелепо цепляться за учёного попугая.

— Я обещал найти Бруно, — сказал старик. — И найду.

— Если вам это удастся, — ответил полковник. Летний день длинной яркой полосой проник в комнату, когда открылась дверь. До старика донеслось пение из пчелиных городов. Сам солнечный свет был цвета мёда. Во дворе перед домом шофёр очнулся от дрёмы, и в роскошном автомобиле затарахтел двигатель. — Благодарность нации и тому подобное.

— Я верну его мальчику.

Эти слова, произнесённые надтреснутым, гнусавым голосом, прозвучали более вызывающе, чем хотелось бы старику. Но его гость не мог счесть их пустой бравадой чудаковатого старикашки.

Человек из Лондона нахмурился и вздохнул не то с горечью, не то с восхищением. Затем решительно мотнул головой, и этого, подумал старик, обычно бывает вполне достаточно для аннулирования чего угодно, что возникало в ходе его ежедневной работы. Полковник достал клочок бумаги и огрызок синего карандаша. На оборотной стороне клочка он быстро написал номер и аккуратно засунул его в щель перекошенной деревянной дверной коробки. Перед тем как уйти, он обернулся и посмотрел на старика странным мечтательным взглядом.

— Интересно, каковы попугаи на вкус, — сказал он.

VIII

Ульи стояли в ряд с южной стороны от его жилища — остроконечные домики, миниатюрные падоги, белые и ступенчатые, как свадебный пирог. Одна из колоний была заведена ещё в 1926 году, и он мысленно всегда называл её «старый улей». В «старом улье» царствовали поколения сильных плодovitых маток. Старику казалось, что улей такой же древний, как сама Англия, как меловой костяк Южного Даунса. И теперь, в этот семнадцатый год его существования, как всегда летом, пришло время забирать у пчёл мёд.

Ночью перед тем днём, на который было запланировано его откачивать, старик до четырёх читал Дж. Г. Диггса, затем урывками поспал не больше часа, пока наконец не решил, что пора. Он никогда не полагался на будильник. Всю жизнь он спал неглубоко, а одряхлев, и вовсе начал страдать бессонницей. Когда же ему всё-таки удавалось уснуть, он видел во сне загадки и алгебраические задачки, из-за чего толком отдохнуть не получалось. В общем, он предпочитал бодрствовать.

На всё ушло гораздо больше времени, чем он рассчитывал, — умывание, кофе, раскуривание первой трубки. Готовить он так и не научился, а девушка из семейства Саттерли, которая последнее время приходила к нему помогать по дому, появится только в семь. В это время он уже будет полностью поглощён работой на пасеке. Так что позавтракать ему не пришлось. Но и без завтрака он с раздражением заметил, что к тому моменту, когда закончилась его ежедневная борьба с собственным орга-

низмом в уборной, когда он вымыл худые стариковские конечности, застегнул все молнии на специальном рабочем комбинезоне, надел ботинки на резиновой подошве и сетчатую маску, солнце уже взошло и ярко светило в небе. День обещал быть жарким, а в жару пчёлы ведут себя беспокойно. Сейчас в воздухе, по крайней мере, ещё витала ночная прохлада, кое-где стоял туман, и чувствовался тяжёлый запах моря. Поэтому он потратил ещё пять минут на то, чтобы с удовольствием покурить. Утренняя свежесть, тлеющий табак в трубке, дремота позднего лета, напитавшиеся мёдом пчёлы. До истории с учёным попугаем это были все его радости жизни. Как он понимал, животные радости.

Когда-то давным-давно такие вещи значили для него очень мало.

Подошвы ботинок скрипели по траве, когда он пошёл к сараю за инструментами для взлома и когда потом захромал к пасеке. На полпути он почувствовал резкий маслянистый запах верескового мёда. Этим летом вереск рос хорошо. Саттерли будут довольны; по старинной договорённости они продавали откаченный из его ульев мёд и заработок оставляли себе, а вересковый мёд был в четыре-пять раз дороже обычных сортов.

Наконец он остановился перед «старым ульем», держа дымокур и закупоренную бутылку с бензальдегидом. От улья исходило ощущение обречённой удовлетворённости, как будто город отсыпается на следующий день после карнавала, а с вершины холма его разглядывает армия гуннов. Старик глубоко втянул дым и опустил на землю, оперевшись для равновесия на дымокур. Несколько рабочих пчёл топтались у круглого городского портала.

— Доброе утро, дамы, — сказал он, а может, только подумал, что сказал.

Он приблизил губы к входному отверстию и выдохнул густой, зловонный табачный дым. Он приучил своих пчёл к послушанию, достойному всяческих похвал, но когда приходишь украсть чужой мёд, лучше не рисковать. Его любимый табак обладал замечательными успокоительными свойствами. Журнал «Британское пчеловодство» даже опубликовал его заметки на эту тему.

Он с треском поднялся на ноги и приготовился снять магазин улья с его жирными восковыми сотами. От этого занятия он не получал удовольствия, с каждым годом магазины становились всё тяжелее. Нетрудно было вообразить, как он споткнётся по дороге к задней веранде, где работала медогонка: хруст опорной

кости, разломанные рамки с пролитым на землю мёдом. Нельзя сказать, чтобы старик боялся смерти, но он столько лет избегал её, что она стала внушать страх просто по причине столь затянувшегося бегства. В частности, он боялся умереть каким-нибудь неподобающим образом: в уборной или упав лицом в кашу.

Он терпеливо подождал, пока трубка потухнет, и сунул её в широкий карман комбинезона вместе со спичками и кисетом. Бензальдегид не слишком легко воспламеняем, но поджечь себя собственной непотушенной трубкой соответствовало бы его самым отвратительным представлениям об унижении, которое однажды преподнесёт ему смерть. Теперь, когда трубка не мешала, он откупорил стеклянную коричневую бутылку, и его обонятельный орган был сокрушён, почти уничтожен резкой волной марципанного запаха. Он разбрызгал изрядное количество химиката на войлочную подкладку дымокура. Затем, взявшись за остроконечную крышу улья, приподнял её. Быстро, чуть не уронив, положил крышу на землю и повернулся к сотам, великолепным сотам, каждая ячейка которых была прочно запечатана восковой крышечкой — результат усердной пчелиной работы. Они были необычайно бледные, какими бывают лишь вересковые медовые соты — насыщенная белизна, подобная белому цвету смерти или гардени. Он был в восторге. То тут, то там деловитая пчела удивлённо раздумывала над причиной беспорядка, неожиданно пролившегося в улей дневного света. Одна, героическая дочь своего народа, сразу же поднялась в воздух, чтобы напасть на старика. Если она его и ужалила, то он не заметил. Старик давно уже привык к пчелиным укусам. Он установил дымокур на бледное пространство сот и водрузил крышу на место. Через несколько минут отвратительное зловоние альдегида выгонит пчёл, ещё находящихся рядом с сотами, вниз улья, на следующий урвень.

Обычно, когда сетка была опущена на лицо, он не слышал ничего, кроме собственного хрипящего присвиста и пчелиного жужжания. Но сейчас, с такими жирными медлительными пчёлами, он решил обойтись без сетки, и поэтому ему удалось расслышать позади себя сдавленный крик. Пожалуй, он был больше похож на всхлип, краткий и расстроенный. Сначала старик подумал, что это девушка Саттерли, но, повернувшись, увидел мальчика. Тот стоял у сарая, прижав к губам тыльную сторону ладони. На нём были те же короткие штанишки и чистая отглаженная рубашка, как в день их первой встречи, но, стоя без попугая, он поразил старика своим явным одиночеством.

Старик улыбнулся:

— Больно, да?

Мальчик медленно кивнул. То ли он был слишком удивлён, то ли испытывал слишком сильную боль, чтобы делать вид, что плохо понимает по-английски. Старик подошёл к нему неторопливой походкой, качая головой.

— Какой ты исключительно несчастливый мальчик, — сказал он. — Давай-ка посмотрим.

Он взял его руку. На тыльной стороне ладони, как раз под запястьем, вздулся пупырышек, на верхушке которого торчала чёрная ниточка жала. Расстегнув молнию кармана, старик вынул спичечную коробку и снял с неё крышку. Держа коробок со спичками на сложенной чашечкой левой ладони, правой рукой сплющил крышку и краем сплющенного картона потихоньку вытащил жало из руки мальчика. Во время этой процедуры мальчик ревел во весь голос.

— Жало нельзя тащить быстро, — сказал старик с резкостью, которая совсем не входила в его намерения. Он знал о существовании специальных слов для утешения расстроенных детей, но как раз их-то ему всё было недосуг выучить. Многие годы мальчишки прекрасно на него работали — но это же было в другом веке! — будучи его глазами и ушами в самых отдалённых местах, незаметно пробираясь в тёмные переулки и дворы, где его собственное присутствие привлекло бы ненужное внимание, проскальзывали через фрамуги,

через чёрные ходы подозрительных пивных, на конюшенные дворы мошенников-инструкторов по верховой езде и обратно. И на свой высокомерно-шутливый лад он беседовал с ними и беспечно заботился о них. Но то была совсем другая разновидность мальчишек, ободранных, грубых, нищих и жадных, с пустыми глазами, приученных голодом и бедностью проявлять лишь самый узкий спектр человеческих эмоций. Они бы лучше выпили щёлок, чем позволили бы кому-то увидеть их слёзы. — Иначе яд разойдётся по руке.

Жало упало, мальчик забрал руку и стал рассматривать розовый гистаминный бугорок. Затем сунул его в рот, чтобы снять боль. Что-то в этой сцене — немой мальчик, сосущий тыльную сторону ладони — разозлило старика. Он с удовольствием вообразил, как треснул бы его по щеке.

— Погоди, — сказал он. — Так не надо.

От ярости и артрита пальцы его не слушались, и ему никак не удавалось закрыть коробок. В результате коробок упал на

землю, а спички рассыпались. Старик выругался. Потом намеренно, с какой-то необъяснимой злостью грязно выругался ещё раз, по-немецки. Приятно-омерзительные слова сорвались с его губ, доставив несомненное удовольствие.

Мальчик перестал сосать покрасневшую руку. Озорные искорки запрыгали в его больших печальных глазах, промелькнула вспышка напряжённой весёлости, какая бывает у попугая, и которая иногда в том, минувшем девятнадцатом веке озаряла пустой напряжённый взгляд оборванцев, время от времени выполнявших его поручения. Мальчик взял у старика разъединённые части спичечной коробки, опустился на колени, собрал разбросанные спички и аккуратно уложил их на место. Потом передал коробок старику, который вновь отправил его в закрывающийся на молнию карман комбинезона, а оттуда достал кисет. Рассыпав по земле зловонные конфетти, вытащил щепотку табаку. Из рта высунулся людоедский язык, острый, с желобком посередине. Старик смочил табак тягучей драконовой слюной. Потом потянулся к мальчику.

— Ну а теперь, — сказал он как можно ласковее. Правда, ласково, кажется, всё-таки не получилось. Мальчик понял. Он вложил свою ужаленную руку в руку старика. Лицо его при этом было серьёзным, словно он чего-то ждал, — например, скрепить некую мальчишескую клятву кровью, полученной от булавочного укола, или намазав ладони священной слюной. Старик приложил влажную щепотку табаку к ранке, взял другую руку мальчика и накрыл ладонь пчелиный укус с табачным комочком. — Вот так. Держи крепче.

Мальчик повиновался, а старик с трудом вытаскивал дымокур с верхнего магазина улья. Он надеялся, что прошло не так много времени: слишком длительное воздействие дыма могло повлиять на аромат мёда. Отставив дымокур, он ухватился за край переполненного мёдом магазина и сделал несколько нетвёрдых шагов к веранде, где стояла медогонка. Старик лихорадочно, с отчаянием, от которого ему стало грустно, пытался держаться на ногах как можно твёрже. Но все его старания не смогли обмануть мальчика. Послышался скрип о траву резиновых подошв, и тот оказался рядом, схватился ужаленной рукой за край прямоугольной рамки магазина — воспаление, похоже, уже начинало спадать.

Вместе они направились к веранде. На старика мальчик не смотрел, но настороженно и быстро озирался вокруг, опасаясь нового нападения. Пока старик пытался открыть дверь, тяжесть

рамки неумолимо переместилась на мальчика. Но он выдержал. Оба ввалились на веранду, где стояла центрифуга с огромной рукояткой с зубчатой передачей — терпеливо, с укоризной ожидающий своего часа бездействующий фермерский агрегат.

Даже при открытой двери на веранде царил глубокий кисловатый морок ещё с тех давних времён, когда убирали хлеб. Они поставили поднос со сверхъестественно ослепительным грузом воска на чистую простыню и отправились назад, к пасеке.

Если бы он работал в одиночку — а именно так он неизбежно предпочитал работать последние тридцать лет, — то только затемно смог бы всё закончить: поочерёдно снять магазины с шести ульев, по два магазина с каждого; вырезать рамки с сотами; разогретым лезвием ножа для масла срезать восковые крышечки; загрузить в медогонку куски нарезанных сот с капающим мёдом и вертеть ручку, пока весь мёд, который можно вытянуть из сот, окажется залитым, благодаря различным действиям центробежной и гравитационной сил, в банки для отстоя мёда; проследить за тем, чтобы дверь на веранду была плотно закрыта и защищала от пчелиных контраатак; и наконец вернуть опустошённые магазины в ульи. С помощью же Лайнуса Штейнмана, с течением дня становившегося всё более расторопным, мальчика умного, ловкого и, к счастью, безоговорочно и изумительно молчаливого, он закончил работу в начале пятого. Они стояли рядом на крытой веранде, ощущая густой, насыщенный запах — как атмосферу планеты брожения и разложения, как планету Венеру во всём её прогорклом мрачном буйстве — мёда. Когда замерла центрифуга, им почудилось, что веранда, ферма, их долина, защищённая склоном холма, огромная чаша однообразно зелёного мира вокруг, наполнились непроницаемой, тягучей тишиной.

И тут же приятное ощущение от совместного труда ушло. Старик и мальчик посмотрели друг на друга.

Мальчик явно что-то хотел сказать. Он рылся в карманах, и пальцы его с неприятным шуршанием липли к коротким штанишкам и рубашке. В заднем кармане нашёлся огрызок карандаша, но поскольку поиски блокнота оказались безрезультатными, на куполообразном мальчишеском лбу появилась морщинка. Он хлопал себя сверху вниз и снизу вверх, пока между кончиками пальцев и карманами не образовались нежные медовые ниточки, одев их тончайшим пушком. Старик беспомощно смотрел, как мальчик с возрастающим беспокойством скатывает пушок в комочки, снимая его с ладоней и кончиков пальцев. Без сомне-

ния, блокнот при затянувшемся отсутствии Бруно оставался единственным товарищем его мыслей.

— Может, ты обронил его на пасеке, — предположил старик. Говоря это, он почувствовал в своих словах как нотки искреннего расположения, которое ему наконец удалось выразить, так и подлинно стариковское отсутствие всякой надежды.

Ничего не поделаешь — они побрели к ульям, где старик с воспалёнными суставами и подрагивающими мышцами умудрился опустить на землю свои гремящие кости. С присущей ему когда-то собачьей самоуверенностью он прочесал двор, разыскивая дешёвые картонно-бумажные остатки утраченного мальчишеского голоса. При взгляде снизу шесть ульев в лучах заходящего солнца казались белыми и торжественными, как храмы в Лакхнау или Гонконге. Он шарил вокруг, нагибаясь и карабкаясь, восстанавливая по памяти, по ощущению пальцев и данным зрения мятую дорожку маленьких мальчишеских следов на тонкой, сухой траве. Пока он ползал на четвереньках, ему вновь пришла в голову мысль о возможности встретить смерть в таком виде, и, к своему удовольствию, он отметил, что её не омрачила даже тень унижения. Долгая жизнь стёрла всё, что было несущественным. Некоторым старикам в конце жизни оставалась всего лишь сумма воспоминаний, другим ничего, кроме хватких щипцов или набора подтверждённых горьких аксиом. Его бы вполне устроило, если бы в самом конце он превратился в один-единственный огромный орган сыска, устремлённый в пустоту в поисках разгадки.

Однако, в конце концов, он был вынужден признать, что искать нечего. Когда, пошатываясь, он поднялся на ноги, дрожание суставов было как всеобъемлющее чувство утраты, воздействие на его кости неумолимого сопротивления вещей, однажды потерянных и не желающих быть найденными. Мальчик тяжело вздохнул, словно принеся этот вздох с собой с того берега Северного моря. Пожимая плечами, старик стоял рядом. С осознанием неудачи, казалось, серая тень накрыла все его чувства, — так неминуемо, словно ползущее облако, огромный спутник, скользя, заслоняет собою солнечный лик. Смысл исчез из вселенной подобно свету, бегущему от солнечного затмения. Огромное количество опыта и знаний, выводов и наблюдаемых результатов — а в этом деле старик считал себя мастером — потеряло в одно мгновение всякий смысл. Окружающий мир превратился в страницу иностранного текста. Ряд белых сот, из которых доносятся таинственное горестное гудение. Мальчик в пылающих мизмах нитей, с обращённым к нему лицом, плоским и оттенённым

по краю, как будто вырезанным из бумаги и приклеенным к небу. Лёгкий ветерок, рисующий зыбкие портреты пустоты на бледно-зелёных кончиках трав.

Старик поднёс к губам кулак и прижал его, стараясь побороть горячий приступ тошноты. Его попытка придать себе уверенность, смутно припомнив, что такие затмения уже бывали раньше, была пресечена контр-воспоминанием о том, что теперь они стали случаться гораздо чаще.

Лайнус Штейнман улыбнулся. Из какого-то незапечатанного кармана или из-за подкладки мальчик достал обрывок визитной карточки. Заслонявшая солнце луна покатила дальше, и мир вновь был ослеплён смыслом и светом и изумительной тщетой значений. Глаза старика подёрнулись постыдными слезами, когда он, успокоившись, следил, как мальчик быстро пишет короткий вопрос на найденном клочке. Подойдя к старику, мальчик вопросительно посмотрел на него и протянул обрывок серовато-бежевой бумаги верже.

— Лего Фред, — прочитал старик. Он понимал, что обязан разобрать это послание, но смысл всё равно ускользал. Наверное, его вышедший из строя мозг не смог на этот раз полностью восстановиться после недавнего отключения. Возможно, это неграмотный и ломаный призыв, воспоминание об исчезнувшем африканском сером попугае? Или...

Клочок визитной карточки выскользнул из стариковских пальцев и, кружась, упорхнул на землю. Ворча, старик наклонился, чтобы его поднять, а когда поднял, то на обороте увидел два слова и цифру, написанные не мальчишескими корявыми карандашными каракулями, а твёрдым, явно взрослым почерком чёрными чернилами и тонким пером. Это был адрес мистера Дж. Блэка, торговца редкими и диковинными птицами с улицы Клуб-Роу.

— Откуда у тебя эта бумажка? — спросил старик.

Мальчик забрал клочок визитной карточки и вывел под адресом только одно слово: «Блэк».

— Он был здесь? Ты с ним говорил?

Мальчик кивнул.

— Понятно, — сказал старик. — Понятно, что мне надо ехать в Лондон.

IX

Его чуть не задавил мистер Пэникер.

Если в ясную погоду за рулём сидел благоразумный, как того требовала сама суть его профессии, викарий, то маленьким стареньким автомобилем Пэникеров бельгийского производства, терпящим безобразное обращение со стороны сына своего нынешнего владельца и сохранившим лишь немногие из своих первоначальных частей, управлять было трудно. Малюсенькое ветровое стекло и разбитая левая фара придавали автомобилю вид двигающегося ошупью кривого, этакого тонущего грешника, ищущего аллегорический спасательный канат. Механизм рулевого управления, что, возможно, было не так уж некстати, в большей степени зависел от постоянного применения силы молитвы. Тормоза же, хоть говорить так значило бы богохульствовать, находились за гранью даже этого святого посредничества. В целом, своей непригодностью, обшарпанностью и в высшей степени неумолимой и неисправимой бедностью он по-своему, но вполне отчётливо символизировал всё, что было присуще жизни человека, который — далеко не благоразумный, с точки зрения его профессии, и охваченный порывом внутреннего неистовства, почти такого же глубокого, как то, что в это холодное, мокрое, ветреное, типично английское летнее утро толкало во все стороны печальную жёлто-коричневую «империю» на лондонском шоссе — вдруг понял, бешено давя на отказавшую тормозную педаль и глядя на единственный дворник, размазывающий и видоизменяющий полупрозрачную дымчатую арку на ветровом стекле, что вот-вот совершит убийство.

Сначала, увидев лишь качающуюся тень, пляшущий на ветру кусок клеёнки, сдутый с поленицы какого-то фермера, он приготовился проскочить прямо сквозь него, поверив в иронию судьбы, которая сопровождала его неизменно. Затем, как раз тогда, когда рок в виде трепещущего покрова чуть не поглотил автомобиль, клеёнка вдруг обернулась плащом и когтями, огромной летучей мышью, летящей навстречу и бьющей крыльями из коричневого твида. Оказалось, что это человек, старик, сумасшедший старик-пасечник, который, шатаясь, с бледным вытянутым лицом выскочил на дорогу и размахивает руками. На пути викария порхала огромная безумная сумеречная бабочка. Мистер Пэникер рванул руль влево. Откупоренная бутылка, похищенная у непутёвого сына, которая до сих пор была единственным товарищем его суматошного бегства, вылетела из удобной ямки на соседнем сиденье и шмякнулась о перчаточный ящик, разбрызгивая бренди, точно кропило. С несомненным чувством свободы, как будто наконец она достигла состояния, к которому стреми-

лась уже давно, в течение всей своей жалкой карьеры, выражавшейся в бессмысленном, трясущемся ползанье и внезапных остановках, «империя» нарисовала ряд широких балетных петель по лондонскому шоссе, каждая из которых соединялась с предыдущей по кольцеобразной траектории, оставив детский рисунок ромашки, наполовину начерченный полосами на мокром чёрном щебне. Именно в этот момент отношения мистера Пэникера с небесами вновь продемонстрировали давно присущий им сарказм. Машина решила прервать свою эскападу или просто потеряла к ней всякий интерес и, затрясшись, остановилась, проехав ещё футов двадцать вперёд: её капот, верный первоначальному намерению, развернулся в сторону Лондона, двигатель тарыхтел, одинокая фара высматривала что-то вдали сквозь льющийся дождь. Было похоже, что машина получила нагоняй за свои выходы и теперь приготовилась смиренно продолжить путь. Пассажирская дверь открылась. С воем ветра и бегущей сзади свитой из дождевых капель старик ввалился в автомобиль. Захлопнув за собой дверь, он начал отряхиваться, как худая мокрая собака.

— Благодарю, — лаконично сказал он и обратил жутковато ясный взгляд на своего спасителя, на перевёрнутую бутылку бренди, рваную кожаную обшивку сиденья, торчащие провода, облезлую приборную панель и даже, как показалось мистеру Пэникеру, на саму его душу, изумлённую и насквозь промокшую. Длинные широкие ноздри старика улавливали запах каждой пролитой капельки бренди. — Доброго вам утра.

Мистер Пэникер понял, что от него требуется включить передачу и отправляться в Лондон, делая вид, будто всё так и было задумано — и новый пассажир, и запах мокрой шерсти и табака. Однако он никак не мог заставить себя это сделать. Столь глубоким и произвольным стало его родство с «империей» 1927 года выпуска, что ему чудилось, будто этот высокий промокший старик залез прямо в колымагу его черепной коробки, нарушив её мрачную неприкосновенность. Течение его мыслей, до сих пор представлявшее собой беспорядочное горение, питаемое двойным источником непривычного пьянства и весёлой ярости, казалось, тоже, подрагивая, остановилось. Куда он едет? Что делает? Неужели он наконец действительно убежал? Разве можно вот так просто сложить брюки в пакет и уйти?

Двигатель, словно со вздохом, несколько притих. Кажется, пассажир принял неподвижность и молчание мистера Пэникера

за просьбу объяснить происходящее, и в общем-то, подумал мистер Пэникер, он не ошибся.

— Железнодорожное сообщение прервано, — сухо сказал старик. — Наверное, переправляют войска. Не сомневаюсь, что это подкрепление в Мортен. Там, по-моему, идут тяжёлые бои. Так или иначе, по железной дороге сегодня до Лондона не добраться, а мне крайне необходимо это сделать.

Он уставился на свои испачканные грязью ботинки с высокой шнуровкой и на толстой подошве, старые походные солдатские ботинки, какие шли маршем в Хартум и Блумфонтейн. Ворча и скрипя костями — звук, встревоживший мистера Пэникера, — старик потянулся вперёд и извлёк бутылку бренди, а следом маленькую пробку, упавшую и куда-то закатившуюся вскоре после отъезда викария — тайного, если не вороватого — из дома. Понюхав горлышко, старик сморщился и приподнял бровь. Потом, когда его черты сложились в такую непроницаемую физиономию, что её можно было трактовать только как издевательскую, он протянул бутылку мистеру Пэникуру.

Тот безмолвно мотнул головой и отжал сцепление. Старик закупорил бутылку. И они вместе помчались в город.

Довольно долго они ехали молча, поскольку мистер Пэникер, обнаружив, что источник его ярости иссяк и опьянение начало проходить, впал в уныние от вызванного собственным поступком недоумённого замешательства. Он всегда был человеком, чьи действия и мнения характеризовались корректностью, а также предусмотрительным отсутствием непредсказуемости, которое много лет назад в семинарии в Коттаяме его научили ценить, полагая одной из знаменательнейших добродетелей хорошего викария. Молчание, глубокие старческие вздохи и кидаемые украдкой взгляды непрошенного пассажира показались ему прелюдией к неизбежной просьбе объясниться.

— Вы, наверное, удивлены?.. — начал он, вцепившись в руль и подавшись вперёд, чтобы быть ближе к ветровому стеклу.

— Да?

Он решил сказать старику — и эта идея представилась его воображению такой яркой и блестящей, словно её набросала рука художника, — что он едет в Лондон посетить абсолютно вымышленный синод англиканской церкви юго-восточной Англии. Таким образом можно было объяснить пакет на заднем сиденье, уложенный для двух- или трёхдневного путешествия. Да, синод в Чёрч-Хаусе. Он остановится в «Кремптоне» с его более чем приемлемой кухней. Утром намечен ряд серьёзных дискуссий по

вопросам литургии, затем обед и во второй половине дня ряд семинаров с более практическим уклоном, готовящих священников к служению в послевоенный период. Его преосвященство Стэкхаус-Холл, архидиакон Бромли, выступит с приветствием, как всегда, отмеченным учёным добродушием и неожиданно расставленными акцентами, которые так естественно должны быть восприняты семьями, встречающими своих отцов и братьев, вернувшихся с войны. Полируя и украшая деталями свою историю, мистер Пэникер увлекался всё больше и больше, и, как ни странно, его даже вдохновляла возможность её изложить.

— Думается мне, мистер Пэникер, что я нагрязнул к вам в тяжёлый момент, — сказал старик.

С печальным видом мистер Пэникер смахнул конференц-зал, гостиницу, ресторан, музей и несколько башенок из спичек со скатерти своей фантазии. Утративший веру старый священник бежит пьяный от лежащей в руинах жизни.

— Да нет, я... — начал было мистер Пэникер, но почувствовал, что продолжать не может — горло перехватило, а в глазах защипало от неминуемых слёз. Бывают случаи, он сам это прекрасно знал, когда простое понимание твоего горя может быть пусть грубым, но утешением.

— Это, право же, поразительно, что сегодня утром наши с вами дороги в буквальном смысле пересеклись. Ибо дело, по которому я еду в Лондон, напрямую связано с вашими домашними, сэръ.

Реджи. Вот оно что. Хотя полиция сняла обвинение с его сына или, по крайней мере, прекратила расследование по делу об убийстве этого скакавшего верхом на стуле тупоголового коммивояжёра, который продавал коровьи соскодеры, тень сомнения не была снята с рассуждений самого мистера Пэникера, касаемых данного преступления. Вероятность того, что сын всё-таки виновен, вызывала ощущение стыда, как почти всё, что в той или иной степени затрагивало его чадо, но на этот раз стыд отягощался тайным осознанием того, что жестокое убийство Ричарда Шейна на дорожке за домом викария перекликалось, как в общих чертах, так и в деталях, со скрытым направлением его самых тёмных мыслей. Когда на прошлой неделе к нему зашёл следователь Беллоуз, невысказанная цель визита, хотя все вопросы формулировались с величайшей осторожностью, была очевидна. Он сам, Кумбхампойка Томас Пэникер, образец для подражания и живой символ кроткого, но непреклонного служения Господу, несомненно, попал под подозрение в убийстве человека — из

ревности. И хотя он не убивал Шейна, он не мог не чувствовать, что желание это сделать — ярость, от которой у него дрожали руки, стоило только брошенному Шейном слову вызвать ошеломляюще чудесную улыбку на лице жены — каким-то образом вырвалось из его души и, подобно газу, смертельно отравило и без того большую душу его сына.

— Насколько я понял... Реджи... В полиции сказали...

Вдруг его поразила мысль, что их пути со стариком вовсе не «пересеклись». Он всё так же находится под подозрением, и этого древнего ветерана наняла полиция себе в помощь, а может, фантастический безумец в полубреду сам решил взяться за расследование.

— Скажите, — обратился к нему старик, и прокурорские нотки в голосе подтвердили наихудшие опасения мистера Пэникера. — Вы в последнее время не замечали или лично не встречали никаких незнакомцев у вашего дома?

— Незнакомцев? Я не...

— Это мог бы быть лондонец, весьма вероятно, немолодой, возможно, еврей. Человек по имени Блэк.

— Торговец птицами, — сказал мистер Пэникер. — Его карточку нашли у Реджи в кармане.

— У меня есть основания полагать, что он недавно нанёс визит вашему юному жильцу мистеру Штейнману.

— Нанёс визит? — К мальчику, без сомнения никто не приходил, кроме Мартина Кэлба. — Мне об этом ничего...

— Совершенно очевидно, как я и предполагал вначале, мистер Блэк действительно знает о существовании нашего Бруно и о его феноменальных способностях. Эта недавняя попытка напрямую связаться с мистером Штейнманом говорит о том, что Блэк до сих пор не имел известий от своих внушающих доверия агентов и ничего не знал об исчезновении Бруно. Возможно, именно отчаявшись установить с ними связь, он тайно посетил мальчика, пытаясь договориться о продаже попугая или, что не исключено, его украсть. Как бы там ни было, я намереваюсь задать несколько прямых вопросов мистеру Джозефу Блэку с Клуб-Роу. В противном случае мне не удастся прийти к окончательному решению по поводу того, где находится птица.

— Птица, — повторил мистер Пэникер, сбрасывая газ. Они подъезжали к Ист-Гринстеду, где располагался военный пост, и на дороге уже начала образовываться пробка. — Так вы ищете птицу.

Старик повернул голову, вскинув одну бровь, словно в викаррии его поразило нечто, достойное жалости и упрёка.

— А вы разве нет? — спросил он. — Мне кажется, что любой человек, уполномоченный действовать *in loco parentis*³², задумался бы об исчезновении столь замечательной и любимой ребёнком птицы...

— Да-да, конечно, — пробормотал мистер Пэникер. — Мы все очень... Мальчик всё это время... безутешен.

На самом деле за те две недели, что прошли после исчезновения попугая, мысль о нём приходила мистеру Пэникеру только в связи со сценами насилия и кровопролития, мести за супружескую измену и платы за унижение, которые характеризовали его помыслы в течение недолгого пребывания у них в доме этого треклятого мистера Шейна. Ибо мистер Пэникер был таинственным образом уверен, что попугай Бруно мёртв, и более того, что его умертвили каким-то страшным, отвратительным способом. Несмотря на своё дикое происхождение, как об этом сообщалось в томе на букву «П» энциклопедии «Британника», из тропических районов Африки, Бруно был птицей домашней, приручённой и воспитанной. Вне дома в руках злодеев он, конечно, был обречён попасть в беду. Викарию мерещился глядящий на него чернильного цвета глаз в момент, когда попугаю сворачивают шею; он видел, как изломанную тушку бросают в помойку или канаву, а за ней остаётся лишь след из пуха и перьев; видел, как птицу раздирают на части горностаи, как она болтается, запутавшись, в телеграфных проводах. Эти кошмарные видения были для мистера Пэникера весьма неожиданны — чего нельзя сказать о видениях, связанных с покойным Диком Шейном, кого в своём воображении он приговаривал к подобной же участи — тем более, что попугая викарий всегда ценил очень высоко. В суматохе расследования дела об убийстве, захлёстнутый мутной и грязной волной соседских сплетен и составивший наконец-то окончательную формулировку силлогизма всей своей жизни о неудавшемся браке с Джинни Сталлард, он воспринимал появление кроваво-красных картин птичьего избиения как единственное вторжение пропавшего попугая в своё сознание. Теперь впервые у него промелькнула мысль (и тут-то он ощутил стыд гораздо более глубокий и жгучий, чем тот, что вызывали в нём его брак, карьера и дурное поведение негодного сына) — маленькая, хрупкая, с серьёзным взглядом, бессловесная, похожая

³² Вместо родителей (*лат.*).

на Лайнуса Штейнмана мысль — о мальчике, потерявшем своего единственного друга.

— Вся эта недавняя неразбериха... — вежливо подсказал старик. И добавил: — Без сомнения, ваш пасторский долг и обязательства...

— Нет, — проговорил мистер Пэникер. Он сразу стал трезвым и спокойным и в то же время почувствовал приступ нелепой благодарности — благодарности, которую испытывает или должен испытывать человек за то, что родился с руками и может помогать тем, кто родился безруким. — Конечно, не в этом дело.

Они доехали до поста. Двое вооружённых военных, одетых в тяжёлые серые пончо, обступили «империю» с обеих сторон. Мистер Пэникер взялся открывать водительское окно и, чтобы ускорить процесс, несколько раз — по необходимости — с силой надавил вниз на край стекла.

— Цель приезда в Лондон?

— Цель?

Мистер Пэникер взглянул на старика, а тот с комической невозмутимостью на него.

— Да, — ответил мистер Пэникер. — Да-да, как же. Мы... э... мы приехали разыскивать попугая, не так ли?

Жена мистера Пэникера, к несчастью, подтверждая смысл мужней фамилии, страдала гефирофобией, то есть впадала в ужасную панику при пересечении любого моста. Когда вёзшая её машина, автобус или поезд оказывались висящими над Тамаром, Эйвоном или Темзой, она забивалась глубоко в кресло, зажимала глаза и дышала носом коротко и со свистом, тихонько постанывая и сидя абсолютно неподвижно, как будто держала в ладонях чашку, наполненную до краёв страхом, и боялась пролить даже каплю. Когда Пэникер вёз старика через Кройдон, город так быстро и беспорядочно начал громоздиться вокруг них, что последний впал в беспокойство, сродни той же фобии. Свистящее дыхание носом, побелевшие костяшки пальцев, вцепившихся в колени, выступившие натянутые мышцы тощей шеи — во всём этом мистер Пэникер увидел свидетельство совершенно непреодолимого страха. Однако при въезде в Лондон глаза старика, в отличие от глаз миссис Пэникер, когда та оказывалась в западне посреди моста, были широко открыты. Старик по своей неисправимой природе, был человеком, рассматривающим всё вокруг даже тогда, когда это всё, как теперь, его ужасало.

— Вам нехорошо?

Целую минуту старик молчал и просто смотрел в боковое стекло на улицы проплывающего мимо южного Лондона.

— Двадцать три года, — прохрипел он, — 14 августа 1921-го. — Откуда-то из внутреннего кармана он достал платок, провёл по лбу и промокнул уголки рта. — Воскресенье.

Назвав число и день недели своего последнего свидания с Лондоном, старик, кажется, в определённой степени обрёл равновесие.

— Не знаю, что я... Глупо. Так много приходилось читать о разрушениях от бомбёжек и пожаров. Я был готов увидеть руины. Признаюсь, я в определённой степени даже предвкушал — просто из некоего, ну, будем снисходительны и скажем «научного любопытства», что, знаете ли, увижу этот великий город лежащим грудой дымящегося пепла вдоль Темзы. Но, нет, наоборот, он...

Старик не мог найти подходящий эпитет. Они уже переехали реку и оказались зажатыми между возвышавшимися с обеих сторон чёрными автобусами. Ряды человеческих лиц смотрели на них сверху вниз с инквизиторским безразличием. Затем автобусы разъехались соответственно на восток и на запад, и, как бывает при открытии двух шлюзов, на старика и викария потоком обрушился старый город. В течение года, приведшего к шестому июля, мистера Пэникера больше всего поражала одна вещь — удивительная американизация Лондона: американские лётчики и моряки, офицеры и солдаты-пехотинцы, американские военные машины на улицах, американские фильмы в кино, атмосфера громкой, вульгарной развязности, запах средств для укрепления волос, какофония разгулявшихся гласных — всё это, он был готов допустить, скорее всего, являлось плодом его воображения. Однако же город стал для него более живым, одновременно ужасным и неотразимым, исполненным бурного, грубоватого добродушия, словно завоевание самой Европы, сейчас проходящее кровавые стадии в северной Франции, было всего лишь неизбежным взрывом и распространением джазоподобного сленга, неудержимого желания плясать чечётку.

— Это новое, — опять и опять повторял старик, тыча негнуцимся крючковатым пальцем в какой-нибудь деловой квартал или жилой массив. — Этого здесь не было.

Его голос по мере углубления в перемены, произошедшие в Лондоне с того воскресенья 1921 года, упал до хриплого, потрясённого шёпота. Мистеру Пэникеру показалось — а он обладал

мощным воображением проповедника, — что старик, должно быть, испытывает (довольно поздно, по мнению vicария) некое предощущение смерти или наблюдает саму её природу. После долгого отсутствия в городе, в котором старик некогда властвовал тихо и незаметно, он, кажется, ожидал, что город, как и весь мир, когда мы покинем его, каким-то образом перестанет существовать. После нас хоть блицкриг. И вдруг, пожалуйста, он не только увидел продолжение существования города, но и безудержную, нечеловеческую силу его роста.

— Пепел, — с удивлением произнёс старик, когда они проезжали мимо огромного нового района, построенного Черчиллем для тех, чьё жильё оказалось разрушенным. Он был похож на обширный вспаханный участок, на котором ряд за рядом выросли маленькие, словно игрушечные домики. — Я думал, что увижу лишь дым и пепел.

— Здорово досталось Ист-Энду, — в утешение сказал мистер Пэникер. — Вы увидите, когда мы подъедем к Шордичу.

Они промчались мимо покрытых сажей арок Бишопсгейтского пакгауза и оставили машину у Арнольд-Серкус, на улице, которую старик с удовлетворением отнёс к наиболее пострадавшим, поскольку на неё пришёлся главный удар немецких сил — рядом с аккуратной грудой брусчатки, спасённой от ударной волны и готовой к укладке. Они завернули за угол и вышли на Клуб-Роу. Мистер Пэникер давно привык предлагать пожилым людям опереться на свою руку и умел на этом настаивать, но старик отверг все его попытки, даже отказавшись от помощи, когда вылезал из тесного нутра машины. Как только старик ощутил, так сказать, почву под ногами, как только охота началась, как в несколько романтическом духе сформулировал мысленно мистер Пэникер, старик стряхнул с себя болезненное замешательство, вызванное путешествием в сегодняшний день, высоко поднял подбородок и схватился за ясеневый набалдашник трости, как будто очень скоро намеревался пройтись ею по головам заслуживающих того негодяев. И в самом деле, на Клуб-Роу мистеру Пэникеру было довольно трудно поспевать за этим широко шагающим древним согбенным пугалом.

Надо сказать, что улица Клуб-Роу очень мало изменилась с августа 1921-го, а может, и вовсе не изменилась, как не изменилась она и с августа 1901-го или 1881-го. Какое-то давно забытое дело привело сюда мистера Пэникера однажды утром много лет назад. Он вспомнил, как оживлённо здесь было от ужасного, бессмысленного гомона, который всегда стоит в зоологических

садах и зверинцах, как перекрикивали друг друга продавцы птиц, торговцы щенками и кошками, и рождалась сверхъестественная и волнующая эхолалия, одновременно смеющаяся и поддающаяся осмеянию посаженного в клетки и глядящего оттуда товара. Он прекрасно понимал, проходя мимо, что попугай лори и волнистые попугайчики, спаниели и полосатые кошки и даже странное остроглазое существо, похожее на ласку, предназначались для продажи и покупки в качестве домашних питомцев, и всё-таки, идя по Клуб-Роу по какому-то, уж не вспомнить какому, делу, мистер Пэникер никак не мог избавиться от чувства, что он ступает по улице обречённых, что вся эта живая плоть, упрятанная по клеткам, к несчастью, приготовлена лишь на убой.

Однако сегодня, в понедельник, после рыночного дня улица была тихой, только мусор валялся повсюду и еле слышно падали в водосточный жёлоб невидимые капли. Рваная обёрточная бумага, засаленные клочки газет, спутанные мотки тряпок, слежавшиеся опилки в лужах жидкости, о природе которой мистер Пэникер предпочитал не думать. Тёмные ларьки и лавки, укрывшиеся позади прутьев решёток и стальных жалюзи. Над витринами магазинов сомкнутыми рядами теснились невысокие, пользующиеся дурной славой заведения, похожие на попавших в облаву подозрительных типов, которые все вместе пытаются изобразить абсолютно живую невинность, а в это время их кирпичные карнизы слегка клонятся внутрь улицы, словно заглядывая в нагрудные карманы проходящих мимо потенциальных жертв. Это было — или должно было быть — исключительно безнадёжное дело. Однако живость и энергичная походка старика, размахивающего своей тяжёлой терновой тростью, отдалённо напоминая тамбурмажора, внушала мистеру Пэникеру удивительный, легкомысленный оптимизм. Пока они продвигались вперёд, к Бетнал-Грин-Роуд, у него возникло всё возрастающее чувство, имевшее смутные корни в том, давно миновавшем утре, когда он шёл по рынку среди разбросанных ларьков и лавок торговцев живностью, — что они проникают в самое сердце настоящей тайны Лондона, а может, и самой жизни; что наконец-то в компании этого единственного в своём роде старика, чьё умение по-свойски обращаться с тайной когда-то обсуждали даже в Керале, он найдёт объяснение скорбному круговороту вселенной.

— Здесь, — сказал старик, ткнув в сторону палкой. Обшитый металлом набалдашник звякнул о прикреплённую ржавыми шурупами к кирпичному фасаду дома номер 122 небольшую эма-

лированную табличку, на которой было написано «БЛЭК» и ниже более мелкими буквами «Редкие и диковинные птицы». Фасад был закрыт решёткой, но сквозь мутное стекло мистер Пэникер разглядел клетки с остроконечным верхом, отдалённо напоминавшие азиатские домики, и, кажется, даже трепетание пёрышка из птичьего крыла или хвоста, призрачно, словно лёгкий ветерок, взметнувшего пыль. Негромкий, но оживлённый свист прорезал сумрак магазина, оконное стекло и жалюзи, делаясь всё громче и сложнее по мере того, как к нему привыкал слух викария. Без сомнения, обитатели лавки были встревожены стуком.

— Никого нет, — сказал мистер Пэникер, прижавшись лбом к по-утреннему прохладной стальной решётке. — Не надо было приезжать в понедельник.

Старик поднял трость и несколько раз ударил по решётке с жуткой свирепостью, сверкая глазами при грохоте стали. Когда он прекратил стучать, еле различимые в темноте обитатели магазина устроили ужасный переполох. Старик стоял с поднятой тростью, грудь его вздымалась, на щеке виднелась капелька слюны. Вызванный его яростью шум отзвенел и смолк. Огонь в стариковских глазах погас.

— Понедельник, — печально проговорил старик. — Мне следовало это предвидеть.

— Может быть, нужно было заранее позвонить, — предположил мистер Пэникер. — Назначить этому Блэку встречу.

— Безусловно, — ответил старик, опустил трость на мостовую и, весь обмякнув, тяжело на неё опёрся. — В спешке я... — Он вытер щёку тыльной стороной ладони. — Похоже, такие практические соображения оказались вне моего... — Он качнулся вперёд, и мистер Пэникер схватил его за руку, на этот раз старику не удалось оттолкнуть викария. Он смотрел невидящими глазами на немой фасад магазина, и в его лице читался лишь намёк на обычное беспокойство пожилого человека.

— Ну-ну, — бормотал мистер Пэникер, пытаясь не заметить и скрыть жестокость собственного разочарования, вызванного неожиданным провалом их поисков. Он начал этот день, не выпавшись, напившись и пребывая в размышлениях о разбомблённом доме своей жизни. Бессмысленный брак, никудышный сын, неудовлетворённость профессиональных амбиций — всё это было словно разбитые окна, обожжённые обои и искорёженные кресла, а поверх этих обломков, как снегопад из пепла, как висящая в воздухе неуничтожимая дымовая пелена, как один обугленный слой за другим, идущие вниз до самого фундамента, при-

существовало осознание собственного безбожия, сомнения и неверия, удалённости своего сердца от сердца Господня. И воздушный налёт поменьше, тот, что никого не касается, упавшая бомба — случайная и бездумная, как все бомбы — приезд и убийство мистера Ричарда Шейна. В момент взрыва рухнула вся прогнившая постройка, как будто — так писали в газетных отчётах — сотни крыс, живших за стенами здания, вдруг потеряли укрытие, были подняты в воздух и с удивлением успели забыть о своих зловредных повадках, прежде чем их тела посыпались на землю тошнотворным серым крысиным дождём. И всё-таки — об этом тоже писали в газетах — иногда благодаря таким взрывам по случайному блеску обнаруживались удивительные сокровища. Редкие, изящные вещицы, которые, неизвестные и незамеченные, когда-то давно были укрыты в стенах домов. Сегодня утром на лондонском шоссе, когда старик в плаще из шерсти и дождя бросился к нему в машину, мальчик Лайнус Штейнман, потерявший всё и лишившийся друга, точно так же открылся ему, маленький и одинокий, стоящий среди груды серого пепла и глядящий с тоской в небеса. Мистер Пэникер не очень-то рассчитывал — не так он был глуп, — что находка исчезнувшего попугая, принадлежащего мальчику-беженцу, восстановит смысл и цель его жизни, но он был готов довольствоваться и гораздо меньшим.

— Может, вернёмся в другой день? Завтра. А сегодня переночуем в гостинице. Я знаю одно очень приличное местечко.

И тут же видение гостиницы «Крэмpton» с поистине превосходным завтраком, совсем недавно будоражившее его воображение, возникло вновь, яркое и соблазнительное. Только теперь вместо семинаров и представлений, которые даже в его воображении оказывались многословными и беспредельно скучными, у викария появилась, в компании этого сумасшедшего пасечника, невероятная возможность — а благодаря своей невероятности она казалась ещё более притягательной — принять участие в приключении. Старик каким-то удивительным образом, что объяснить или продемонстрировать мистеру Пэникеру вряд ли удалось бы, не только сам порождал такую возможность, но и, несомненно, нуждался в союзнике для её реализации. Именно эту возможность, даже в большей степени, чем ощущение благородной миссии и шанс получить искупление греха, вернув мальчику пропавшую птицу, отчаянно отстаивал пастор. Ибо что, в конце концов, привело его, долговязого босого мальчика из малайской деревни, к священнику англиканской церкви? Конечно, дело было в том — именно так, доходя до изнеможения и бессмыслицы,

он непрерывно повторял себе последние сорок лет, — что он ответил на зов. Однако лишь теперь он понял, что зов этот по природе своей не был ни божественным, ни мистическим, как он поначалу считал, ни, как с горечью решил позже, неким эмоциональным *ignis fatuus*³³. Сколько ещё неотёсанных и босых молодых людей, думал он, отправлялись на поиски приключений, всем сердцем веря, что они отвечают на призыв Господа?

— Ничего-ничего, — сказал мистер Пэникер. — Подождите здесь, я подгоню машину. Мы снимем пару комнат в «Крэмптоне», договоримся о встрече с этим Блэком и устроим ему великолепную западню!

Старик медленно кивнул с отсутствующим видом и пустым взглядом, как будто еле-еле разобрал слова. После смятения и беспокойства на него, казалось, напала глубокая меланхолия, резко контрастировавшая с чувством неугомонной живости и готовности продолжить игру, которая обуяла мистера Пэникера. Он бросился бегом к Баундари-стрит, прыгнул в машину и поспешил назад к своему товарищу. Приблизившись к лавке Блэка, мистер Пэникер заметил, что старик стоит неподвижно. Он стоял, нахохлившись и опираясь о палку, в той же самой позе, в какой его оставил викарий. Мистер Пэникер подъехал к поребрику и поставил машину на ручной тормоз. Старик продолжал стоять, глядя на свои огромные ботинки. Немного подождав, мистер Пэникер нажал на клаксон — раз, другой. Старик медленно поднял голову и стал вглядываться в переднее пассажирское окно так, будто не мог даже представить себе, кого он там увидит. Но как только мистер Пэникер потянулся, чтобы открыть окно, выражение старика резко изменилось. Он изогнул дугой бровь, глаза хитро сощурились, и уголок его тонких губ скривился в улыбке.

— Нет, глупец! — закричал он, когда мистер Пэникер опустил окно. — Поднимите его обратно!

Мистер Пэникер послушался, и улыбка на лице старика становилась всё шире и веселее. Он что-то сказал, но мистер Пэникер не смог разобрать. Старик рассматривал стекло целую минуту — возможно, подумал мистер Пэникер, он изучает собственное отражение, улыбаясь и говоря самому себе таинственные слова. Даже когда старик уселся рядом с мистером Пэникером в машину и повторил вслух те же слова, викарий растерялся.

³³ Огонь слабоумного (*лат.*).

— Лего Фред! — бессмысленно повторял старик. — Как всегда, ха-ха, всё дело в отражении! Лего Фред!

— Э-э... Простите, сэр. Я не понимаю...

— Быстрее! Что в наибольшей степени характеризует караули мальчишки в его блокноте?

— Ну, у него, конечно, есть такая странная особенность — писать слова справа налево. Как в зеркале. Судя по всему, как говорят доктора, это как-то связано с его неумением говорить. Несомненно, какая-то травма. И кроме того, я заметил, что пишет он безобразно.

— Вот именно! И когда, как я полагал, взывая ко мне о помощи, он нацарапал на клочке бумаги слова «Лего Фред», он ярко продемонстрировал оба этих качества.

— Лего Фред, — задумался мистер Пэникер, мысленно рисуя буквы и пытаясь прочесть их наоборот. — Дерф огел. Ага! Дер Фогель. По-немецки «птица». Ну конечно!

— Да. А теперь скажите-ка, что он написал на другой стороне клочка.

— Клочка?

Старик сунул ему в руки обрывок визитной карточки.

— Вот он. Здесь взрослым почерком, неким молодым европейцем был написан адрес того самого заведения, перед которым мы сейчас сидим. А принёс этот адрес мальчику, как я неверно заключил, сам владелец.

— Блэк, — прочёл мистер Пэникер. А потом по буквам наоборот. — Боже мой!

Х

Ему приходилось видеть сумасшедших: человек, от которого пахло варёным птичьим мясом, сходил с ума.

Он знал запах птичьего мяса, потому что они его ели. Они ели всё. Сознание того, что люди в его родных лесах жарили и с удовольствием ели мясо его сородичей, было главной чертой переданных ему по наследству познаний. В первые дни неволи созерцание их кровавой диеты, а также вероятность того, что его припасли для утоления голода когда-нибудь в будущем, вызывало такое беспокойство и отвращение, что он перестал говорить и стал жевать пёрышки у себя на груди, пока не образовалась лысина. Теперь же он привык к их ужасным аппетитам и не боялся, что его съедят. До сих пор, судя по его наблюдениям, люди, эти бледные создания, хотя и пожирали в устрашающих количествах птиц самых разнообразных видов, по своей прихоти избавили

подобных ему от гибели. Чаще всего они ели курицу-петуха-цыплёнка, и именно этот запах — запах зарезанной и сваренной в воде с морковкой и луком курицы — по непонятной причине издавал сходящий с ума человек, хотя он вроде бы не ел ничего, кроме жареных хлебцев и консервированных сардин.

В доме голландца у пристани, на том острове, где попугай вылупился из яйца, из-за страха перед огнём и зубами этих ужасных приматов со странными, завораживающими песнями, он, похоже, и сам немного сошёл с ума. Наблюдая за тем, как пахнувший варёной курицей человек по имени Кэлб час за часом расхаживает по комнате туда-сюда с растрёпанной шевелюрой и толстой щетиной и тихонько напевает себе под нос, Бруно в невольном сочувствии медленно переступал с одного конца жёрдочки на другой, успокаивался и вспоминал, как в те первые ужасные месяцы жизни у голландца он часами проделывал такое же путешествие, сначала в одну, потом в другую сторону, молча жуя до крови своё оперение.

Ему приходилось видеть сумасшедших. Голландец сошёл-таки с ума. Убил своими узловатыми руками девушку, спавшую с ним в одной постели, а потом нашёл свою смерть, выпив рюмку виски, испорченного веществом с омерзительнейшим зловонием, которое Бруно не доводилось нюхать за всю свою долгую жизнь среди людей с их потрясающим разнообразием запахов. У виски был собственный аромат, но его-то Бруно научился ценить по достоинству только потом, когда его хозяином стал *le Colonel*³⁴. (Уже целую вечность никто не предлагал Бруно виски. Мальчик и его родные никогда его не пили, и хотя попугай часто различал знакомый резкий запах в дыхании и в одежде Бедного Реджи, он никогда не видел, чтобы Бедный Реджи держал в руках рюмку или бутылку с этим напитком.) *Le Colonel* тоже временами впадал в сумасшествие — на него находили долгие молчаливые периоды депрессии, — и его молчание Бруно ощущал как тоску, хотя она никак не могла сравниться с тоской, которую он испытывал сейчас, потеряв своего мальчика, Лайнуса, который тайком пел только одному Бруно.

Одна из старых песен Лайнуса, песня о поездах, сводила Кэлба с ума, чего Бруно не до конца понимал, но чему отдавал должное и, следует признать, даже способствовал. Кэлб повадился стоять перед сидящим на жёрдочке Бруно с листком бумаги в одной руке и карандашом в другой, умоляя его спеть песню о по-

³⁴ Полковник (*фр.*).

ездах, песню о длинных катящихся по рельсам вагонах. Комната наполнилась листочками с нацарапанными значками, которые, как догадывался Бруно, осознав, но не овладев основными принципами их записи, обозначали простые и заразительные элементы песни о поездах. Иногда человек уходил из комнаты, в которой они вместе жили, а потом возвращался с небольшой пачкой голубой сложенной бумаги, которую он начинал раздирать, словно пищу, с жадностью вытаскивая содержимое. Содержимое неизменно оказывалось, к досадному удивлению Бруно, ещё одним листочком с маленькими значками. И тогда угрозы и угрозы начинались вновь.

Вот и сейчас человек стоял перед ним, босой и без рубашки, держа такой же разорванный голубой листочек с нацарапанными значками, и что-то бормотал. Он пришёл недавно, тяжело дыша после подъёма на верхний этаж и издавая характерный сильный запах убитой и сваренной птицы.

— Префикс, — горько повторял он самому себе на языке мальчика и его семьи. Человек этот мог говорить также на языке Бедного Реджи и его семьи, а однажды у них был посетитель — единственный посетитель, — с которым

сумасшедший свободно беседовал на языке Вержбицкого. О нём Бруно всегда будет вспоминать с благоговением, потому что именно Вержбицкий, портной с печальным голосом, продал Бруно семье мальчика, и это перемещение тогда не вполне осознанно, но потом, ретроспективно и, тем более, после потери Лайнуса, Бруно воспринимал как смысл и завершение бесцельных скитаний своей долгой жизни. — Нет проклятого префикса.

Человек опустил голубой листок и уставился на Бруно безумными глазами. Бруно наклонил голову под таким углом, что его сородичи увидели бы в этом красноречивое выражение саркастической непримиримости, и ждал.

— А как насчёт букв для разнообразия? — спросил человек. — Может, ты знаешь какие-нибудь буквы?

Буквы — это он осознал, во всяком случае, понял, о чём речь. Так назывались яркие пачки бумаги, которые люди хватали и раскрывали с такой жадностью и разглядывали с такой безысходностью своими быстрыми белыми глазами.

— Алфавит, — подсказал Кэлб. — А, б, в?

Теперь Бруно держал голову прямо, но пульс его участился. Он обожал алфавиты, петь их было чрезвычайно приятно. Он помнил, как алфавит пел Лайнус своим тоненьким нетвёрдым голосом первых вокализаций. Эти воспоминания так его возбу-

ражили, что желание пропеть алфавит закипело, пока нехватило его почти целиком, пока его когти не согнулись, готовые ощутить под собой худенькое плечико мальчика. Но попугай молчал. Человек сощурился, ровно и злобно дыша своим мягким бледным клювом.

— Ну же, — сказал он и ослабился. — Я прошу тебя. Очень прошу.

Алфавитная песенка набухла и раздувалась, расширяя грудь Бруно. Верно говорят, что у птиц где-то внутри есть крошечное место, и если песня его тронет, то птице будет очень хорошо. Если бы он спел алфавитную песенку этому человеку, то больное место не саднило бы так сильно. А если бы он спел песню о поездах, которая оставалась в его мозгу гораздо дольше и звучала гораздо отчётливее, чем тысячи других песен, по причинам, непонятным даже ему самому, но как-то связанным с печалью, с печалью от его заточения, блужданий по миру, встречи с мальчиком, от грохочущих поездов, от воспоминаний о маме и папе и безумной тишине, обрушившейся на мальчика, когда его забрали от них, тогда бы эта боль утихла. Какое блаженство спеть эту песню! Но и алфавитная песенка подойдёт. Он мог бы спеть хотя бы чуточку, хотя бы самое начало. Конечно, никакого толка для просившего в этой песне нет. Он зыркнул внимательным левым глазом на Кэлба, борясь с ним, как боролся уже несколько недель, и произнёс:

— Нет проклятого префикса.

Человек, выдохнув, издал носом тихий свистящий звук и поднял руку, словно собирался ударить попугая. За прошедшие годы Бруно били не раз. Его душили, трясли и пинали ногами. Некоторые песни вызывали у людей именно такую реакцию, поэтому пришлось научиться их избегать или же, поскольку Бруно был умной птицей, выбирать для пения подходящий момент. Например, le Colonel вполне мог помучиться просто от разумного повторения в присутствии его жены некоторых избранных выражений полковничьей *petite amie*³⁵ мадемуазель Арно.

Попугай поднял лапу, чтобы предотвратить удар. И изготовился выдрать влажный кусочек мяса из человеческой руки. Но вместо того, чтобы ударить птицу, человек повернулся, отошёл и упал на кровать лицом вниз. Такой оборот дела вполне устраивал Бруно, потому что, если человек уснёт, он сможет наконец спеть и алфавитную песенку, и песню о поездах, кото-

³⁵ Маленькая подружка (*фр.*).

рую он исполнял, конечно, голосом мальчика, именно так, как тот тайком напевал ему, стоя у окна с задней стороны дома обергруппенфюрера, выходявшей на железнодорожные пути, и глядя на бесконечные поезда, движущиеся туда, где каждый день из земли поднималось солнце. На каждом вагоне были нацарапаны особые значки — бесконечные слова песни о поездах. Поскольку Кэлб так хотел услышать песню о поездах, Бруно специально пел её только тогда, когда Кэлб спал, — в этом он следовал инстинктивному, но хорошо продуманному упрямству, достоинству, ценившемуся среди его сородичей весьма высоко. Пронзающие ночную тишину звуки этой песни вытряхивали человека из постели и заставляли шарить в поисках карандаша и блокнота. Когда же наконец окончательно проснувшись, он сидел в круге света от настольной лампы с карандашом в руке, тогда-то Бруно, конечно, обрывал пение. Каждую ночь это представление повторялось. Бруно видел, как люди сходят с ума, начиная с голландца на острове Фернандо-По, в жару под неугомонное пение цикад. Он знал, как это происходит.

Где-то внизу, под их тесной комнаткой в дверь позвонили. Бруно услышал звонок, как всегда, на секунду раньше, чем Кэлб. Тот сел, наклонив голову набок таким образом, что попугай решили бы, что он испытывает лёгкое сексуальное возбуждение, однако у приматов этот наклон означал тревогу. Кэлб всегда был настороже, приходил ли кто-то в дом или уходил. С ними в доме жили ещё семнадцать человеческих существ, шесть из которых были женского пола. Каждое обитало в своём жилище, и они очень редко обменивались друг с другом песнями. Сейчас Бруно слышал девятых из них, различал шум их радиоприёмников, шипящий в камине уголь, звяканье спиц. Ещё он слышал голос миссис Данн, хозяйки дома, — далеко, в самом начале лестницы. Ей отвечал мужской голос, которого Бруно не знал. Потом до Бруно донеслись тяжёлые шаги идущих по ступенькам троих, нет, четверых человек, включая миссис Данн. Кэлб же, казалось, заметил шум, только когда поднимавшиеся люди миновали площадку на втором этаже и проследовали выше.

Наконец человек вскочил на ноги, побежал к двери и прижался к ней ухом. Послушав несколько секунд, мрачным и резким голосом произнёс односложное слово, которое так любил говаривать обергруппенфюрер, когда ложился на Папину кушетку в кабинете, расположенном в задней части дома, неподалёку от железной дороги. И запах его сапог был почти таким же ужасным, как запах убившей голландца рюмки виски. Отпрянув от

двери, Кэлб стал дико озираться по сторонам, потом, раскинув руки, повернулся к Бруно, словно прося о помощи. Но Бруно был не склонен ему помогать, потому что Кэлб был плохой. Он забрал Бруно у Лайнуса, который в нём очень нуждался и который пел попугаю так, что искупались все долгие годы птичьих страданий и плена. К тому же Кэлб был убийцей приятеля мальчика: Бруно видел, как Кэлб ударил сзади молотком человека по имени мистер Шейн. Конечно, нужно признать, что мистер Шейн тоже хотел украсть у Лайнуса Бруно, но попугай никогда бы не пожелал ему смерти, и ему были неприятны неизгладимые воспоминания об убийстве, свидетелем которого он стал.

Бруно был полон решимости дать понять Кэлбу, что не мог бы ему, даже если бы мог, даже если бы знал, какая опасность надвигается на них по лестнице.

Он открыл клюв и изобразил — так что в том чувствительном месте у него внутри стало очень приятно — тихий кудахтающий кашель. Этот намёк на характерный запах Кэлба, хотя человек никогда не смог бы его понять, состоял из верного и точного воспроизведения звуков, издаваемых голубыми минорками, копошащимися на заднем дворе полковничьего дома в Бискре, в Алжире, а особенно одной полосатой бело-голубой дамой, чьим оперением Бруно всегда восхищался.

И тут же он дорого заплатил за свою шутку — человек рванул принесённый из прачечной холщовый мешок для белья и кинулся на Бруно, предательски, но эффективно схватив его за лапы. Прежде чем Бруно смог добраться до руки, носа или мочки Кэлба своим мощным орудием, одновременно рогом и ножницами, ртом и рукой, который был его единственной гордостью, красотой и сокровищем, он оказался брошенным в темноту.

Из мешка для белья он слышал, как человек собрал раскиданные повсюду листочки со значками и как скрипнула дверь шкафа. В окружающей темноте, несомненно, отдавалась эхом вибрация деревянных стенок, и он понял, что сейчас его засунут в шкаф. Голова ударилась обо что-то твёрдое, в мозгу промелькнула вспышка, яркая, как пёрышки на груди у той, давно уже съеденной голубой минорки. Потом стук брошенной следом жёрдочки, упавшей прямо на него, тихий всплеск воды из маленькой консервной банки, прикрепленной к перекладине. Снова скрип — это Кэлб закрыл дверцу шкафа, замуравав Бруно.

Попугай лежал совершенно неподвижно, парализованный темнотой и светом, промелькнувшим в мозгу. Когда раздался

стук в дверь, он попытался запеть, но обнаружил, что не может шевелить языком.

— Мистер Кэлб, — послышался голос миссис Данн. — Пришли из полиции. Хотят с вами поговорить.

— Да, хорошо.

Звук льющейся из крана воды, стук о чашку кисточки для бритвы. Потом лязг дверного замка.

— Мистер Мартин Кэлб?

— Совершенно верно. Что-то случилось?

Последовал краткий, приглушённый обмен человеческими песнями, на который Бруно не обратил большого внимания. Он совсем потерял ориентацию, последствия проявленной человеком жестокости не проходили, отдаваясь звоном в черепе. Это мешало ему, казалось, что требуется ответ, — что жестокость взывает к отмщению — и всё-таки насилие было так же чуждо Бруно, как и сама тишина.

— Так вы понятия не имеете, что могло случиться с попугаем мальчика? — услышал он голос одного из неизвестных.

— Боюсь, что нет. Какая непоправимая утрата.

Дышать становилось всё труднее — в мешке было очень мало воздуха. Настал момент, когда Бруно почувствовал, что может просто перестать дышать, отказаться от борьбы, позволить всем своим печальным скитаниям и жестокому плену прийти к тихому, мрачному концу. В конце концов он не дал себе умереть только благодаря неожиданно возникшей надежде, совершенно чуждой его природе и темпераменту, надежда, что ему удастся вцепиться когтями в кожу на шее Кэлба и откусить кусочек этого ненавистного бледного рыла.

— И вы никогда не встречались с мистером Ричардом Шейном?

— Увы, нет.

Хотя человек до упора затянул мешок, холст был довольно тонкий. И Бруно попробовал щёлкнуть клювом.

— Не будете ли вы возражать, сэр, если мы осмотрим вашу комнату?

Ткань поддалась, да и жевать её было не так уж противно.

— В любое другое время, инспектор, я бы не возражал, но вы застали меня в самый неподходящий момент. Боюсь, один мой ребёнок тяжело заболел, и я как раз собирался пойти его навестить. Нет, конечно, не родной мой ребёнок — вы, наверное, знаете о моей работе в Комитете помощи.

Аккуратно, как это сделал бы герр Вержбицкий своими большими блестящими ножницами, Бруно прогрыз щель в холщовом мешке, затем ещё одну щель под прямым углом к первой. Образовавшийся уголок он захватил клювом и резко дёрнул. Послышался негромкий звук рвущегося материала, и от мешка оторвался большой кусок — кссст-ксссст, — Бруно с удовольствием повторил бы его, но рот был забит холстиной, да и дырка получилась недостаточно широкая. В любом случае, не так-то легко попугаю петь, когда он охвачен мрачными чувствами, как, например, сейчас — переполняющей его яростью.

— Прощу меня извинить, но я должен спросить вас... Вы пришли меня арестовать?

— Нет. Вовсе нет.

Бруно ещё раз рванул кусок холста и просунул голову в образовавшуюся дыру. Темнота кругом приобрела иные черты, и он уже мог различить мерцающую щель вокруг дверцы шкафа.

— И меня не... Трудно представить, чтобы я находился под подозрением...

— Ни в коей мере. Но нам бы очень хотелось задать вам несколько вопросов.

— В таком случае я действительно вынужден просить вас меня извинить. Я должен успеть на поезд в Ланкашир, который отходит — ах, боже мой! — через двадцать пять минут. Я сам буду рад приехать побеседовать с вами в Скотланд-Ярд. Сегодня во второй половине дня, в четыре или в половине пятого. Вас устроит?

— Ну что ж, хорошо, — сказал тот, кого называли инспектором, с выражением сожаления и сомнения в голосе. Послышалось шарканье ног — люди повернули к двери.

Бруно бился с мешком, хлопая крыльями и царапаясь, чтобы полностью высвободить тело. Крыло ударилось о холодную ручку жёрдочки, и Бруно, нащупав её, крепко ухватился когтями за металл. Используя ручку в качестве точки опоры, он кинулся на дверцу, собираясь, как только она откроется, вцепиться в горло человеку и добраться до красного мяса.

На этот раз вспышки в мозгу не было. Только тело ударилось о дверь, лишив лёгкие воздуха, как будто его шлёпнули огромной деревянной рукой. Он лежал на дне шкафа, поверженный, дрожа и глотая воздух. Бруно открыл рот, чтобы спеть о своём бессилии, злобе и ненависти к человеку, забравшему его от Лайнуса Штейнмана. Но его парализованное горло не могло издать ни звука. Комната по ту сторону хранила глубокое, почти

ощущаемое на слух молчание, словно стоявшие там существа ждали, что сможет — собравшись с силами — сказать Бруно. За мгновение до того, как потерять сознание, он скорее почувствовал, чем услышал, тихий гортанный клёкот, вырвавшийся из собственного горла, и голос инспектора за дверцей:

— Похоже, вы держите в шкафу курицу, мистер Кэлб?

XI

Мальчик без тени улыбки смотрел вперёд. На нём была тёмная, аккуратно отглаженная фланелевая рубашка с застёгнутым на пуговицы воротником. Галстук из репса, который он завязал сам, из-за жары болтался свободно. Было похоже, что он ждёт, когда пройдёт похоронная процессия. Старик стоял у самых ступенек вагона, поместив у себя в ногах накрытую клеёнкой проволочную клетку. Поезд медленно тянулся к концу платформы. Слышались унылые, по-коровьи занудные вздохи локомотива. Позади старика стоял инспектор, прочищая горло, словно готовился произнести скромную речь по такому приятному поводу. Трое мужчин — в коридоре томился мистер Пэникер — решили между собой, что честь передать птицу хозяину принадлежит самому старшему. Старик понимал, что, с точки зрения инспектора, это справедливо. Он не только допустил, но и настоял на том, чтобы инспектор Беллоуз был отмечен за задержание и арест Мартина Кэлба, обвинявшегося в убийстве. Что касается причин, по которым викарий отклонил честь вручить мальчику птицу, то его роль в этом приключении, пусть не главная, но весомая, в конце концов, не слишком повлияла на изменение его мировоззрения. Всю дорогу из Лондона он был угрюм и неразговорчив, сидел в вагоне для курящих, роняя пепел на свой скромный мирской костюм. Старик подумал, что он возвращается домой поджав хвост.

На платформе деревенской станции, кроме его жены и мальчика, не было никого, если не считать местного почтмейстера и парочки молоденьких женщин, нарядившихся для поездки в Истбурн. Сын викария решил не встречать папашу; как сказал инспектор, Реджи уехал из Суссекса, «надеюсь, что навсегда», хотя старик полагал, что, проявляя терпимость, можно было бы сказать, что Реджи отправился искать место, где его недостатки изучены не так подробно, где ему не будут постоянно поминать о жизненных промахах, где он не будет первым подозреваемым в любой тёмной истории, произошедшей в окрестностях.

Задрожав, поезд остановился. Мальчик шагнул к вагону так осторожно, что старик заметил, как миссис Пэникер, положив руку сзади ему на шею, ласково его подтолкнула.

— Хотелось бы, чтобы он улыбнулся, — сказал мистер Пэникер, смахивая пепел с рубашки. — Хотя бы сегодня. Боже милостивый.

Старик тоже чувствовал огромное, почти болезненное желание увидеть в лице ребёнка отражение радости. Сыскное дело так много лет было связано с вопросами компенсации и вознаграждения, что, хотя сейчас старик перестал этим интересоваться, он с удивительной силой ощущал, что мальчик в качестве платы должен ему улыбку. Но когда Лайнус Штейнман приблизился к поезду, не сводя глаз с зачехлённого купола в ногах старика, выражение его лица оставалось таким же пустым, кроме разве что некоторой тревоги, может, даже сомнения в глазах. Этот взгляд старик узнал, хотя в первый момент не мог вспомнить, где он его видел. Пожалуй, он не слишком отличался от сомнения, сквозившего во взгляде преподобного К. Т. Пэникера.

Что ж, подумал старик, конечно, он волнуется. Он ведь не видит своего друга.

— Вот, — резко обратился он к викарию. Не без труда поднял клетку и передал её мистеру Пэникеру. Викарий замотал было головой, но старик изо всех сил, пихнул ему клетку. И довольно грубо подтолкнул того к ступенькам. Затем, когда мистер Пэникер неуверенно сошёл с поезда, старик протянул свою скрюченную, дрожащую руку и стянул клеёнчатый чехол, открыв театральным жестом настоящего фокусника алый хвост, мощный чёрный клюв, бездонные чёрные глаза и красные лапы Лего Фреда.

Мальчик улыбнулся.

Мистер Пэникер, несколько скованно, потрепал его по голове. Потом повернулся к жене.

— Молодец, мистер Пэникер, — сказала она и протянула ему руку.

Взяв у викария клетку, мальчик поставил её на платформу. Отодвинул проволочную задвижку, открыл дверцу и сунул внутрь руку. Бруно проворно вскочил на неё, а потом, когда мальчик вытащил его наружу, мелкими шажками стал подниматься по тёмно-синему рукаву на плечо, где, осознанно или случайно вторя неуклюжему жесту викария, нежно провёл клювом по тёмным кудряшкам над правым ухом мальчика.

Миссис Пэникер минуту смотрела на этих двоих, вновь обрётших друг друга, и улыбалась задумчиво и иронично — так рассматривают солонку и перечницу или пару любимых носков, которые только и уцелели в сгоревшем дотла доме. Потом она обернулась к инспектору.

— Выходит, он богат? — спросила она.

— Очень может быть, — ответил инспектор Беллоуз. — Но пока нам — или, как я могу добавить, мистеру Кэлбу — удалось определить, что эти бесконечные цифры попугая на самом деле не являются номерами счетов в швейцарском банке. Хотя брат Кэлба в Цюрихе с утра до ночи пытался их найти.

Миссис Пэникер кивнула. Так она и подозревала. Она пошла и встала рядом с мужем, мальчиком и Бруно.

— Привет, — сказал попугай.

— И тебе привет, — ответила она ему.

— У меня есть большие сомнения, — сказал старик, — что нам когда-нибудь удастся узнать, какой смысл во всех этих цифрах, если он вообще есть.

Господь свидетель, такое признание было для старика делом непривычным и не слишком приятным. Заставить работать свой творческий мозг, чтобы решить задачу, найти разгадку — несомненную, элегантную и вместе с тем невероятную — всегда представлялось ему важнейшим человеческим занятием: обнаружение смысла и причинности среди ложных подсказок, шума и колючих кустарников жизни, в которых не остаётся следов. Но его всегда преследовала мысль — разве не так? — что на свете есть люди, сумасшедшие шифровальщики, безумцы-сыщики, безрассудно тратящие свой блестящий ум и здравомыслие на расшифровку и интерпретацию посланий, заключённых в форме облаков, в переставленных буквах библейских текстов, в пятнышках на крыльях бабочки. Благодаря существованию таких людей, пожалуй, можно было бы прийти к мысли, что значение существует исключительно в сознании аналитика. Что именно неразрешимые задачи — ложные подсказки и голые факты — отражают истинную природу вещей. Что вся очевидная значимость и системность имеют, по сути дела, не больше смысла, чем болтовня африканского серого попугая. Можно было бы прийти к такой мысли, подумал он, вполне можно.

В этот момент земля слегка задрожала и вдалеке послышался, становясь всё ближе, стук железных колёс о железные рельсы. Мимо станции шёл поезд, товарняк, военный транспорт, с вагонами, выкрашенными в тусклый серо-зелёный цвет, везу-

щий снаряды, ветчину и гробы для пополнения запасов оживлённых депо европейской войны. Мальчик поднял взгляд на идущий враскачку поезд, слегка замедливший, но не остановивший свой ход. Он смотрел на него, и его глаза перебегали слева направо, словно читая по проходящим мимо вагонам.

— Sieben, zwei, eins, vier, drei, — шептал мальчик, чуть шепелявя. — Sieben, acht, vier, vier, fünf³⁶.

Попугай, возможно, испугавшись грохота проходящего поезда, взлетел на стропила крыши, где, безукоризненно подражая голосу той женщины, которую никто из них никогда не увидит, нежно запел.

³⁶ Семь, два, один, четыре, три...; Семь, восемь, четыре, четыре, пять (нем.).

Сыщикъ

I.

— Ну, такъ что-жь? Ну, увлекается! Ну, и пусть себѣ увлекается! Хуже было бы, если бы въ его возрастѣ, да онъ ничѣмъ не увлекался, — говорилъ сѣдой, какъ лунь, но бодрый и свѣжій еще отставной генераль, Левъ Сьргѣевичъ Буртасовъ, сидя на верандѣ своего деревенскаго дома и покуривая послѣобѣденную сигару.

— Да, но тутъ именно вопросъ въ томъ: чѣмъ увлекаться? — сдержанно возражалъ ему Александръ Львовичъ, его сынъ, очень корректный господинъ, лѣтъ сорока, одѣтый въ новенькіи лѣтній костюмъ.

— Увлеченіе увлеченію — рознь, — какъ эхо своего мужа, отозвалась полная и еще красивая жена его, Лидія Николаевна.

— Совершенно вѣрно-сь! Совершенно вѣрно-сь! — началъ опять генераль. — Я и мои сверстники, въ его возрастѣ, увлекались «казаками и разбойниками»; ваше поколѣніе — героями Майнъ-Рида и Фенимора Купера, а сынъ вашъ...

— Я никогда не увлекался «краснокожими братьями» и даже въ играхъ не любилъ снимать скальпы, — улыбаясь, проговорилъ Александръ Львовичъ, кладя докуренную папиросу въ стоявшую возлѣ него пепельницу.

— Что-жь, очень жаль! — буркнулъ генераль и хлопнулъ три раза въ ладоши. — Принеси еще чашку кофе! — приказалъ онъ выскочившему изъ дома на этотъ сигналъ мальчику въ лифрейной курткѣ. — Что-жь? Одно только могу сказать, — очень жаль, — заговорилъ онъ опять: — что ты никогда ничѣмъ не увлекался. Увлеченіе такъ же свойственно молодости, какъ не свойственно оно старости. Но мы говоримъ не о тебѣ, и я повторяю: пусть Левушка увлекается! Не бойтесь этого, это хорошій признакъ.

— Но я опять скажу, увлеченіе увлеченію — рознь, — повторилъ уже слова жены Александръ Львовичъ.

— Ахъ, чортъ возьми! — уже разсердился старикъ. — Да что же постыднаго въ его увлеченіяхъ? Вотъ, моимъ героемъ былъ Ринальдо-Ринальдини, а героемъ Ивана Михайловича еще того хуже — свирѣпый Шиндерганнесъ. Ну, и что же? Это не помѣшало мнѣ честно сослужить мою службу царю и отечеству, а Ивану Михайловичу сдѣлаться не только однимъ изъ самыхъ

блестящихъ генераловъ, но и видныхъ администраторовъ. И чѣмъ же его герой хуже... какъ его тамъ зовутъ?

— Шерлокъ Холмсъ! — подсказала Лидія Николаевна.

— Ну, да, такъ вотъ этотъ Шерлокъ Холмсъ, ну чѣмъ же онъ хуже Шиндерганнеса?

— Detective, — вздохнула Лидія Николаевна.

— Сыщикъ, — въ тонъ ей проговорилъ ея мужъ.

— Ахъ, все это слова, слова и слова! Ну, что такое detective, сыщикъ? А твой фениморовскій «Слѣдопытъ?» Развѣ не такой же сыщикъ? — горячился генераль, обращаясь къ сыну и совершенно забывая, что тотъ только-что отрекся отъ всѣхъ куперовскихъ героевъ. — Я вотъ прочиталъ этотъ романъ, который вы отобрали у Левушки, какъ онъ тамъ... чортъ его... называется? «Собака» какая-то. Ну, и что-жъ, ну, и нашель, что этотъ Шерлокъ Холмсъ прямо-таки молодчина! Умный, ловкій! Да этого мало! Еще и храбрый къ тому же.

— Да, въ современной Англии detective является героемъ! — вставилъ Александръ Львовичъ.

— Что-жъ такого? Разъ разрушители порядка могутъ быть героями, то почему же охранителей его не считать таковыми же.

— Сыщикъ и герой — какъ-то плохо вяжется одно съ другимъ, — съ презрительной гримасой проговорилъ Александръ Львовичъ.

— Ахъ, господа либералы! Господа либералы! Какіе же вы всѣ, однако, консерваторы! — буркнулъ старикъ и сердито принялся размѣшивать сахаръ въ поданной ему чашкѣ кофе. — Для васъ ярлычокъ, кличка — это все! Надѣли вамъ на глаза шоры, и не смѣй смотрѣть ни направо, ни налево! И какъ мало кличекъ-то у васъ. какъ мало ярлычковъ! Удивительно это облегчаетъ дѣло! Да, но и суживаетъ мысль! Не забывайте вы этого, пожалуйста! Суживаетъ мысль! А мысль должна быть свободна! Вотъ что-съ!

— Кто же съ этимъ спорить? — усмѣхнулся сынъ.

«Ты споришь», хотѣлъ-было сказать старикъ, но махнулъ рукой и замолчалъ.

— Видѣть въ ребенкѣ развивающуюся страсть къ раскрытію тайнъ — крайне несимпатично! — медленно заговорила Лидія Николаевна,

Но генераль не далъ ей договорить.

— Пытливый умъ! Пытливый умъ — вотъ и все-съ! — почти закричалъ онъ. — Что такое раскрытіе тайнъ? Всѣ мы должны стремиться къ раскрытію тайнъ природы, тайнъ непостижи-

маго, тайнъ невѣдомаго, тайнъ просто даже незнакомаго намъ. Это только свидѣтельствуесть, что у мальчика пытливый умъ — вотъ и все!

— Ну, съ этимъ пытливымъ умомъ можно далеко дойти! — усмѣхаясь, замѣтилъ Александръ Львовичъ.

Генераль сердито взглянулъ въ его сторону и опять замолчалъ.

Наступила довольно томительная и долгая пауза, какъ это часто бываетъ у собесѣдниковъ, не понимающихъ другъ друга; а они, т.е. старый генераль и его сынъ, видный петербургскій чиновникъ, вмѣстѣ съ его женой, видимо, совсѣмъ не понимали другъ друга. Старикъ чувствовалъ, что онъ горячится, и, желая перевести разговоръ на другую тему, навелъ ее опять на тотъ же вопросъ.

— Я не понимаю, — заговорилъ онъ, поглядывая на старый, тѣнистый садъ, развертывавшійся сейчасъ же передъ верандой. — Не понимаю, зачѣмъ вы отказали этому англичанину? Онъ мнѣ очень нравился. Бравый малый!

— Съ этимъ я не спору, — сказалъ Александръ Львовичъ: — но, во-первыхъ, мы ему не отказывали, а онъ самъ пожелалъ вернуться въ Лондонъ...

— Прибавили бы жалованья, такъ остался бы! — буркнулъ генераль.

— А во-вторыхъ, — продолжалъ Александръ Львовичъ, пропуская замѣчаніе отца мимо ушей: — онъ былъ недостаточно образованъ для своей роли. Левушка растеть, и ему нуженъ болѣе интеллигентный собесѣдникъ.

— Не знаю, можетъ-быть, можетъ-быть! Знаю только, что прошлымъ лѣтомъ, когда вы гостили у меня, я былъ имъ очень доволенъ. Онъ выучилъ Леву ѣздить верхомъ, отлично плавать, былъ съ нимъ постоянно на воздухѣ, и ребенокъ замѣчательно окрѣпъ и развился за прошлое лѣто. А нынче вы моего внука опять мнѣ привезли какимъ-то заморышемъ.

— Да, мистеръ Футвой очень хорошо вліялъ на физическое развитіе Левы, но духовное... — начала-было Лидія Николаевна,

Но да этотъ разъ уже мужъ перебилъ ее.

— Теперъ мы взяли ему русскаго молодого человѣка, и я не думаю, чтобы поступили опрометчиво, — заговорилъ онъ: — конечно, русскій лучше откроеть ему и сущность русской жизни, и сердце русскаго народа. А его теперешній наставникъ, Хоботовъ, самъ вышелъ изъ этого народа, и бесѣды его, конечно, для

Левушки будутъ полезнѣе, чѣмъ чтеніе романовъ Конанъ-Дойля.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! — какъ бы сдавался генералъ, и, допивъ вторую чашку кофе, онъ всталъ и, сказавъ; «ну, теперь я пройдуся!» — сталъ спускаться съ веранды въ садъ бодрой походкой хорошо сохранившагося старика.

II.

— Дѣ-ѣ-дѣ! — крикнулъ ему звонкій дѣтскій голосокъ изъ глубины густой аллеи.

Глаза стараго генерала заиграли ласковой улыбкой.

— Лева-а! — откликнулся онъ въ тонъ бѣжавшему къ нему навстрѣчу худенькому мальчику лѣтъ, двѣнадцати, и сейчасъ же запѣлъ:

«Uncle Bill how do you do?»

— I am very well and how are you? — пропѣлъ ему въ отвѣтъ Лева и, подбѣжавъ къ дѣду, схватидъ его за руку.

Пѣсенку эту и старика, и внука его выучилъ пѣть еще въ прошломъ году англичанинъ Футвой, и оба они, сколько бы разъ на дню ни встрѣчались, привѣтствовали неизмѣнно другъ друга этими словами.

— Ну, что, играешь? — спросилъ генералъ.

— Играю, — весело отозвался мальчикъ.

— Въ «Слѣдопыта»?

— Нѣтъ, — какъ-то загадочно улыбнулся Лева и, въ тактъ шагу раскачивая руку дѣду, пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Ну, а во что же? — спросилъ тотъ.

— Это только тебѣ на ухо, — шепнулъ мальчикъ и поднялся на ципочки.

— Да не надо! Я и такъ знаю.

— А ну?

— Въ Шерлока Холмса.

Мальчикъ расхохотался.

— Ты замѣчательный угадчикъ, дѣдъ! Изъ тебя бы вышелъ прекрасный...

— Detective? — договорилъ за него генералъ,

— Yes, — подтвердилъ Лева.

Они въ это время проходили мимо скамейки, на которой съ книгой въ рукахъ сидѣлъ молодой человѣкъ, одетый въ простенькую лѣтнюю парочку, Онъ мелькомъ взглянулъ на нихъ и опять углубился въ чтеніе.

— Каковъ? — спросилъ генераль внука, когда они отошли настолько отъ молодого чедовѣка, что онъ не могъ бы ихъ слышать.

— Онъ хорошій, — серьезно заговорилъ двѣнадцатилѣтній Левушка. — Знаешь, дѣдъ, онъ очень честный и серьезный.

— А тебѣ съ нимъ не скучно?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ, подумавъ немного, мальчикъ.

— Ну, а съ Футвоемъ веселѣе было?

— Ну! Футвой! Футвой былъ молодець! Онъ былъ такой же маленькій, какъ я.

— Какъ, такой же маленький? — остановилъ его дѣдъ. — Онъ былъ ростомъ выше меня!

— Ростомъ-то онъ былъ длинный! Но, понимаешь, онъ былъ шалунъ! И когда онъ игралъ со мной, то, понимаешь, игралъ совершенно такъ же серьезно, какъ и я.

— А этотъ не играетъ?

— О, нѣтъ! Павелъ Федоровичъ умный! Да, вѣдь, и мнѣ уже пора переставать играть, потому что...

Но мальчикъ вдругъ оборвался и шопотомъ сказавъ: «Стой!» — присѣлъ на корточки.

— Ты что это? — спросилъ его дѣдъ, тоже нагибаясь надъ чѣмъ-то, что разсматривалъ Левушка.

— Ты видишь это? — спросилъ мальчикъ.

— Вижу.

— Что это такое?

— Это? Это, кажется, кусокъ навозу.

— Вѣрно, — подтвердилъ Левушка и, глядя снизу на дѣда, спросилъ: — ну, и что же изъ этого слѣдуетъ?

— Не знаю, — пресерьезно отвѣтилъ тотъ.

— А видишь ли, изъ этого слѣдуетъ, что по саду проходилъ кто-то со скотнаго двора и занесъ сюда на каблукѣ кусокъ навозу.

— Почему-жъ на каблукѣ, а не на чемъ-нибудь другомъ?

— Потому что на этомъ кусочкѣ навоза есть отпечатокъ каблука, — объяснялъ Левушка.

— Вѣрно, — подтвердилъ дѣдъ и потомъ, какъ бы сообразивъ что-то, спросилъ: — а почему ты думаешь, что со скотнаго двора? А можетъ-быть, это кто-нибудь изъ деревни былъ?

— Нѣтъ, это былъ со скотнаго двора, — настаивалъ Левушка: — потому что деревня отсюда далеко, и навозъ долженъ бы былъ совершенно просохнуть, а онъ совсѣмъ свѣжій! А скотный дворъ въ двухъ шагахъ отсюда.

— Ну, и что же изъ этого слѣдуетъ? — въ свою очередь спросилъ генераль.

— А изъ этого слѣдуетъ, что его нужно искать въ числѣ лицъ, бывшихъ приблизительно въ это время на скотномъ дворѣ.

— Кого «его»? — спросилъ генераль.

— Ахъ, Боже мой! Ну, конечно, того, кто совершилъ преступленіе, — нетерпѣливо уже отвѣтилъ Левушка,

— А развѣ кто-нибудь уже совершилъ преступленіе?

— Ну, конечно, нѣтъ! Но я тебѣ говорю такъ, на всякій случай! Какъ нужно искать, — заключилъ Лева и, поднявшись на ноги, зашагалъ опять рядомъ съ дѣдомъ, размахивая въ тактъ его рукой.

А старикъ думалъ:

«Пытливый умъ и большая наблюдательность! Теперь вотъ онъ ихъ развиваетъ на вздорѣ, на пустякахъ, а впослѣдствіи — кто знаетъ — какъ это ему пригодится!»

— Послушай, дѣдъ! — заговорилъ мальчикъ послѣ небольшого молчанія: — скажи, развѣ это предосудительно быть Шерлокомъ Холмсомъ?

— Что за вздоръ! Конечно, нѣтъ! — увѣренно отвѣтилъ генераль. — Не будь Шерлоковъ Холмсовъ, сколько бы преступленийъ осталось нераскрытыхъ. И эти люди — они стражи общественнаго порядка,

— А вѣдъ это необходимо, чтобы всѣ преступленія были открыты? — продолжалъ допытываться Левушка,

— Конечно, это очень желательно.

— Ну, а почему же и папа, и мама, и вотъ Павелъ Федоровичъ — всѣ такъ нехорошо говорятъ о сыщикахъ?

«Потому что они ничего не понимаютъ», — хотѣлъ сказать старикъ, но не сказалъ, а оставилъ этотъ вопросъ Лемы безъ отвѣта.

— Ну, вотъ, напримѣръ, кто-нибудь кого-нибудь убилъ, и я найду преступника, открою его. Вѣдъ это хорошо?

— Хорошо, — подтвердилъ генераль.

— Вѣдъ онъ долженъ же понести свое наказаніе.

— Долженъ.

— Ну, вотъ! А папа, мама, и Павелъ Федоровичъ — всѣ говорятъ, что это не мое дѣло. Почему не мое? Чье же это дѣло? Вѣдъ вонъ Шерлокъ Холмсъ открылъ «Собаку Баскервилей» и поймалъ преступника. И что же, нужно за это его презирать? Ты знаешь, дѣдъ, это я тебѣ говорю изъ англійскаго романа. Можетъ-быть, этого совсѣмъ не было, но если-бъ это было, вотъ со-

вершенно такъ же, какъ это написано? Развѣ detective Шерлокъ Холмсъ поступилъ нехорошо?

— Какой вздоръ, конечно, хорошо! — сказалъ генераль, чувствуя почему-то, что ему самому на этотъ разъ не хочется продолжать этотъ разговоръ.

И онъ, чтобы замаять его, сказалъ: — Ну, а на почту, Лева, сегодня поѣдешь?

— Да, да! Непремѣнно. Мы съ Павломъ Федоровичемъ верхомъ поѣдемъ.

— Ну, и великолѣпно! Я тебѣ письмо дамъ, которое ты сдашь въ конторѣ. И я думаю, что вамъ скоро нужно ѣхать.

И они повернули назадъ.

III.

Отъ усадьбы Буртасова до уѣзднаго городка было всего двѣ съ половиной версты, и Лева со своимъ учителемъ каждый день около шести часовъ вечера ѣздили туда верхомъ на почту. Первыхъ полторы версты нужно было проѣхать густымъ Буртасовскимъ лѣсомъ, а послѣднюю версту дорога шла городскимъ выгономъ и огородами.

Лева ѣхалъ на хорошенькомъ аренбургскомъ клепперѣ. Онъ ловко сидѣлъ въ сѣдлѣ, увѣренно держалъ поводья, и его рыжій конекъ граціозно переставлялъ свои стройный ноги.

Учитель Левы, Павелъ Федоровичъ Хоботовъ, грузно сидѣлъ на буромъ, толстогривомъ приземистомъ иноходцѣ.

Проѣхавъ первую версту отъ усадьбы полной рысью, они перемѣнили аллюръ и пустили лошадей шагомъ. Хоботовъ снялъ фуражку и вытиралъ выступившій у него на лбу потъ. А Левушка ѣхалъ, какъ всегда, зорко осматриваясь по сторонамъ.

Въ лѣсу было тихо, только меланхолическая трель иволги переливалась гдѣ-то въ глубинѣ.

— А дѣдъ сказалъ, что это хорошо! — какъ бы отвѣчая на свои мысли, вдругъ заговорилъ Лева.

— Это вы насчетъ чего? — спросилъ Хоботовъ своимъ молодымъ, хриловатымъ баскомъ.

— Я про Шерлока Холмса, — пояснилъ Лева.

— А! Все про то же самое! Да кто жъ вамъ говорить, что это худо? Хорошій сыщикъ такая же необходимая единица въ общемъ порядкѣ управленія, какъ и хорошій прокуроръ, только это не почтенно.

— Какъ, и прокуроромъ быть непочтенно? — удивился Лева.

— Нѣтъ, я не про прокурора, я про сыщика. Прокуроръ — это совсѣмъ особъ статья, — поправился учитель.

— Да, почему же сыщикомъ быть непочтенно?

— А потому, что сыщикъ... сыщикъ... — подбирая слова и съ видимой неохотой говорилъ Хоботовъ: — сыщикъ дѣйствуетъ не открытыми средствами, а исподтишка, самъ ничѣмъ не рискуя...

— Ну, ужъ извините! — горячо перебилъ его Лева, — Шерлокъ Холмсъ всегда рисковалъ своей жизнью и ничего не боялся — ни опасности, ни смерти! И я не знаю, почему онъ не почтенный. Да кромѣ того, дѣдъ сказалъ, что это хорошо, а если онъ сказалъ, такъ это вѣрно, потому что дѣдъ самый умный человекъ на свѣтѣ.

Учитель сдержанно улыбнулся, но ничего не возразить.

И они опять поѣхали молча. Левушка думалъ про себя:

«Если гдѣ-нибудь свершится преступленіе, я непременно его буду открывать: подберу всѣ клочки бумажекъ, измѣряю всѣ слѣды, ничего не упущу, и ужъ открою! Непременно открою!»

И онъ отъ души желалъ, чтобы по-скорѣй совершилось преступленіе.

Они выѣхали въ это время на опушку лѣса, и весь маленькій уѣздный городокъ, со своими тремя церквями, былъ передъ ними, какъ на ладонкѣ.

— Ну! Рысью? — спросилъ Лева, взглядывая на своего учителя.

— Пожалуй! — отвѣтилъ тотъ и чмокнулъ губами.

И восемь лошадиныхъ копытъ дробно застучали по твердой и пыльной дорогѣ. Иноходецъ учителя шель своей характерной перевалкой; Левушкинъ клепперъ, котораго онъ мысленно не называлъ иначе, какъ «Шерлокъ Холмсъ», красиво выбрасывалъ свои ноги, забирая все впередъ и впередъ.

Солнце уже склонялось къ западу, но было еще жарко, и воздухъ стоялъ неподвижно.

Вотъ начались и заборы огородовъ и глубокія канавы, прорытыя возлѣ нихъ.

Левушка посматривалъ вокругъ себя. Одна канавка, прорывъ ямку подъ заборомъ, уходила въ глубь огородовъ.

И на нее взглянулъ Левушка и подумалъ, что этимъ ходомъ человекъ можетъ проползти совершенно незамѣченнымъ.

Но вотъ они переѣхали маленькій мостикъ надъ высохшимъ ручейкомъ и въѣхали въ городокъ. Миновали соборную

площадь и, сѣлавъ два-три поворота, остановились у крыльца почтовой конторы.

Какой-то мужикъ подошелъ къ нимъ и вызвался подержать лошадей. Лева и Хоботовъ, соскочивъ съ сѣделъ и разминая ноги, пошли по ступенькамъ шаткаго деревяннаго крылечка. Почтовый чиновникъ, въ суровомъ, поношенномъ кителѣ, при входѣ ихъ въ контору, почтительно привсталъ и поклонился.

— Его превосходительству два письма, — заговорилъ онъ, направляясь къ полкѣ. — и вашему папашѣ тоже-съ! И газеты-съ. А отъ васъ что-нибудь будетъ?

— Да, вотъ письмо отъ дѣдушки, — сказала Лева, подавая письмо.

— Заказное, — прочиталъ чиновникъ и, доставъ книгу, сталъ выписывать квитанцію.

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась, и человѣкъ, въ мундирѣ почтальона, вбѣжалъ въ контору и, не обращая вниманія на постороннихъ посѣтителей, почти закричалъ, обращаясь къ чиновнику:

— Иванъ Никифоровичъ! Вѣдь убегъ! Право-слово, убегъ!

— Тише ты! — прикрикнулъ на него чиновникъ и потомъ спросилъ: — кто убегъ?

— Да каторжникъ-то убегъ! Право-слово, убегъ! Бѣглый-то! — уже понижая голосъ, но при этомъ какъ-то оживленно улыбаясь, говорилъ почтальонъ.

— Да, ну? — удивился чиновникъ и даже пріостановился писать.

— Покарай Богъ, убегъ! Вотъ, сейчасъ только! Ухъ, кутерьма тамъ теперь пошла! Ловить бросились! Страсть!

— Это кто убѣжалъ? — спросилъ Хоботовъ чиновника.

— Да одинъ бѣглый каторжникъ. Вчера только его къ намъ доставили, а сегодня должны были уже препровождать дальше, а онъ вотъ взялъ, да и того... Тюрьма-то у насъ, действительно, того, рухлядь! — добавилъ онъ и длинными ножницами аккуратно вырѣзалъ изъ книги квитанцію.

Лева стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Краска ярко выступила на его обыкновенно блѣдномъ, худенькомъ личикѣ. глазенки сверкали.

«Я его поймаю! Я его поймаю!» — замелькало у него въ головѣ, и онъ вдругъ началъ теревить за рукавъ своего учителя.

— Пойдемте, пойдемте, пойдемте скорѣй! — нервно шепталъ онъ при этомъ, и слезы нетерпѣнія готовы были брызнуть у него при видѣ тѣхъ медленныхъ, какъ казалось ему, движеній, съ

которыми учитель укладывалъ газеты и письма въ висѣвшую у него черезъ плечо сафьяновую сумку.

Но Хоботовъ и самъ торопился, и руки у него тоже почему-то дрожали.

Простившись съ чиновникомъ, они быстро вышли на крыльцо. Мужика, взяшагося поддержать ихъ лошадей, и слѣдъ простылъ, но кони ихъ стояли тутъ же, видимо наскоро привязанные къ забору.

Черезъ минуту они уже быстрой рысью ѣхали по базарной площади.

Народъ бѣжалъ къ выѣзду изъ города. Бѣжали бабы, что-то кричавшія на ходу; бѣжали молодые парни, съ какими-то странно горѣвшими глазами; бѣжали, сверкая босыми пятками, ребятишки, и даже степенные люди, и тѣ трусили мелкой рысцою все въ томъ же направленіи.

Какой-то франтъ писарского обличія, въ красномъ галстукѣ и въ сдвинутой на самый затылокъ бѣлой фуражке, неся, почти не уступая ходу ихъ лошадей. Лицо его было сердито, глаза куда-то жадно смотрѣли впередъ. Люди бѣжали, что-то кричали и перекликивались между собой, а между ними, съ веселымъ лаемъ, вертѣлись неугомонныя дворовыя собачонки. Стадо гусей, перепуганное этимъ всеобщимъ стремленіемъ, широко раскрывъ крылья и пронзительно гогоча, удирало въ какой-то переулочъ.

Но вотъ и конецъ города, вотъ и выгонъ справа, а слѣва огороды.

— Куда побѣжалъ-то? — приостанавливая лошадь, спросилъ Хоботовъ какого-то старика.

— Вонъ, вонъ, туда! Къ рѣчкѣ! Къ лознячку-то, значить! — зашамкалъ старикъ. — Вонъ гдѣ солдатики-то бѣгутъ!

И онъ указалъ рукой на мелькавшія вдаль бѣлыя солдатскія рубашки.

— Чего врешь-то? — вмѣшалась подбѣжавшая къ нимъ женщина, — Къ лѣсу онъ ударился! Мой Васька самъ видѣлъ! Прямо къ лѣсу!

— Твой Васька? — разсердился старикъ. — А Матрена-то куда говорила? Небось, къ рѣчкѣ! Онъ ее, небось, чуть съ ногъ не сшибъ! Дура!

— Самъ старый дуракъ! — огрызнулась баба и вперевалку побѣжала туда, гдѣ блѣли солдатскія рубашки.

Левушка, едва сдерживая своего «Шерлока Холмса» и самъ дрожа всѣмъ тѣломъ, внимательно и сосредоточенно выслушивалъ всѣ эти «показанія». Не безъ удивленія посматривалъ

онъ и на своего учителя. И его лицо, обыкновенно серьезное, даже скучное, было на этотъ разъ какъ-то странно возбуждено, и по голосу его было замѣтно, что и онъ былъ чѣмъ-то взволнованъ и, что называется, не въ себѣ.

— Надо къ рѣчкѣ! — вдругъ сказалъ онъ Левушкѣ и сразу въ карьеръ пустилъ своего иноходца, забирая вправо отъ дороги, туда, гдѣ мелькали бѣлыя солдатскія рубашки и куда бѣжалъ и весь остальной народъ.

Левушка поскакалъ за нимъ. Вотъ они перенеслись черезъ высохшій ручеекъ, взлетѣли на пригорокъ, и Хоботовъ повернулъ еще правѣе, къ какой-то толпѣ, бѣжавшей вдали и что-то громко кричавшей.

Но Левушка, вдругъ охваченный какимъ-то вдохновеніемъ, словно подчиняясь какому-то инстинкту, круто повернулъ своего клеппера и поскакалъ почти въ противоположномъ направленіи.

Хоботовъ, бывший впереди, не видалъ этого поворота и скакалъ одинъ впередъ, къ рѣчкѣ.

А Левушка, приподнявшись на стременахъ, впиваясь глазами впередъ, неся къ той дорогѣ, по которой они только-что проѣзжали изъ усадьбы въ городъ, неся къ тѣмъ огородамъ, которые граничили слѣва городской выгонъ, къ той канавкѣ, которая обратила его вниманіе. Вотъ, вотъ, близко уже и дорога, вотъ, вотъ и прясло огородовъ, вотъ и канава параллельно съ ними, вотъ сейчасъ и та канава, которая уходитъ вглубь. Левушка натянулъ поводья, чтобъ сдержатъ своего «Шерлока Холмса», но не успѣлъ, клепперь перескочилъ канавку и бокомъ уперся въ самый заборъ, даже покачнувъ его.

И Левушка замеръ.

У его ногъ, въ канавѣ, лежалъ страшный, сѣрый человѣкъ. Обнаженная, коротко-остриженная круглая голова его была какъ-то странно повернута. Небольшіе, свѣтло-сѣрые глаза съ ужасомъ смотрѣли на этого мальчика, почти повисшаго надъ нимъ на своей маленькой, рыжей лошаdkѣ.

«Онъ!» — мелькнуло въ головѣ у Левушки, и сердце его мучительно сжалось. Ему стало страшно, но онъ не могъ отвести своего взгляда отъ этой пары узкихъ, сѣрыхъ глазъ, съ ужасомъ и мольбой смотрѣвшихъ на него.

Левушка весь дрожалъ. Онъ не могъ дышать, и вдругъ какое-то непреодолимое чувство жалости охватило всего его. А глаза смотрѣли съ ужасомъ и мольбою.

Левушка опустилъ голову, дернулъ поводъ, и «Шерлокъ Холмсъ», подобравшись, перепрыгнулъ обратно канавку...

Выѣхавъ на дорогу, Левушка осмотрѣлся. Вокругъ не было ни души, только далеко-далеко, возлѣ рѣчки, видно было еще, какъ бѣжали люди и кое-гдѣ мелькали бѣлыя солдатскія рубашки.

Левушка повернулъ лошадь къ лѣсу и шагомъ поѣхалъ впередъ, по направленію къ ихъ усадьбѣ, какъ-то весь съежившись и не оборачиваясь назадъ. Онъ уже подѣзжалъ почти къ самой опушкѣ, когда увидѣлъ всадника, скакавшаго къ нему справа отъ рѣки. Всмотрѣвшись, онъ узналъ въ немъ своего учителя и въ то же время почувствовалъ какую-то странную боль въ лѣвой колѣнкѣ.

Левушка взглянулъ на ногу: брюки у него съ этой стороны были изорваны, бѣлье — тоже, и на обнажившемся тѣлѣ была небольшая ссадина,

«Это когда я ударился объ заборъ», — подумалъ Левушка.

На взмыленномъ иноходцѣ подскочилъ къ нему Хоботовъ.

— А я васъ ищу! Куда вы дѣвались? — какъ-то сконфуженно глядя на мальчика, проговорилъ онъ.

— Я упалъ съ сѣдла, — съ трудомъ выговорилъ Левушка.

— Ушиблись? — забеспокоился учитель.

— Нѣтъ. Только брюки изорвалъ и ногу немножко ссадилъ.

Хоботовъ посмотрѣлъ ему на ногу и укоризненно покачалъ головой:

— Вотъ видите, какъ неосторожно! Вамъ, значить, нельзя еще ѣздить карьеромъ.

Левушка вскинулъ глазами на учителя и хотѣлъ-было ему сказать, что онъ еще никогда не падалъ съ лошади, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сдержался и только закусилъ губку.

И они шагомъ, молча, вѣхали въ лѣсъ.

— Ну, что, поймали преступника? — спросилъ Лева черезъ минуту, и голосъ его при этомъ слегка дрогнулъ.

— Не знаю... нѣтъ... не поймали! Не знаю, впрочемъ... я... уѣхалъ... все это вздоръ! — какъ-то заминаясь и конфузясь, проговорилъ Хоботовъ, потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ: — и знаете, лучше всего, если мы не будемъ объ этомъ особенно рассказывать дома.

Лева утвердительно кивнулъ головой.

Вернувшись въ усадьбу, они сейчасъ же прошли въ ихъ комнату, и Лева переодѣлся. Онъ былъ очень молчаливъ и сосредоточень, но Хоботовъ какъ-то не замѣчалъ этого.

За вечернимъ чаемъ, впрочемъ, онъ нашель нужнымъ сообщить, что сегодня, когда они были съ Левою въ городѣ, тамъ изъ тюрьмы бѣжалъ какой-то арестантъ, и что весь городъ бро-сился его ловить, но поймали ли бѣглаго, — еще неизвѣстно.

Генераль посмотрѣлъ на Леву и улыбнулся себѣ въ усы. Но Лева не замѣтилъ этой улыбки: онъ молча и задумчиво пилъ свое молоко.

IV.

Лева плохо спалъ всю эту ночь. Его тревожили сны. Ему казалось, что онъ все время скачетъ на лошади, вдоль какого-то безконечнаго забора, и то и дѣло задѣваетъ объ него ногой, а изъ канавы, которая несется вмѣстѣ съ нимъ, смотрятъ на него глаза, полные мольбы и ужаса. И онъ не боится этихъ глазъ, онъ только не хочетъ ихъ видѣть, онъ отворачивается отъ нихъ. Но куда бы онъ ни повернулся, глаза, полные мольбы и ужаса, смотрятъ на него. И вдругъ на опушку лѣса выскакиваетъ Шерлокъ Холмсъ. Онъ маленький, толстый человѣкъ, съ цилиндромъ на головѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ и во фракѣ. Онъ растопыриваетъ руки и загораживаетъ Левѣ дорогу и въ то же время длинными-длинными руками хватаетъ лежащаго въ канавѣ сѣраго человѣка за горло и тащитъ къ себѣ его круглую, гладко остриженную голову, на которой два глаза смотрятъ съ мольбой и ужасомъ.

— Пустите его! — кричитъ Лева, стараясь отнять у Шерлока Холмса эту круглую голову.

Но Холмсъ хватается Леву за ногу и ногтями царапаетъ ему колѣнки.

— Лева! Лева! — стонетъ сѣрый человѣкъ.

— Лева! Лева! — громче раздается въ его ушахъ.

Левушка открываетъ глаза и видитъ приподнявшагося на своей постели Хоботова,

— Лева, повернитесь на бокъ! А то вы спите на спинѣ и поэтому стонете, — говоритъ учитель.

Лева поворачивается на бокъ и сейчасъ же начинаетъ скакать мимо безконечно длиннаго забора, а за нимъ на буромъ иноходцѣ скачетъ его учитель. И только это уже не Павелъ Федоровичъ, а Шерлокъ Холмсъ. Цилиндръ сорвался съ его головы, и вмѣсто фрака у него сѣрый, арестантскій халатъ. Вдругъ лошадь поворачиваетъ къ Левѣ голову и, сердито оскаливъ зубы, хочетъ укусить его.

Лева вскрикиваетъ и просыпается.

Хоботовъ громко похрапываетъ на своей постели.

«Я хочу видѣть глаза», — думаетъ мальчикъ и засыпаетъ, и сейчасъ же видитъ глаза. Они смотрятъ на него, полные мольбы и ужаса.

— Бѣги! бѣги! бѣги! — шепчетъ кому-то Лева. — Они побѣжали къ рѣчкѣ. И старикъ тамъ!..

— Бѣги, бѣги, бѣги! — тоненькимъ голосомъ отвѣчаетъ ему круглая, коротко остриженная голова.

Лева открываетъ глаза. Свѣтъ утра пробивается сквозь ставни.

«Чили, чили, чили!» — слышитъ Лева, какъ чиликаютъ воробы за окномъ, на карнизѣ.

«Свѣтаеть», — думаетъ Лева, засыпая опять, и спитъ уже спокойно.

Но утромъ Лева всталъ такой же задумчивый и сосредоточенный.

— Ты нездоровъ? — спрашиваетъ его мама, когда онъ на верандѣ пьетъ молоко.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчаетъ мальчикъ.

— А бѣлаго-то такъ и не поймали, — сообщаетъ немного спустя Левѣ казачокъ Степа. — Говорятъ, онъ за рѣку ушелъ.

И Левѣ почему-то это извѣстіе пріятно. Онъ весело бѣжитъ черезъ дворъ къ купальнѣ. Но, добѣжавъ до рѣки, онъ опять задумывается. Это та же самая рѣка, что течетъ и въ уѣздномъ городкѣ. Стало-быть, «онъ» ушелъ туда.

И Лева смотритъ на широкую пойму, расстилающуюся по другому берегу рѣчки.

И Левѣ дѣлается страшно: а вдругъ «онъ» придетъ къ нимъ въ усадьбу и всѣхъ, всѣхъ ихъ убьетъ? Онъ сейчасъ же вспоминаетъ маленькіе, сѣрые глаза, смотрѣвшіе на него изъ канавы.

«Нѣтъ, онъ не убьетъ!» — рѣшаетъ почему-то Лева и чувствуетъ, что какая-то непонятная близость существуетъ между нимъ и сѣрымъ человѣкомъ съ круглой, гладко остриженной головой, и никто на свѣтѣ не знаетъ объ этомъ.

— Uncle Bill how do you do? — вдругъ слышитъ онъ за спиной знакомый голосъ.

— I am very well, — начинаетъ-было Лева, но, обернувшись и не допѣвъ послѣднихъ словъ, бросается къ дѣду. — Ты гулять? — спрашиваетъ онъ его.

— Гулять, — отвѣчаетъ старикъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

И Лева, взявъ за руку дѣда и размахивая ею въ тактъ шага, идетъ рядомъ съ нимъ.

Нѣкоторое время они идутъ молча.

— Ну, что хорошаго? — спрашиваетъ, наконецъ, генераль.

Лева молчитъ

— Ты сегодня что-то блѣденъ, — опять заговариваете дѣдъ, взглядываясь въ лицо внука.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчаетъ тотъ и потомъ, послѣ небольшой паузы, начинается: — а вчера изъ тюрьмы убѣждалъ преступникъ.

— Знаю, — отзывается генераль.

— И его еще не поймали.

— И это знаю. А вотъ будь у насъ тутъ этакій, знаешь, Шерлокъ Холмсъ, живо бы сцапали голубчика. Не правда ли, Лева, а?

— Нѣтъ, не надо! — чуть слышно шепталъ Лева.

— Чего не надо?

— Шерлока Холмса не надо.

Дѣдъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на шедшаго рядомъ съ нимъ мальчика.

— То-есть, какъ не надо? — повторилъ онъ.

Но Лева, вмѣсто отвѣта, поплотнѣе прижавшись къ старику, вдругъ проговорилъ:

— Я тебѣ, дѣдъ, долженъ что-то сказать.

— Ну, говори!

И они оба пріостановились.

— Сядемъ, — сказалъ Лева, указывая на скамеечку, стоящую на берегу рѣки.

Лицо Льва Сергѣевича приняло озабоченное выраженіе. Что-то важное почувствовалось ему въ тонѣ ребенка. Онъ сѣлъ на скамейку, а Лева, вставъ передъ нимъ, сбиваясь и путаясь, рассказалъ все вчерашнее происшествіе.

Генераль слушалъ его, зорко глядя въ глаза мальчику. Потомъ у старика почему-то задрожала нижняя губа и затряслась рука, лежавшая на плечѣ внука.

— Дѣдъ! Скажи мнѣ, какъ я поступилъ: хорошо или худо? — спросилъ Лева, окончивъ свой рассказъ.

Дѣдъ сразу ничего не отвѣтилъ. Онъ обнялъ внука, горячо поцѣловалъ его и крѣпко прижалъ къ груди, и только послѣ этого уже твердо и увѣренно сказалъ:

— Хорошо!

— Почему же хорошо, дѣдъ? Вѣдь, подумай только!.. — началъ было мальчикъ, но старикъ прервалъ его:

— Не знаю, почему хорошо, но хорошо!

Затѣмъ, вставъ со скамейки, зашагалъ дальше. Лева шелъ съ нимъ рядомъ.

Они отошли уже довольно далеко, когда генералъ вдругъ, совершенно неожиданно, весело расхохотался.

— Ты что это? — спросилъ Лева, не безъ удивленія поглядывая на дѣда.

— Да вотъ, братъ! Всегда это такъ: практика расходится съ теоріей. Что по теоріи — хорошо; на практикѣ очень часто никуда не годится. И наоборотъ. Такъ-то, братъ!

— Отчего же это, дѣдъ?

— Оттого, что теорія есть созданіе ума, а практика сплошь да рядомъ результате порывовъ сердца.

— А какъ нужно? — спросилъ мальчикъ.

— Какъ нужно-то? Да какъ тебѣ сказать? И умъ — хорошо, и безъ сердца жить невозможно... А впрочемъ, слушайся больше сердца, Оно — умнѣе.

— Умнѣе ума?

— Вотъ именно, мой голубчикъ!

* * *

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, на верандѣ, между старикомъ генераломъ Буртасовымъ, его сыномъ Александромъ Львовичемъ и невѣсткой Лидіей Николаевной завязался опять вчерашній разговоръ.

Генералъ, впрочемъ, на этотъ разъ почти не возражалъ. Онъ только посмѣивался въ свои сѣдые усы.

— Выборъ книгъ для мальчика въ возрастѣ Лёвы — вещь крайне затруднительная, — говорила Лидія Николаевна, лѣниво обмахиваясь вѣеромъ.

— Да, положительно не знаешь, что и давать ему читать, — въ тонъ жены продолжалъ Александръ Львовичъ. — Въ спеціально дѣтскихъ журналахъ печатается такая бездарная чепуха, что болѣе или менѣе развитого мальчика можно заставить ихъ читать развѣ изъ-подъ палки. Да и они просто портятъ изящный вкусъ у дѣтей. А съ другой стороны, вотъ этиакіе Конанъ-Дойли направляютъ ихъ фантазію въ совершенно нежелательную сторону. Они начинаютъ увлекаться...

— Ну, и пусть увлекаются! — перебилъ его генералъ. — Увлеченіе свойственно молодому...

— Однако! — возразилъ сынъ. — Дѣлать себѣ героя изъ сыщика Шерлока Холмса, это...

— Не беспокойтесь за вашего сына! Никакія увлеченія для него неопасны! У него есть славный якорь, который всегда удержитъ его отъ всякихъ нежелательныхъ увлеченій.

— Какой же это якорь? — спросилъ Александръ Львовичъ.

— Честное сердце, — отрѣзалъ старикъ и, надѣвъ фуражку, пошелъ въ садъ, навстрѣчу бѣжавшему къ нему внуку.

Содержание

Раздел первый

Его прощальный поклон. Произведения А. К. Дойла 5

А. К. Дойл. Предисловие к сборнику «Его прощальный поклон» 6

А. К. Дойл. Предисловие к сборнику «Архив Шерлока Холмса» 6

А. К. Дойл. Предисловие к сборнику «Повести» 8

А. К. Дойл. Дело о высоком человеке 10

Р. А. Каттер. Шерлок Холмс и Дело высокого человека 13

Раздел второй

Знаменитый клиент. Материалы об А. К. Дойле 21

А. Толстой. Прогулка с Конан–Дойлом 22

П. Бейсов. А. К. Дойл и его записки о Шерлоке Холмсе 25

Раздел третий.

Знатный холостяк. Материалы о Шерлоке Холмсе 40

А. Генсис. Мой Шерлок Холмс 41

М. Маевский. Конан-Дойл: «Приключения сыщика Шерлока Холмса» 53

М. Югов. Элементарно, Ватсон? 61

Раздел четвёртый.

Пляшущие человечки. Шерлокианские прозамы 67

Б. Рэтбоун. Сон наяву. Рассказ 68

В. Кольшкин. Золотой дядюшка. Рассказ 73

М. Дибдин. Последняя повесть о Шерлоке Холмсе. Повесть 89

Фред Саберхаген. Обмен ролями. Рассказ 119

П. Ершов. Рождество Шерлока Холмса. Рассказ 128

И. Москалёв. Дело о Храме «Поющих Ангелов». Рассказ ... 170

М. Шайбон. Окончательное решение. Повесть 193

В. Тихонов. Сыщик. Рассказ 267